

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2022

**ХИБЛА
ГЕРЗМАВА:**
*«Я оставляю
зрителям
частичку себя»*

---

*О творчестве актера театра и кино, мастера дубляжа
популярных зарубежных фильмов Ильи Крутойрова
читайте на стр. 79*

Из российской истории

Денис Логинов «Орел и голубка» 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Василий Шукшин:**
«Будь человеком!» 13

Алла Зубкова **Путь гения** 86

Судьбы

Евгения Гордиенко **Авдотья Панаева. Муза,**
писательница, хозяйка салона 26

Так было

Светлана Маслова «**Живи и помни**» 34

Замечательные современники

Дмитрий Соколов **Хибла Герзмава: «Каждый человек**
на планете Земля должен
быть счастливым» 47

Елена Воробьева **Илья Крутойров: «Я всегда**
выкладываюсь в процессе
работы» 79

Это интересно

Владимир Братченко **Мистификация**
против казнокрадства 56

Ирина Опимах **Джон Майятт**
и его подлинные фальшивки 59

Дмитрий Зелов **Полёт на воздушном шаре** 74

Наша боль

Екатерина Маркова **Марат и Пятнашка** 70

Житейские истории

Ева Волочан-Фортунина **Смотритель маяка** 96

Чтобы помнили

Николай Блохин **В атаку с сестрой** 102

Поэзия

Ирина Путяева **Стихи** 116

Остросюжетный роман

Анна и Сергей Литвиновы **Вижу вас из облаков** 122

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Оперная певица театра
Станиславского и Немировича-Данченко
Хибла Герзмава
Фото Влада Локтева

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.09.2022

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций российской федерации

«Житейская судьба Сергея Довлатова изобилвала зигзагами, но творческий путь всегда был прям. Он писал, как думал и видел, и никогда не шел на компромисс с совестью. Творчество этого самобытного писателя полно загадок. Своего рода символической загадкой представляется и его смерть в 1990 году. И за этой внезапной кончиной сразу же последовала невероятная посмертная слава, какой Сергей Довлатов не знал при жизни, выстукивая на пишущей машинке свои нестареющие новеллы.

Юрий **Осипов** «Прямой путь Сергея Довлатова»

«Еще в 19 веке одной из женщин, позволившей себе переодеться в мужское платье, была Надежда Дурова, дочь Надежды Александрович и гусарского ротмистра Андрея Дурова. Молодая жена была страстно влюблена в своего мужа и мечтала подарить ему сына. Но, увы, вместо желанного сына родилась дочь, здоровенькая, красивая, которую нарекли в честь матери Надеждой. Надежда-старшая старалась приохотить дочь к женским занятиям — плести кружева, шить, вязать, но это не делало Наденьку счастливой — она любила лошадей, пистолеты, игры на свежем воздухе. А в 18 лет ее против воли обвенчали с дворянским заседателем Василием Черновым. Спустя два года Надежда решила покончить с семейной жизнью и сбежала от мужа. Она обрезала волосы, переделалась в мужскую одежду и, прибыв в стоявший неподалеку казацкий полк, представилась сыном помещика. Бойкого юношу, владевшего саблей и легко сидевшего в седле, сразу приняли на службу...

Евгения **Гордиенко** «Кавалерист-девица»

«Самым известным фильмом выдающегося чехословацкого режиссера Милоша Формана, снятым по бестселлеру К.Кизи, стала культовая лента «Пролетая над гнездом кукушки». Она установила своеобразный мировой рекорд, собрав пять главных «Оскаров»: за лучший фильм, режиссуру, сценарий и две главные роли. Стабильный успех сопутствовал и дальнейшим работам мастера, а о нем самом снимали фильмы, писали книги. Феномен его многогранного творчества до сих пор волнует и студентов киновузов, и маститых специалистов.

Георгий **Кричевский** «Синдром «Кукушки»

«Им восхищались и его дружбы искали самые могущественные государи. Он же ощущал себя то принцем, то лакеем, жывал в дворцах и дважды сидел в тюрьме, бывал и придворным, и изгнанником. А еще — едва ли не самым образованным человеком своего времени. Всю жизнь общаясь с коронованными особами, больше всего он боготворил свободу. При этом ничто человеческое было ему не чуждо. Он пережил множество любовных увлечений, но знал и настоящую любовь...

Алла **Зубкова** «История Франсуа Аруэ, именовавшего себя Вольтером»

«Окончание романа Анны и Сергея **Литвиновых** «Вижу вас из облаков»

«Орел и голубка»

Все знают великого князя Дмитрия Донского, победителя Куликовской битвы. Но мало кто помнит княгиню Евдокию — женщину, которая все время была рядом, любила и поддерживала его. Эта пара жила в тяжелое и печальное время Руси, когда постоянные войны, разорения и болезни преследовали царствование Донского. И несмотря на это, супруги были счастливы.

Евдокия родилась в семье суздальского князя Дмитрия в 1353 году. Княжна была хорошо образованна и любила читать, у ее отца была великолепная библиотека. Он решил выдать ее замуж за московского князя Дмитрия, чтобы закончить многолетнюю борьбу Московского и Суздальского княжеств.

Писательница Лариса Васильева в первую очередь известна своими очерками о судьбах кремлевских жен XX века. Почему-то среди них не оказалось ни особо ярких, ни особо успешных, ни, тем более, по-женски счастливых. Как тени, прошли они сквозь свое время, почти не оставив о себе никакой исторической памяти.

Но, оказывается, писательницу долгое время волновал образ совсем другой героини из невообразимо далекого для современников XIV века. Имя Евдокии Московской было незаслуженно забыто в советской России — несмотря на то, что она была супругой одного из главных героев российского воинского пантеона.

Возможно, Евдокия просто не вписывалась в официальные исторические каноны из-за того, что еще в XV веке церковь признала ее святой — на пять веков раньше, чем Дмитрия Донского.

Но в ее судьбе самое поразительное даже не это, а то, что в эпоху, когда княжеские браки совершались исключительно по династическим, а не романтическим соображениям, Евдокия вышла замуж по любви и пронесла эту любовь через всю свою жизнь.

В детстве дочь суздальского князя никогда не называли уменьшительным именем, только — Евдокия. Видимо, было в ней что-то такое, что требовало соответствующего созвучия.

Своего будущего мужа — молодого московского княжича Дмитрия — она увидела из окна своего дома, когда тот приехал к ее отцу решать вопрос, кто будет князем Владимирским. Увидела и как будто узнала — Он. И попросила у своей любимой иконы Богородицы Владимирской: «Дай мне Дмитрия в мужья».

В 1365 году в Москве случился страшный пожар, поэтому свадьбу отпраздновали в Коломне. Дмитрию

было 15 лет, а невесте — 13. По отзывам современников, князь Дмитрий был человек высоких моральных качеств, скромный и целомудренный.

В Коломне радостно переливались в звоне колокола, валом валил народ в кремль... Радость-то какая! Князь Димитрий Иванович женится, сам митрополит привез молодых венчаться в Коломну. Давно не было такой радости на этой земле...

*Славен город, славен город
Да на взгорье, да на взгорье!
Звон-от был, звон-от был
У Николы колоколы, у Николы
колоколы!*

*Славна была, славна была
У Димитрия дочь, у Димитрия
дочь,*

*Славна росла, славна росла
У Константиныча большая,
Сватались на Евдокии, сватались
на Евдокии*

*Трое сватовья, троя сватовья,
Троя сватовья, троя сватовья,
Трое большое, трое большое.
Первое сватовье, первое сватовье
Да из Новгорода, да из Новгорода,
Другое сватовье, другое сватовье
Да из славной Москвы, да из славной
Москвы...*

Так пели красные девки у княжьего терема, где одевали невесту, убирали, косу расплетали... Поверх сарафана парчового надевали нарядный, из камки желтой с аксамитовой багряной вошвой, горностаевый кортель на меху с широкими рукавами. Готовили убрус — обвивать ее головку, бережно несли очелье, разукрашенное жемчугом,

а концы убруса, расшитые разноцветными шелками, золотом и серебром, мягко скользили по рукам боярынь... Вот он, головной убор, символ власти мужа над женой... Страшно княгинюшке — что ждет ее в великокняжеском тереме?

А молодой князь представлял себе юную невесту белолицей и тонехонькой, такой, о которой пелось в песне...

*Она тонехонька, она тонехонька,
Личушком она белехонька,
Она белехонька, она белехонька,
Белехонька да румянехонька,
Ясны очи ясней сокола, ясны очи
ясней сокола,
Черны брови черней соболя.
Ягодницы как маков цвет, маков
цвет,
Походка у ней все повинная, все
повинная.*

Разговоры у ней лебединые!

В невестином тереме открывали сундук с поясами, которые она вместе с сестрами и боярынями ближними вышивала в отцовском доме для гостей свадебных, еще не зная, кто же будет ее суженый.

Так готовились к свадьбе красавицы княгини и великого князя московского Дмитрия в Коломне.

Коломна — не Москва, в ней и по сей день сохранились целые кварталы, не тронутые временем. Там так легко представить себе праздничные толпы на улицах и площадях, перезвон колоколов, свадебный поезд...

Черные горести постигли Московское княжество, многие беды пре-

следовали его, но велика была любовь в народе к молодому князю Дмитрию Ивановичу. Жалели его люди — совсем еще мальчик, еще борода не растет, только 15 лет ему...

Начало его великого княжения ознаменовалось небывалыми бедствиями. Летом 1365 года горела Москва, горела страшно, и пожар тот назовет летописец Великим. Жар и зной стояли многие месяцы в восточных землях, засуха погубила урожай. В один из дней загорелась церковь Всех Святых, а поднявшаяся буря разметала горящие головни, загорелось сразу в десяти местах, и люди не успевали гасить огонь, расходилось кругами жадное пламя, пожирая все вокруг себя. За один час или за два выгорел весь город — и Посад, и Кремль, и Загородье, и Заречье. Всехсвятский пожар погубил красавицу-Москву.

После свадьбы в Коломне молодой муж привез жену на пепелище — деревянный Кремль сгорел в очередном пожаре. Но уже вовсю шло новое строительство — на этот раз из известняка. Новый Кремль будет белокаменным.

В следующую зиму напал на Московское княжество «великий мор», горько страдали и плакали люди по всем волостям Московским:

«Множество людей умирало каждый день — по двадцать и по тридцать человек в день, а иногда и по шестьдесят и по семьдесят, а иной раз даже до ста человек в день. А бывали и такие дни, когда больше ста человек умирало».

Смотрел юный князь на страдания людей, и сердце его сжималось от страха, и молился он вместе с митрополитом Алексием об избавлении от болезни той страшной. Потом юная княгиня будет рассказывать ему, как пришла та страшная болезнь, судя по всему, бубонная чума, в ее Нижний Новгород. Как умирали на ее глазах люди, как ее няньку-мамку жег огонь страшный, харкала та кровью, потом покрылась язвою на шее и в три дня умерла. В Нижнем все говорили, что та болезнь страш-

дрей. А князь Дмитрий едва сдерживал слезы, чтобы не заплакать при воспоминаниях и для него горших — вспоминал матушку свою, умершую в то время и так и не дождавшуюся его свадьбы, вспоминал и братца своего, наперсника его детских игр, Ванечку, который так мучился в бреду и перед смертью не узнал его. Так многое было им понятно и без слов...

Много горя увидел юный князь, но возрос сердцем и мужеством за годы своего отрочества. От отца

Необходимость защищать трудно складывающееся государство уводила князя Дмитрия в постоянные походы. Москва, Кремль, семья оставались заботам Евдокии. Между тем, семья становилась все больше — за годы жизни с князем Евдокия родила ему 12 детей. Брак, заключенный по политическому расчету, стал в результате браком по любви. Недаром в народе княжескую пару называли «орел и голубка». В мире и согласии супруги прожили 22 года

ная пришла по Волге с низовий, а потом уже пошла в Коломну, а из Коломны на другой год — в Переяславль, а из Переяславля на другой год — в Москву... И так по всем городам и во всех пределах был мор великий, страшный.

В памяти осталась страшная трагедия, и княгиня рассказывала юному мужу, как умирали вокруг нее многие, как умер ее дядя, старший брат отца, нижегородский князь Ан-

Дмитрий унаследовал доброе, нежное сердце. Но воле и твердости научил его строгий и многоумный митрополит Алексий, сделавший из него непреклонного великого князя.

В 1354 году в городе Константинополе, столице православного мира, Алексий был поставлен в митрополиты Киевские и всея Руси. В 1357 году будущий святитель Алексий был вызван в Орду: жена хана Джанибека, Тайдула, тяжело заболела

и ослепла, и хан, наслышанный о даре Алексия, просил русского митрополита исцелить ее. «Мы слышали, — писал хан, — что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего; да испросит же он здравие моей супруге». В тот день, когда митрополит должен был отправиться в Орду, в Москве, у гроба святого митрополита Петра, сама собою зажглась свеча. Алексий разделил ее на части и раздал народу, а часть воска вместе со святой водой взял с собой в Орду. Он усердно молился над Тайдулой, зажег свечу, окропил ее освященной водой, — и произошло чудо! Ханша прозрела. После этого Алексий с великими почестями и дарами вернулся в Москву и заложил здесь в честь этого события Чудов монастырь.

Эту историю своего путешествия в Орду не раз рассказывал будущий святитель юным князю и княгине, показывал им перстень с драконом, которым одарила его Тайдула. И всякий раз лицо Евдокии озарялось румянцем, а глаза становились блестящими от восторга — так верила она в чудесную силу Алексия, подтвержденную небесами.

И опять спас Русскую землю Алексий, когда на следующий год в Орде произошли страшные, звериные распри, а на Руси наступила, по словам летописца, «великая истома русским князьям». Не успел Алексий уехать из Орды, как сын хана Джанибека Бердибек убил своего отца и двенадцать своих родных братьев. А потом

на Русь явился посол от него с требованием «царева запроса», внеочередной дани, угрожая войной. Пришлось Алексию опять собираться в поездку в Орду. Он сумел отвлечь гнев от князя и, несмотря на всякие притеснения в Орде, с помощью благодарной ему матери Бердибека, ханши Тайдулы, смирить хана, после чего митрополит был отпущен с миром и почестями на Русь.

На Руси с тайной надеждой и страхом ожидали возвращения Алексия, ему устроили торжественную встречу в Москве, чествуя как небесного утешителя, а юный его воспитанник, князь Дмитрий Иванович, старший сын великого князя, не смог сдерживать слез и в радости восклицал:

«О, владыко! Ты даровал нам житие мирное; чем можем изъявить мы тебе нашу благодарность?»

Необходимость защищать трудно складывающееся государство вводила князя Димитрия в постоянные походы. Москва, семья, Кремль оставались заботам Евдокии. Семья, между тем, становилась все больше — за годы жизни с князем Евдокия родила ему 12 детей, из них 8 сыновей. (Брак, заключенный по политическому расчету, стал в результате браком по любви. Недаром в народе княжескую пару называли «орел и голубка». В мире и согласии супруги прожили 22 года.)

Но не стоит думать, что княгиню волновали одни лишь материнские хлопоты. Еще до замужества в от-

цовской библиотеке юная княжна читала Гомера, Вергилия, Платона, Аристотеля. Ее особый интерес также вызывали труды врачей — Галена и Гиппократы.

Всю свою жизнь княгиня будет заниматься целительством. Особенно прославится помощью слепым людям — говорят, ее прикосновение возвращало им зрение. Неслучайно до революции иконки с образом святой княгини были почти в каждой московской семье.

После Куликовской битвы именно Евдокия организовала в Москве общегородскую госпиталь, куда свозили раненых. Говорят, проводила там дни и ночи, многих вылечила. Не только своим целительским даром, но и особым талантом создавать атмосферу бодрости и воли к жизни.

А во время битвы раненому князю, упавшему с коня и едва не затоптанному своими же воинами в пылу боя, было видение его жены: как будто именно с ее помощью он сумел доползти до ближайшего перелеска, где и нашел его обрадованный двоюродный брат Владимир Андреевич.

Правда, вылечить до конца его рану даже Евдокии было не под силу. Но на все, как говорится, Божья воля. После Куликовской битвы венценосным супругам было отпущено еще девять лет совместной жизни.

И вот что самое главное — их союз стал для Москвы и всего княжества гораздо большим, чем просто семейное гнездо. Вокруг Дмитрия, получившего имя Донской после Ку-

ликовского сражения, и его Евдокии собрались невероятные по силе и значению для Руси личности. Священнослужители Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Савва Сторожевский. Конечно, не от княжеской четы зависело, что именно в их время жили и служили эти люди. Но очень символично, что все они были в тот момент вокруг московского престола.

В 1380 году князь Дмитрий собрал войско для битвы на Куликовом поле, отказавшись платить темнику Мамаю увеличенный размер дани. Страшный плач стоял на Руси, женщины прощались с мужьями и сыновьями, как с идущими на верную смерть. Когда Евдокия провожала князя на битву, Дмитрий на прощание сказал ей: «Жена, если Бог за нас, то кто против нас?»

Часами княгиня вместе с другими женщинами, чьи мужья ушли на войну, молились в храмах за воинов. Евдокия верила и ждала мужа, и пришла радостная весть, что русское войско победило, а вскоре вернулся и сам князь Дмитрий. Русь ликовала, то был первый шаг к освобождению земель от Золотой Орды.

Но недолго удалось порадоваться супругам победе, через два года хан Тохтамыш пошел в поход на Русь, не простив Донскому победы. Дмитрий Иванович уехал собирать ополчение. А Евдокия с детьми еле спаслась, она покинула осажденную

ханом Москву и чудом избежала плена.

Москва была взята и сожжена Тохтамышем в 1382 году. Это произошло с помощью предательства двух суздальских князей, которые пришли вместе с ханом. Это были братья Евдокии, Василий и Симеон. Именно они убедили открыть ворота крепости москвичей. Тяжело пережила княгиня это предательство. Когда Евдокия и Дмитрий вернулись в разоренную Москву, то не смогли сдержать слез, увидев пепелище.

В 1383 году супруги были вынуждены отправить 12-летнего сына в Орду вместо князя за ярлыком на княжение, потому что опасались, что Донского там убьют. Тохтамыш сильно разозлился на Дмитрия и запросил за его сына огромный выкуп. У разоренного княжества таких денег не было, поэтому Василий пробыл в плену два года, пока ему не удалось сбежать в Литву. Сердце Евдокии разрывалось от переживаний за любимого сына.

В 1389 году Дмитрий «разболелся и прискорбен бысть вельми, потом же легчае бысть ему; и паке впаде в большую болезнь и стелание прииде к сердцу его, яко торгати внутренем его, и уже приближися к смерти душа». Сильные ушибы, полученные во время битвы князя на Куликовом поле, да и многие горести надломили того, кто «телом велик, и широк, и плечист». Подстерегла князя болезнь, судя по всему, это была, как тогда говорили, груд-

ная жаба. Угас князь через девять лет после своей великой победы. Сосредоточились тогда все его силы, собрал могучее свое здоровье для той великой битвы, а потом потихоньку терял силушку могучую.

Евдокия старалась порадовать князя. За три дня до кончины «своего солнца» родила ему восьмого сына. Они были еще молоды, и думалось ей, что встанет князь. А он уже чувствовал зов Божий, потому велел призвать к себе игумена Радонежского Сергия и всех своих верных бояр, с их помощью составил духовную грамоту и скрепил ее великокняжеской печатью. Именно о такой духовной грамоте задолго до смерти рассказывал он своей Евдокеюшке, хотел установить новый ясный твердый порядок в своем великом княжестве — отдавать державу в руки старшего сына как «отчину», а тот, — в руки своего старшего сына, а там опять: от отца к сыну.

А перед смертью долго говорил с женой и детьми и приказал им быть во всем послушными матери и действовать единодушно, любить Отечество и его верных слуг. Приказал то, что сам делал всегда. Потом благословил семнадцатилетнего Василия Дмитриевича на великое княжение и выбрал ему девять опытных советников. После этого попрощался со всеми по очереди: с Евдокией и детьми, с боярами, поцеловал каждого подходившего и, проговорив: «Бог мира да будет с вами», сложил руки на груди и преставился.

В духовной грамоте Евдокии отводилась великая роль примирительницы и главной духовной опоры сыновней. Будто чувствовал Дмитрий, что она остается в этом мире за него хранить дело всей его жизни...

После смерти Дмитрия Донского в 1389 году Евдо-

кия проживет еще 18 лет. Что удивительно — почти до смерти сохранит и моложавый облик, и красоту, и здоровье. «Кто исцеляет, сам болеть не должен», — говорила княгиня. Ни один мужчина не занял ни в ее сердце, ни рядом места покойного супруга.

Усердными молитвами и постами после смерти князя вымаливала Евдокия милосердия Бога к земле Русской. Ее молитвам

приписывали люди чудо спасения Москвы от нашествия Тамерлана. С великой ратью шел он на Москву, и не было бы ей спасения. Но по настоянию Евдокии и совету митрополита Киприана из Владимира была привезена чудотворная икона Владимирской Божьей Матери. Тогда Тамерлану во сне,

Памятник супругам Дмитрию Донскому и Евфросинии Московской

у Ельца, где он остановился, явилась Божья Матерь, и он повернул свое несметное войско назад и ушел в Крым...

О приближении кончины княгине рассказал ангел в видении. Сразу после этого видения Евдокия онемела. Тогда она призвала к себе иконописца и, помогая себе руками, объяснила ему, что хочет увидеть написанного ангела. А когда желание ее было исполнено, она благоговейно поклонилась ему... Но это не был ангел из ее видения. Три раза переписывали икону, и только когда принесли икону с изображением святого архангела Михаила, она узнала в нем чудесного вестника, и к ней вернулся дар речи.

В летописях сохранился трогательный душой своей художественной силой и красотой слога текст плача княгини Евдокии по князю Дмитрию Донскому. Впрочем, по мнению Ларисы Васильевой, за много лет исследований хорошо изучившей свою героиню, вряд ли бы княгиня стала столь поэтическим образом выразиться о своих чувствах. Да и вообще, не в ее повадках было говорить о том, что должно оставаться только между двумя любящими людьми.

Доказательством безграничного доверия и уважения к супруге служит завещание Дмитрия Ивановича, в котором он одарил жену земельными наделами и властью. После его смерти Евдокия участвовала в управлении княжеством, так как

Донской указал в духовной грамоте, чтобы сыновья беспрекословно слушались мать.

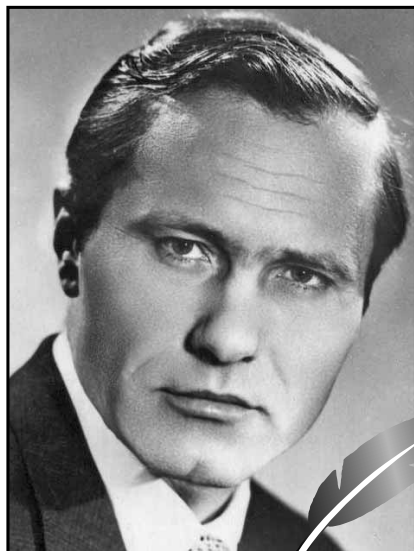
Она руководила сбором войск на защиту Москвы во время нашествия хана Тамерлана в 1395 году. Именно она ввела празднование дня Куликовской битвы — 8 сентября. Княгиня много занималась благотворительностью: выделяла большие средства на строительство монастырей и церквей, помогала бедным. Пригласила Феофана Грека расписывать в Кремле церковь Рождества Богородицы.

В 1407 году, незадолго до смерти, Евдокия постриглась в монахини, приняв имя Евфросинья. Она умерла в 55 лет. Всю жизнь она верно служила своей семье и стране. Сейчас святая Евфросинья Московская почитается как защитница русских земель.

1 июня, по решению Священного Синода, — это день общей памяти святых Дмитрия Донского и Евфросинии (Евдокии) Московской, символа доброго супружества, чадородия и родительского счастья.

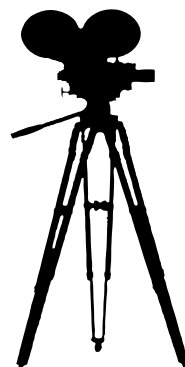
Скульптор Дмитрий Кукколос, желая показать людям, что именно семьей сильна Россия, изобразил Дмитрия Донского и Евфросинию Московскую с двумя детьми: впереди стоит их первенец — княжич Василий, а младенца Юрия держит на руках мать.

Памятник святым супругам был торжественно открыт 19 ноября 2013 года возле единственного в России храма преподобной Евфросинии Московской в Котловке. □

Василий Шукшин

«Будь
человеком!»

Перед главным входом во ВГИК застыли в бронзовой скульптурной композиции его легендарные выпускники: Андрей Тарковский, Василий Шукшин, Геннадий Шпаликов. А еще одной скульптурой Василий Макарович, задумавшись, сидит босиком на газоне мосфильмовского яблоневого сада, посаженного некогда самим Довженко...

Выдающийся кинорежиссер, актер и, конечно же, яркий, самобытный писатель. Все это — Шукшин, «такой вот парень» из алтайского села Сростки. Он стал одной из знаковых фигур отечественной культуры второй половины XX века, а его литературное и кинематографическое наследие продолжает быть востребованным.

Творчество Шукшина, в том числе литературное, отличала способность мучиться «проклятыми» вопросами бытия, упорно искать смысл жизни. Он говорил: жить надо с ощущением, что «есть на кого обернуться», так, чтобы «сердце приросло к жизни». И — заполнять пустоту. Сам он заполнял ее по мере сил до последнего вздоха.

В литературу Василий Шукшин вошел легко — самый первый рассказ его был опубликован в журнале «Смена», а позже несколько рассказов в «Новом мире» — сразу после того, как он покинул стены института. Ему тогда исполнилось 34 года. За плечами до поступления во ВГИК остались семилетка в алтайской глуши, неоконченный автомобильный техникум, сезонная работа на селе, а еще — слесарем на строительстве турбинного завода в Калуге и тракторного во Владимире.

Его проза, короткие рассказы о странных, ни на кого непохожих, будто выломившихся из обычной жизни людях сразу нашли своего преданного читателя. Писательскую профессию Шукшин понимал глубоко и буквально кожей ощущал, что есть подлинная литература. Вероятно, поэтому у него нет проходных, чисто описательных рассказов, но — только такие, в которых мы находим авторское откровение, чеховскую простоту слога, ясность мысли.

Василий Макарович Шукшин родился в июле 1929 года в алтайском селе Сростки. Отец писателя, Макар Леонтьевич, работал в совхозе «Пламя коммунизма». В 1933-м был арестован по пресловутой 58-й статье в числе прочих участников сфабрикованного «антиколхозного заговора» и расстрелян по внесудебному приговору особой «тройки» НКВД. Его реабилитиро-

вали посмертно в 1956 году. Все заботы по воспитанию детей взяла на себя мать.

Сельскую семилетку Вася окончил в разгар Великой Отечественной войны и поступил в Бийский автомобильный техникум. Трагическая судьба отца осталась кровоточащей зарубкой в его сердце и сознании, наложила отпечаток на литературное и кинематографическое творчество. Озлобление на несправедливость жизни, душевная неуемность не дали ему окончить техникум и погнали назад в родное село, где он устроился, было, работать в колхозе, но вскоре уехал пытаться счастья слесарем на разных предприятиях, а затем — на строительстве турбинного завода в Калуге и в цехах тракторного завода во Владимире.

В армию ершистого парня призвали в 1949-м. Служил сначала радистом под Ленинградом, а затем попал в отряд связистов Черноморского флота в Севастополе. Там-то и началась как актерская (участво-

вал в работе драмкружка при клубе, став под конец службы его руководителем), так и литературная деятельность Шукшина. Рассказы свои он читал однополчанам, и они им нравились.

Комиссовавшись по причине обнаруженной у него язвы желудка,

В ходе собеседования Василий изумил приемную комиссию своим невежеством, но чем-то приглянулся Михаилу Ромму, который разглядел в нем неординарную творческую личность и взял к себе на курс. Вместе с Андреем Тарковским. Впоследствии он говорил об этих двух глав-

---

Первый сборник рассказов Шукшина выпустило в 1963 году издательство «Молодая гвардия». Критики отмечали, что в лучших рассказах сборника автор демонстрирует «жизненное чутье, зоркость, пластичность, он словно растворен в своих персонажах, смотрит их глазами». Первый успех подтолкнул писателя к созданию два года спустя сценария, позднее переработанного в роман «Я пришел дать вам волю» — о крестьянском восстании Степана Разина

Василий возвратился в Сростки, где экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости и устроился учителем русского языка и литературы в местную школу сельской молодежи, одно время даже директорствовал в ней. Но мечтал о большем и верил, что может достичь этого.

Парня манил ВГИК. Чтобы собрать ему денег на дорогу в Москву, мать продала корову. Документы он подавал на сценарный факультет, но потом вдруг решил поступать на режиссерский, о котором имел весьма смутное представление. Вместе со своим приятелем-земляком считал, что фильм снимают сами актеры: мол, договариваются между собой и — вперед!

ных своих выпускниках: «Обоих учить бессмысленно. Один знает уже все, а другой — вообще ничего». В институте и позднее они не дружили, хотя относились друг к другу уважительно. При этом оба отличались крайне неуживчивыми характерами...

Именно Михаилу Ильичу свежее испеченный студент принес на суд первую свою прозу, и тот посоветовал послать ее в журналы. Так, в 1958 году в «Смене» вышел рассказ Шукшина «Двое на телеге». С этой публикации и началась писательская судьба самобытного прозаика «из народа».

Рассказ с виду незатейливый, особенно если учесть, что автору было уже под тридцать, и навидаться он успел всякого... Однако за

бесхитростным внешним повествованием здесь проступает иная история, как бы второе «дно», которое будет приметой дальнейшей новеллистики этого талантливой и зоркого писателя. Такая иная, подспудная история и выделяет рассказ из потока журнальной беллетристики тех лет. От настоящего Шукшина здесь пока только одна фраза, но она дорогого стоит: «Все это очень походило на сказку».

Почему все же он выбрал ВГИК, тем более режиссерский факультет?

процессе учебы. А еще, с легкой руки Хуциева (памятный фильм «Два Федора»), он начал сниматься, что принесло ему всероссийскую популярность.

Однако постепенно его все больше тянуло к литературе. «Крепкий мужик», «Мастер», «Сураз», «Вянет, пропадает», «Охота жить»... Пошли рассказы — странные, злые, насмешливые, порой даже ернические и оставляющие неизгладимое впечатление. Например, взялся один добрый одинокий поселянин в рас-

---

Василий Шукшин оставил глубокий след в нашем кинематографе. Он снялся в десяти картинах, был автором сценариев девяти фильмов, помимо этого, экранизировано два десятка его произведений. А еще он оставил нам три тома своей очень весомой прозы, в которой особое место занимает книга «Нравственность — есть правда»

Думается, это было обусловлено провинциальным, вдобавок еще сельским культом кино советской эпохи, затаенной верой, что, как пелось в одном ироничном тогдашнем мультфильме, «кто в этот мир попал, навек счастливым стал». Ну а режиссер... Честолюбие всегда отличало Шукшина. И когда он узнал, что, оказывается, человек этой профессии является в кино самой важной персоной, распорядителем всего, захотел им стать.

Поначалу, правда, собирался поступать на сценарный, но передумал, к сценариям Василий обратится в

сказе «Охота жить» перевоспитать хорошим отношением закоренелого разбойника и в благодарность получил от него пулю. Выходит, не перевоспитал! Или в рассказе «Вянет, пропадает» встретились, как говорится, «два одиночества», оба вполне симпатичные люди, но почему-то ничего у них не сложилось, и в итоге такими жалкими они оказались.

«Ах, учитель, учитель... Хорошо бы тебя ногами к потолку подвесить... Нет, на твоих же глазах жenu твою драгоценную... исцеловать, всю, до болячки, чтоб орала. Жесто-

кие чувства гнали Спирьку вперед, точно кто в спину подталкивал... Но он знал, что сейчас не бросится на учителя, нет, это будет потом... спокойно. Страшно... Это потом...

Он явился, как если бы рваный черный человек из-за дерева с топором вышагнул... Стал на пороге».

Положительный герой «Сураза» и ряда других рассказов превращается либо в зверя, либо в конченого неудачника. Такие вот мрачные «сказки» выходили из-под пера Шукшина, и даже пронзительная новелла «Верую» вовсе не о том, как ее герой пришел к истинной вере, а о том, как он пустился в пьяную пляску с попом... Своеобразная метафора лицемерного облика советской действительности.

Первый сборник рассказов писателя «Сельские жители» выпустило в 1963 году издательство «Молодая гвардия». Критика отмечала, что в лучших рассказах сборника автор демонстрирует «жизненное чутье, зоркость, пластичность» и «словно растворен в своих персонажах, смотрит их глазами». Первый успех подтолкнул Шукшина к созданию два года спустя сценария, позднее переработанного в роман «Я пришел дать вам волю» — о крестьянском восстании под предводительством Степана Разина.

У литературных и киногероев Шукшина никак не получается жить по своей воле. Они — люди без устоев, с разрушенной преемственно-

стью, какой-то тайный враг мешает им самоопределиться, достигнуть того, что поэт называл «самостоянием» человека. Шукшин с самого начала пытался найти своим творчеством этого тайного врага, парализующего народную волю. Со временем поиски ответа привели его к новому взгляду на народ, Россию и ее историческую судьбу. Собственно говоря, эти мучительные творческие поиски и сделали Василия Шукшина большим русским писателем.

Его, подобно Горькому, почитали за то, что он поднялся «из гущи народной», и писательской карьере Шукшина это помогало. Чтобы утвердиться в литературе, он даже написал в 1964-м году несвойственный ему по жанру роман «Любавины». Роман о революции, Гражданской войне и классовой борьбе в деревне в духе традиционного в советской прозе крестьянского эпоса, восходящего к «Тихому Дону» и продолженного каноническими «Строговыми» Г. Маркова.

К ним в «Любавиных» читателя отсылают картины сельского быта, как, например, одна из начальных: «Завтракали все вместе. Во главе стола — Емельян Спиридоныч. По бокам — сыны. Ели молча, аккуратно и долго. Сперва была лапша с гусятинной, потом жареная картошка со свиной». Но при внешней традиционности история раскулачивания спесивого рода Любавиных, осмелившихся вступить в борьбу с гэпэшниками, по-своему загадочна. Загадочен в романе и сам характер

взятой Шукшиным деревни. Не идиллической и не бунтарской, как описывали ее оба крыла прозаиков-деревенщиков. Она здесь какая-то независимая ни от кого и никого не жалующая. Сама по себе, наполненная излюбленными шукшинскими чудиками, одаренными, но плохо совместимыми с окружающими.

Вот почему о рукопись «Любавиных» «споткнулись» в «Новом мире», и вышла она затем только в далеких «Сибирских огнях», подвергнувшись незаслуженной мелочной критике и придиркам рецензентов почвеннического направления. Так что вторую часть романа, где действие перенесено уже в 50-е годы, Шукшин написал, а вот печатать не стал. Опубликовал из нее лишь небольшую грустную и проникновенную повесть «Там вдали», оставшуюся, увы, почти незамеченной.

Именно тогда, когда в литературном и кинематографическом творчестве Шукшина все сильнее зазвучала горькая, надрывная струна, он напрямую столкнулся с цензурой. В его книгах и фильмах началось развенчивание укоренившегося в общественном сознании мифа о благостной, идиллической России. А где Россия настоящая, он, да и вообще никто, пожалуй, не знал. О вековых причинах российского неурядиства горожане обычно отвечали, что виноваты, мол, социальные условия, ну а писатели-деревенщики винили во всем город и горожан, хотя именно туда стремились вырваться из род-

ного гнезда многие реальные прототипы их литературных персонажей.

Шукшин город в принципе не любил, не принимал. Это видно из его автобиографического рассказа «И разыгрались же кони в поле». Но винить во всех бедах город и его обитателей тоже отказывался. Черная комедия «Печки-лавочки» (1972), которую он считал своей лучшей киноработой, обыгрывает романтические штампы есенинской деревни и высмеивает наивные попытки решить «русский вопрос» путем перекалывания вины на горожан, якобы, высокомерных и всегда жуликоватых.

Да, городские в фильмах и прозе Шукшина часто выведены по большей части халявщиками, наглецами и спекулянтами. Однако эти новые типажи писателя и кинорежиссера — умные, хитрые и изворотливые крестьяне, которым претит расхожее представление горожан о народе. Они в известной степени простодушны, но ничего идиллического в них уже давно не осталось. Большинство, перебравшись в город, так и не сумело освоиться там. Те же, кто считают псевдовысокомерных городских главными виновниками собственных трудностей, выведены в ярком образе Глеба Капустина из известного рассказа «Срезал». Этот жестокий, недолюбливаемый односельчанами «тихушник» хамит случайным приезжим и таким образом компенсирует исподволь мучающее его чувство собственной неполноценности.

Бронзовая скульптура перед ВГИКом

В опубликованной посмертно сказочной притче «До третьих петухов» Шукшин зло высмеял и почвенников-патриотов, и профессоров-западников, а Иванушку-дурачка поселил в библиотеке, где он только по ночам сходит со страниц книги, демонстрируя тем самым неизбежное вырождение народного мифа, коли людям ни в каком смысле не нужна воля-вольная.

Говорить о личной жизни и личности Василия Шукшина нелегко. В одном из его рассказов герой обращается к собеседнику с призывом: «Будь человеком!». Сам автор этому призыву следовал не всегда. Отношения Василия Макаровича с друзьями и женщинами часто бывали очень запутанными.

Первой официальной супругой Шукшина стала его односельчанка, учительница Мария Шумская. Они расписались летом 1965-го, когда 26-летний студент ВГИКа приехал на первые каникулы домой. Из загса Василий вернулся один. Рванул на себе рубаху с выкриками: «Вот это женитьба! Ну и женился!» Оказалось, новобрачная категорически не желала ехать с мужем в Москву — ее пугала неопределенность их будущего, и она предпочла дожидаться Шукшина у своих родителей в Сростках...

Потом было еще два брака, но оба неудачные. И только третий с актрисой Лидией Федосеевой оказался более счастливым. Они встретились на съемках фильма «Какое оно, море?» Ему на тот момент исполнилось 35, а ей шел 26-й год.

Благодаря своей фактуре и особой манере игры, непрофессиональный, в сущности, артист Шукшин по-прежнему пользовался спросом в кино и здесь достойно выступил рядом с легендарными Н. Крючковым и С. Любшиным, создав обаятельный и запоминающийся образ.

Чем больше Шукшин снимался в кино, тем разительнее менялся его актерский и, как ни странно, писательский облик. Появлялись какая-то загнанность, безнадежность, тоска. Это особенно заметно в Егоре Прокудине из исповедальной «Калины красной» (1974), главного режиссерского и актерского фильма мастера. Он сам и его экранно-литературные герои все более маргинализируются, совершая переход от представителей общества к изгоям этого общества, превращаются в одиночек. И то, что Прокудин — вчерашний уголовник, которого в финале настигает кара бывших «друзжков», весьма знаменательно.

Причина подобной трансформации вполне очевидна. Герои Шукшина от одного берега уплыли, но до другого не добрались — селянами быть перестали, а горожанами так и не стали. Кто виноват? Разумеется, не город, скорее, к сожалению, сама социальная среда, «гасящая» любую самобытность, нивелирующая и обесценивающая всякую активно ищущую личность. Отсюда — загнанность подобных индивидуальностей, обреченных быть преданными теми, кому они доверяли.

Апофеоз этой темы Шукшин задумал воплотить в мощной фигуре народного вождя Степана Разина, написав сценарий «Я пришел дать вам волю». Трагическая вещь. И трагично, что картина не состоялась. Сценарий был превращен автором в роман. Шукшин завершил его к 1969 году и напечатал все в тех же «Сибирских огнях». Отдельной книгой три части романа вышли в издательстве «Советский писатель» в 1974 году.

Василий Макарович не расстался с мечтой любой ценой поставить этот свой заветный фильм, решив после него вообще завязать с кино. И Разина хотел принципиально играть только сам. Потому-то и согласился сняться в роли Лопехина у Сергея Бондарчука в эпической драме «Они сражались за Родину». Экранизация нескольких глав незавершенного романа Шолохова мало привлекала его, но Шукшин надеялся с помощью двух этих «классиков» — литературы и кинематографа — свою картину пробить. И не ошибся: Бондарчук твердо обещал помочь. Осенью 74-го дирекцией «Мосфильма» было принято решение о запуске фильма Шукшина. Но только при условии его участия в съемках «Они сражались за Родину». Василий Макарович начал сниматься, но ... неожиданно умер от сердечного приступа ночью, сорока шести лет от роду... Недоснятые сцены с ним пересняли с другим, похожим на него актером Ю. Соловьевым, сокурсником Шукшина по ВГИКу. Озвучивал роль Лопехина уже И. Ефимов. И все равно по

опросу зрителей Шукшин был назван лучшим актером года.

На счастливый финал жизни он не слишком надеялся. И чем ближе было к концу, тем меньше надежд на хороший исход оставлял он и героям своих произведений, в том числе, и людям творческим. Шукшин всегда старался понять, что движет ими. Как в символическом рассказе «Пьедестал», где художник-самоучка рисует автопортрет в виде смертельного спора: двое сидят на кухне, и один целится в грудь другому, который он сам и есть.

Василий Шукшин оставил глубокий след в нашем кинематографе. Он снялся в десяти картинах, был автором сценария девяти фильмов, помимо этого, экранизировано два десятка его произведений. А спектакль «Деловые люди», поставленный Геор-

гием Товстоноговым в Ленинградском драматическом театре, стал потрясающим событием даже для искушенных питерских театралов. А еще Шукшин оставил нам три тома своей очень весомой прозы, в которой особое место занимает книга «Нравственность — есть правда».

Честный, глубоко самобытный писатель и актер ушел до срока, не успев разрешить мучившие его вопросы. Ушел, эволюционируя, меняясь внутренне...

Увидев, сколько людей пришло на похороны Василия Макаровича Шукшина, потрясенный Андрей Вознесенский написал стихотворение «Смерть Шукшина», первая строфа которого буквально потрясает читателей:

*Хоронила Москва Шукшина,
хоронила художника, то есть
хоронила Москва мужика
и активную совесть.*

Василий Шукшин

Двое на телеге

Дождь, дождь, дождь... Мелкий, назойливый, с легким шумом сеял день и ночь. Избы, дома, деревья — все намокло. Сквозь ровный шорох дождя слышалось только, как всплескивала, журчала и булькала вода. Порой проглядывало солнышко, освещало падающую сетку дождя и опять закутывалось в лохматые тучи.

...По грязной издавленной дороге двигалась одинокая повозка. Рослая гнедая лошадь устала, глубоко проваливала боками, но время от времени

еще трусила рысью. Двое на телеге вымокли до основания и сидели, понурив головы. Старик возница часто вытирал рукавом фуфайки волосатое лицо и сердито ворчал:

— Погодка, черт тебя надавал... Добрый хозяин собаку из дома не выпустит...

За его спиной, укрывшись легким плащом, тряслась на охапке мокрой травы маленькая девушка с большими серыми глазами. Охватив руками колени, она безразлично смотрела на далекие скирды соломы.

Рано утром эта «сорока», как про себя назвал ее сердитый возница, шумно влетела к нему в избу и подала записку:

«Семен Захарович, отвези, пожалуйста, нашего фельдшера в Березовку. Это до крайности необходимо. А машина у нас на ремонте. Квасов». Захарыч прочитал записку, вышел на крыльцо, постоял под дождиком и, войдя в избу, бросил старухе:

— Собери.

Ехать не хотелось, и, наверное, поэтому бойкая девушка не понравилась Захарычу — он сердито не замечал ее. Кроме того, злила хитрость председателя с этим его «пожалуйста». Не будь записки и не будь там этого слова, он ни за что не поехал бы в такую непогоду.

Захарыч долго возился, запрягая Гнедуху, толкал ее кулаком и, думая о записке, громко ворчал:

— Становись, пожалуйста, в оглобли, дура окаянная!

Когда выехали со двора, девушка пробовала заговорить с возницей: спрашивала, не болит ли чего-нибудь у него, много ли снега бывает тут зимой... Захарыч отвечал неохотно. Разговор явно не клеился, и девушка, отвернувшись от него, начала негромко петь, но скоро замолчала и задумалась.

Захарыч, суетливо подергивая вожжи, тихо ругался про себя. Он всю жизнь кого-нибудь ругал. Теперь доставалось председателю и этой «сороке», которой приспичило именно теперь ехать в Березовку.

— Х-хе-е... жизнь... Когда уж только смерть придет. Н-но-о, журавы!

Они с трудом выехали на гору. Дождь припустил еще сильнее. Телега качалась, скользила, точно плыла по черной жирной реке.

— Ну и погодушка, чтоб тебя черти... — ругался Захарыч и уныло тянул: — Но-о-о, уснула-а-а...

Казалось, этому пути, дождю и ворчанию старика не будет конца. Но вдруг Захарыч беспокойно заерзал и, полуобернувшись к спутнице, весело прокричал:

— Что, хирургия, небось замерзла?

— Да, холодно, — призналась она.

— То-то. Сейчас бы чайку горячего, как думаешь?

— А что, скоро Березовка?

— Скоро Медоухино, — лукаво ответил старик и, почему-то рассмеявшись, погнал лошадь: — Но-о, ядрена Матрена!

Телега свернула с дороги и покатила под гору, прямо по целине, та-рахтя и подпрыгивая. Захарыч молодецки покрикивал, лихо крутил вожжами. Скоро в логу, среди стройных березок, показалась одинокая старая избушка. Над избушкой струился синий дымок, растягиваясь по березняку слоистым голубым туманом. В маленьком окошке светился огонек. Все это очень походило на сказку. Откуда-то выкатились два огромных пса, кинулись под ноги лошади. Захарыч соскочил с телеги, отогнал бичом собак и повел лошадь во двор.

Девушка с любопытством осматривалась и, когда заметила в сторонке между деревьями ряды ульев, догадалась, что это пасека.

— Бежи отогревайся! — крикнул Захарыч и стал распрягать лошадь.

Прыгнув с телеги, девушка тотчас присела от резкой боли в ногах.

— Что? Отсидела?.. Пройдись маленько, они отойдут, — посоветовал Захарыч.

Он бросил Гнедухе охапку травы и первый потрусил в избушку, отряхивая на ходу мокрую шапку.

В избушке пахло медом. Перед камельком стоял на коленях белоголовый старик в черной сатиновой рубахе и подбрасывал дрова. В камельке весело гудело и потрескивало. На полу затейливо трепетали пятна света. В переднем углу мигала семилинейная лампа. В избушке было так тепло и уютно, что девушке даже подумалось: не задремала ли она, сидя в телеге, не снится ли ей все это? Хозяин поднялся навстречу нежданым гостям — он оказался очень высоким и слегка сутулился, — отряхнул колени и, прищурив глаза, сказал глуховато:

— Доброго здоровья, люди добрые.

— Там добрые или нет — не знаю, — ответил Захарыч, пожимая руку старому знакомому, — а вот промокли мы изрядно.

Хозяин помог девушке раздеться, подбросил еще в камелек. Он двигался по избушке не торопясь, делал все спокойно и уверенно.

Захарыч, устроившись у камелька, блаженно кряхтел и приговаривал:

— Ну и благодать же у тебя, Семен. Прямо рай! И чего я пасечником не сделался — ума не приложу.

— По какому же делу едете? — спросил хозяин, поглядывая на девушку.

— А вон с доктором в Березовку едем, — объяснил Захарыч. — Ну, помочил он нас... Хоть выжимай, язвы его совсем...

— Доктор, значит, будете? — спросил пасечник.

— Фельдшер, — поправила девушка.

— А-а... Смотри-ка, молодая какая, а уже... Ну, согревайся, согревайся. А мы тем делом сообразим чего-нибудь.

Девушке было так хорошо, что она невольно подумала: «Все-таки правильно, что я сюда поехала. Вот где действительно... жизнь». Ей захотелось сказать старикам что-нибудь приятное.

— Дедушка, а вы весь год здесь живете? — спросила она первое, что пришло в голову.

— Весь год, дочка.

— Не скучаете?

— Хе!.. Какая нам теперь скука. Мы свое спели.

— Ты тут, наверное, всю жизнь насквозь продумал, один-то? Тебе бы сейчас учителем работать, — заметил Захарыч.

Пасечник достал из-под пола берестовый туесок с медовухой и налил всем по кружке. Захарыч даже слюну глотнул, однако кружку принял не торопясь, с достоинством. Девушка застыдилась, стала отказываться, но оба старика настойчиво уговаривали, разъясняя, что «с устатку и с холода это первейшее дело». Она выпила полкружки.

Вскипел чайник. Сели пить чай с медом. Девушка покраснелась, в голове у нее приятно зашумело, и на душе стало легко, как в праздник. Старики вспоминали каких-то кумовьев. Пасечник раза два покосился на улыбающуюся девушку и показал на нее глазами Захарычу.

— Тебя, дочка, как звать-то? — спросил он.

— Наташей.

Захарыч отечески похлопал Наташу по плечу и сказал:

— Ведь она, слушай, ни разу не пожаловалась даже, что холодно, мол, дедушка. От другой бы слез не обобрался.

— А вон у ней, видишь, — указал пасечник на комсомольский значок и добавил: — Они молодцы!

Наташе вдруг захотелось рассказать что-нибудь особенное о себе.

— Вы вот, дедушка, ругались давеча, а ведь это я сама попросилась ехать в Березовку.

— Да ну? — изумился Захарыч. — И охота тебе?

— Нужно — значит, охота, — задорно ответила Наташа и покраснела. — Лекарство одно в нашей аптеке кончилось, а оно очень необходимо.

— Хэх ты!.. — Захарыч крутнул головой и решительно заявил: — Только сегодня мы уж никуда не поедем.

Наташа перестала улыбаться. Старики снова принялись за свой разговор. За окном было уже темно. Ветер горстями сыпал в стекло дождь, тоскливо скрипела ставня. Девушка встала из-за стола и присела у печки. Ей вспомнился врач — толстый, угрюмый человек. Провожая ее, он говорил: «Смотрите, Зиновьева... Погода-то больно того. Простудитесь еще. Может, нам кого-нибудь другого послать?» Наташа представила, как доктор, узнав, что она пережидала непогоду на пасеке, посмотрит на нее

и подумает: «Я ведь и не ожидал от тебя ничего такого. Молоды вы и слабоваты. Это извинительно», а вслух, наверное, скажет: «Ничего, ничего, Зиновьева». Вспомнилось также, как пасечник посмотрел на ее комсомольский значок... Она резко поднялась и сказала:

— Дедушка, мы все-таки поедем сегодня. — И стала одеваться.

Захарыч обернулся и вопросительно уставился на нее.

— В Березовку за лекарством поедем, — упрямо повторила она. — Вы понимаете, товарищи, мы просто... мы не имеем права сидеть и ждать!.. Там больные люди. Им нужна помощь!..

Старики изумленно смотрели на нее, а девушка, ничего не замечая, продолжала убеждать их. Пальцы ее рук сжались в тугие, острые кулачки. Она стояла перед ними, маленькая, счастливая, и с необыкновенной любовью и смущением призывала больших, взрослых людей понять, что главное — это не жалеть себя!..

Старики все так же с удивлением смотрели на нее и, кажется, ждали еще чего-то. Счастливый блеск в глазах девушки постепенно сменился выражением горькой обиды: они совсем не поняли ее! И старики показались ей вдруг не такими уж умными и хорошими. Наташа выбежала из избышки, прислонилась к косяку и заплакала... Было уже темно. По крыше уныло шуршал дождь. На крыльцо с карниза дробно шлепались капли. Перед окном избышки лежал желтый квадрат света. Жирная грязь блестела в этом квадрате, как масло. В углу двора, невидимая, фыркала и хрустела травой лошадь. Наташа не заметила, как на улицу вышел хозяин.

— Где ты, дочка? — негромко позвал он.

— Здесь.

— Ну-ка пошли в избу. — Пасечник взял ее за руку и повел за собой. Наташа покорно шла, вытирая на ходу слезы. Когда они появились в избышке, Захарыч суетливо копошился в темном углу, отыскивая что-то.

— Эка ты! Шапку куда-то забросил, язви ее, — ворчал он.

А пасечник, подкладывая в печку, тоже несколько смущенно говорил:

— На нас не надо обижаться, дочка. Нам лучше разъяснить лишний раз... А это ты хорошо делаешь, что о людях так заботишься. Молодец!

Наконец Захарыч нашел шапку. На Наташу вместо пальто надели большой полушубок и брезентовый плащ. Она стояла посреди избы неуклюжая и смешная, поглядывая из-под башлыка мокрыми веселыми глазами и шмыгая носом. А вокруг нее хлопотали виноватые старики, соображая, что бы еще надеть на нее...

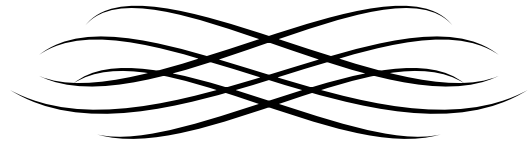
Через некоторое время телега снова мягко катилась по дороге, и на ней снова тряслись два человека. По-прежнему ровно шумел дождь; обочь дороги, в канавках, тихонько булькало и хлюпало. □

Журнал «Смена», 1958 год.

Авдотья Панаева

*Муза. Писательница.
Хозяйка салона*

Первое, о чем говорят все, кто начинает рассказ об этой женщине, — ее красота. В те времена и не могло быть по-другому. Женщина служила украшением дома, своего мужа, общества, была женой, матерью, порой — любовницей, музой, но крайне редко — кем-то самостоятельным. Если ее определяли через профессию — актриса, певица, модистка, в этом всегда существовал некий оттенок пренебрежения, да и все равно эти профессии — не самость, но украшение опять же мужского мира.

Авдотья Панаева не боролась с мужским миром. Она органично вошла в него в те времена — середина девятнадцатого века, — когда это было почти невозможно. Вошла и стала в нем если не правительницей, то равноправной героиней среди героев, многие из которых, кстати, терпеть ее за это не могли.

История родительской семьи способствовала тому, чтобы девочка выросла талантливой и самостоятельной.

«Воспоминания» Авдотьи Яковлевны Панаевой (в девичестве — Брянской) начинаются с фразы «Я родилась и выросла в театральном мире».

Ее родителями были артисты императорских театров Яков Григорьевич и Анна Матвеевна Брянские, крестным отцом — князь Шаховской, а крестной матерью — актриса Елизавета Сандунова.

Девочка любила присутствовать при читке ролей и на домашних репетициях, несмотря на то, что детям запрещено было в это время входить в кабинет отца. Однако она предусмотрительно пряталась в темном уголке и могла наблюдать за актерской работой великих мастеров, которые бывали в доме Брянских: Каратыгина, Щепкина, Истоминой...

Авдотья, как и большинство девушек, получила домашнее образование, но некоторое время, по настоянию матери и друга семьи, балетмейстера Шарля Дидло, посещала балетную школу, которую ненавидела страшно: «По милости Дидло меня стали готовить в танцовщицы, что привело меня в отчаяние... Я очень охотно стала бы готовиться в певицы, в драматические актрисы, но только не в танцовщицы».

Применяя один талант, чтобы «откреститься» от другого, девушка блестяще изображала тяжелую поступь и неуклюжесть. Но однажды в Петербург приехала прославленная Мария Тальони, и Авдотья не смогла удержаться от того, чтобы не спародировать танцовщицу перед подругами: «Я стала ходить по зале на носках, делала антраша и, как Тальони, стояла долго на одной ноге, а другую держала высоко и вдруг, встав на носок, делала пируэт». В этот прекрасный миг в зал вошел учитель и застыл в гневе и изумлении: «Ноги у нее дрожат, горбится, носки как тряпки, когда в классе! А оказывается, что у нее стальной носок».

Стальным у Авдотьи был не только носок, но, как впоследствии выяснилось, и характер.

Когда девушке исполнилось 16 лет, она познакомилась с молодым журналистом и литератором Иваном Панаевым — тот принес Якову Брянскому пьесу «Отелло» в собственном переводе и изложении. Он сразу влюбился в юную красавицу и почти два с половиной года добивался разрешения своей семьи на брак с ней. Дело в том, что Панаев происходил из богатой аристократической семьи, и «актерка», хоть и образованная, не виделась хорошей партией для него.

В конце концов, Иван перестал испрашивать разрешения и весной 1839 года тайно обвенчался с Ав-

дотьей, а потом прямо из церкви увез молодую жену в Казань, где большая родня собралась к делу некоего наследства. Мать Панаева, узнав о женитьбе, написала гневное и проклинаящее письмо, но впоследствии приняла жену сына и даже полюбила ее — молодая женщина очаровала строгую свекровь.

Авдотье не было и двадцати, когда она, вслед за мужем, попала в русский литературный мир сороко-

жену его. Она славится в Петербурге. Умна и хорошенькая, вдобавок, любезна и пряма донельзя». Некоторые черты Панаевой получила впоследствии Настасья Филипповна из романа «Идиот».

Но Достоевский остался незамеченным, потому что вскоре состоялось главное знакомство в жизни Авдотьи Яковлевны.

«Белинский привел его к нам, чтобы он прочитал свои «Петербургские углы»», — вспоминала

Авдотье не было и двадцати, когда она, вслед за мужем, попала в русский литературный мир сороковых годов XIX века. Среди этих имен — Белинский, Одоевский, Соллогуб, Бакунин, Тургенев — почти не находилось тех, кто не был бы очарован хозяйкой дома. Это потом, когда она начнет свою писательскую деятельность, многие от нее отвернутся, считая, что не пристало женщине... и так далее

вых годов XIX века. Среди всех этих имен — Белинский, Одоевский, Соллогуб, Бакунин, Тургенев — почти не находилось тех, кто не был бы очарован хозяйкой дома. Это потом, когда она начнет свою писательскую деятельность, многие отвернутся от нее, считая, что не пристало женщине... и так далее.

В нее почти влюбился сам Федор Михайлович Достоевский. Он писал брату: «Вчера я в первый раз был у Панаева и, кажется, влюбился в

она о Некрасове. К тому моменту Николай Алексеевич уже был почти знаменитостью, хотя жизнь его в Петербурге начиналась самым незавидным образом. Его отец мечтал о военной карьере для сына, но тот решил на военную службу не идти, после чего семья отказала юноше в содержании. Порой ему приходилось даже голодать — жить без знакомств и связей в столице было сложно. Но Некрасову удалось устроиться в знамени-

тый «Современник», где поначалу он работал корректором, а вскоре стал издавать и собственные произведения. К лету 1846 года ему исполнилось двадцать пять, и он был уже редактором прогрессивных альманахов «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник».

Некрасов сразу влился в круг воздыхателей Авдотьи Яковлевны. Иван Панаев, получив желаемое, как это обычно бывает, довольно быстро охладил к жене и вернулся к своим холостяцким развлечениям. Пару не связывали дети — единственная дочь, которую Авдотья родила от мужа, скончалась почти сразу после рождения. Зато она царила в литературном салоне.

Когда там появился Некрасов, она не сразу отличила его. Но он влюбился в нее не на шутку и стал осаждать, несмотря на то, что она была женой его друга. Через некоторое время, после, как вспоминают, «памятного эпизода на реке», Авдотья Яковлевна усту-

пила его ухаживаниям. Эпизод же состоял вот в чем. При катании на лодке Некрасов говорил что-то пылкое, Панаева же отвечала: «Все вы, господа фразеры, на словах готовы на любые жертвы... однако не броситесь из-за меня в воду». Николай Алексеевич, при том, что не умел плавать, тут же шагнул за борт. Его вытащили и откачали, но он сказал, что, если Панаева не ответит на его любовь, он бросится в реку снова и снова...

Их роман, продлившийся около пятнадцати лет, как ни странно, никак не повлиял на дружбу Некрасова и Панаева. Корней Ивано-

вич Чуковский, через несколько десятилетий после этих событий разбиравший «трио», писал: «Только божественное его (Панаева) легкомыслие помогло ему в течение стольких лет играть эту невыносимую роль, которой и часу не вынесли бы более глубокие души. Его спасла его святая пустота, про которую еще Белинский говаривал, что она неизмерима никакими инструментами». Более того, Панаев с Некрасовым вместе выкупили «Современник» и стали развивать его, превратив со временем в одно из самых успешных и популярных изданий.

Авдотье Панаевой, чьи званые обеды и ужины славились на весь Петербург (и за его пределами, в частности — в гостях у семейства бывал Александр Дюма), казалось скучным быть просто хозяйкой дома и салона. Ей хотелось писать самой. И она писала. Сначала была повесть «Семейство Тальниковых», где она, как считается, описывает

делал заметки на полях ее повести: «цинично», «неправдоподобно», «безнравственно», а в заключение написал: «Не позволяю за безнравственность и подрыв родительской власти».

Она понимала, что дело было не только в самой повести, но в ее — женщины — авторстве. «...Кричали, что пишу не я, а Панаев и Не-

*Авдотья и Иван
Панаевы*

свое безрадостное детство в актерской среде. Было ли оно и в самом деле таким печальным, или же это плод фантазии автора, судить сейчас уже нельзя, но вот то, что цензура подошла к произведению чрезвычайно строго, это совершенно точно. Как вспоминала сама Панаева, председатель комитета граф Бутурлин собственноручно

красов, по моему желанию, выдают меня за писательницу», — говорила Авдотья Яковлевна.

Конечно, литературная деятельность сразу обратила против нее многих посетителей ее гостиной. Не последней к тому причиной был и любовный треугольник Панаев-Некрасов-Авдотья, все сливалось в одно большое недовольство.

Но она, если внутри и беспокоилась о таком к ней отношении, внешне оставалась безмятежна: принимала гостей, пекла пироги (любила это делать сама), шутила и смеялась, сохраняя внутри стальной стержень, оставшийся от балетного детства, когда у нее был «стальной носок».

Она принимала активное участие в работе «Современника», где вела отдел мод и читала корректуры. Не оставляла Панаева и собственных литературных трудов:

евич, но сами авторы отвергали эти слухи.

В романе — две самостоятельные сюжетные линии. Панаева писала все, что касалось интриги и любовно-романтической части сюжета, а Некрасов описывал современную жизнь, комические сцены и путешествия главного героя Каютина.

В 1851 году появился второй совместный роман — «Мертвое озеро». И тут даже критики сошлись во мнении, что значительная часть

Несмотря на большую, искреннюю любовь, жизнь с Некрасовым не была для Авдотьи Панаевой легкой. Они расставались и снова сходились множество раз. Но эта тягостная связь дала русскому литературному миру огромное количество волшебной любовной лирики, из которой после смерти Некрасова был собран целый цикл, посвященный Авдотье Яковлевне

«Неосторожное слово», «Безобразный муж», «Пасека», «Необдуманный шаг», «Мелочи жизни», «Степная барышня», «Женская доля» — это неполный список написанного ею.

В соавторстве с Некрасовым был написан роман «Три страны света», кстати, первый случай в русской литературе, когда роман писался вдвоем. Злые языки говорили, что работал над произведением только Николай Алексе-

романа принадлежит перу Панаевой, а Некрасов написал лишь две три главы.

Оба произведения пользовались успехом у читателей «Современника» (не в последнюю очередь именно благодаря именам авторов).

Был, правда, один искренний почитатель ее литературного таланта. Один — зато какой! Сам Белинский говорил ей: «Я сначала не хотел верить Некрасову, что это вы написали «Семейство Тальни-

ковых». Как же вам не стыдно было давно не начать писать? В литературе никто еще не касался столь важного вопроса, как отношение детей к их воспитателям и всех безобразий, какие проделывают с бедными детьми. Если бы Некрасов не назвал вас, а потребовал бы, чтобы я угадал, кто из моих знакомых женщин написал «Семейство Тальниковых», уж извините, я ни за что не подумал бы, что это вы».

На вопрос о том, почему он никогда бы не подумал на нее, Белинский ответил: «Такой у вас вид: вечно в хлопотах о хозяйстве». Панаева рассмеялась и ответила: «А ведь я вечно только и думаю, что об одних нарядах, как это все рассказывают». Но критик продолжил серьезно: «Я, грешный человек, тоже думал, что вы только о нарядах думаете. Да плюньте вы на всех, пишите и пишите!»

Авдотья старалась по мере сил следовать его совету: кроме двух романов, написанных в соавторстве, Н. Станицкий (под этим псевдонимом она печаталась) опубликовал в «Современнике» более 20 произведений. В письмах часто встречается: «...больше сижу в своей комнате и работаю», «Поздравь меня — я работаю». Это означало — «пишу».

Несмотря на большую, искреннюю любовь, жизнь с Некрасовым не была для Авдотьи Панаевой легкой. Он ревновал, часто оскорблял и бранил ее, причем публично. Они

расставались и сходились множество раз. В конце 1850-го Авдотья забеременела, но новорожденный сразу умер. Через три года история повторилась. (Это был уже третий ребенок, которого потеряла Авдотья Яковлевна.) Ее горе невозможно было представить, и она, чтобы хоть немного прийти в себя, отправилась во Францию.

Как ни печально (или закономерно), но эта тягостная связь дала русскому литературному миру огромное количество волшебной любовной лирики. Из всех стихотворений, посвященных Авдотье Яковлевне, после смерти Некрасова был собран панаевский цикл: «Мы с тобой бестолковые люди...», «Слезы и нервы», «Я не люблю иронии твоей...» Спустя много лет после разрыва Некрасов писал ей:

*Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?*

*Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..*

Ивана Панаева не стало в 1862 году. Но Некрасов и Авдотья Яковлевна к тому времени уже, наверное, устали друг от друга, потому не стали жениться, а продолжали сожительствовать. Но ее это, скорее всего, не устраивало, потому что через несколько лет вдова вышла замуж за Аполлона Головачева, литератора и многолетнего секретаря «Современника», который был младше ее на 11 лет. У них родилась дочь Евдокия (напомним, матери было

уже 46 лет), и Авдотья Яковлевна смогла, наконец, познать счастье материнства.

Некрасов некоторое время по привычке встречался с разными женщинами, а потом взял, да и женился на простой девушке Фекле Викторовой. Одни говорили, что он выиграл ее в карты, другие — что присмотрел в публичном доме. Играя в Пигмалиона, Николай Алексеевич обучил девушку грамоте, сменил ее деревенское имя на Зинаиду и женился на ней. К моменту женитьбы Некрасов был уже тяжело болен, Зина терпела его непростой характер и три года истово ухаживала за мужем.

Панаева вторично овдовела в 1877 году. В тот же год умер и Некрасов. Она осталась одна, и, чтобы поправить свое материальное положение, стала писать мемуары, где честно рассказала, в том числе, и о классовом расслоении редакции «Современни-

ка». Она была резка в своих воспоминаниях с «дворянской» частью журнала — Анненковым, Боткиным и особенно Тургеневым, но тепло говорила о Белинском, Чернышевском, Добролюбове, Решетникове и других идеологах революционной демократии 40-60-х годов. Мемуары были изданы в 1889 году.

До последних дней Авдотья Яковлевна заботилась о дочери, зарабатывая «на хлеб» редактурой. Скончалась она 30 марта 1893 года, в возрасте 73-х лет. И хотя жизнь ее не особенно баловала, одно можно с уверенностью сказать: Авдотья Панаева сумела состояться и как красивая женщина, и как писатель.

P.S. Евдокия Аполлоновна Нагродская (по мужу) тоже стала писательницей — ее громким романом был «Гнев Диониса» — а после революции уехала с мужем в Париж, где основала масонскую ложу «Аврора». Умерла она в 1930 году. □

Светлана Маслова

ЖИВИ И ПОМНИ

Она выскочила на крыльцо босая, в поношенном халате и в платке, повязанном на бок. Вытерла старческие руки о цветастый фартук и посмотрела на растерянного парня:

— Ну, шо, Егорка, управился?

Однако парень стоял во дворе неподвижно, держа в одной руке топор, а в другой гогочущего гусака, который изворачивался и мучителя щипал.

— Не могу я, Явление. На, сама его кончай... — сморщился бедолага, воткнул лезвие в чурбан и отдал старушке гусака.

— Эх ты, вояка, — вздохнула старушка. — Гуся ему жалко...

— Да, жалко, — опустил глаза парень. — Он же орет как дитя малое...

— Ага, понятно. Ну, тогда я сама, отойди подальше, — сказала бабка, ловко уложила птицу на чурбан и голову ей отсекала...

— Что? А? — проснулся Егор и, привстав на локтях, посмотрел по сторонам.

За разбитым окном бывшего склада понемногу светало, дождь стучал по железной крыше. Рядом на голом полу, усыпанном известью и всякой рухлядью, спали такие же, как он, ребята. Правда, возраста разного. Кому-то не было и тридцати, а кому уже и сорок с гаком. И каждого Егор хорошо знал. Вместе воевали, вместе тянули тяжелую лямку...

— Ты чего не спишь, «Хакер»? — вдруг услышал парень и обернулся.

В дальнем углу, у стены, пробитой осколками от снаряда, сидел его командир Макс с позывным «Ялта» и что-то писал в своей тетради. Широкоплечий, накаченный, среднего роста, чернявый, карие глаза с прищуром, щетина недельной давности. Он оторвался от своего занятия и вновь внимательно посмотрел на Егора:

— Рано еще. Спи, давай. В шесть выдвигаемся...

— Ага, — кивнул парень и снова лег, поправив бронежилет под головой. Рядом с ним прямо в камуфляже храпел Даня Шевчук с позывным «Сусанин». Не раз он выводил ребят из мест, где, казалось, даже щели не оставалось. Чуйка, что ли, у него какая-то?

Внешне невысокий, худой, рыжеватый, черты лица неправильные, зато весельчак, каких мало. К тому же Данил был отцом двух девочек-близняшек, которых перед войной вместе с женой отправил в Россию, а теперь часто вспоминал о них.

Егор закрыл глаза и решил подремать еще, однако сон его оставил сразу, как только парень вспомнил вчерашний бой на окраине Попасной. Как под обстрелами тащил он на себе своего товарища Сашку, а тот все орал от боли и скрежетал зубами. Ногу ему осколком мины оторвало... А вот Леху с позывным «Гот», самого младшего в группе, только царапнуло, и теперь он с перевязанной рукой тихо сопел на деревянном поддоне, то и дело постанывая...

Егор вздохнул и перевернулся на спину.

— Слышь, «Хакер», ты там, в конце концов, уляжешься? Сам не спишь и другим не даешь, зараза! — услышал он в темноте недовольный бас «Механика». Надежный мужик, правильный, на гражданке когда-то работал на шахте, а теперь так же в ополчении жизнью рисковал.

— Извини, брат, каюсь... — ответил Егор и, наконец, заснул...

Когда случился новый Майдан, с горящими покрывками и непонятными лозунгами, ему только исполнилось 15. Жил тогда Егор вместе с матерью в станице Луганской. Отца своего он не помнил, тот умер, когда мальчик был совсем маленьким. Мама, Елена Васильевна, преподавала в школе географию, а парень заканчивал 9-й класс. И все ему тогда казалось радостным, никаких особых забот он не знал. До тех пор, пока на его землю не пришла беда...

Тот день Егор не забудет никогда. Гул самолета, взрывы, пожары. Люди бежали по улице, падали, кричали. Его за шиворот схватил какой-то дед и затолкал в погреб ближайшего двора. А потом все было словно в тумане. Он видел догорающие дома, гаражи, сараи, части тел на дороге, укрытые одеялами, слезы женщин и каменные мужские лица. Станичники проклинали майданную власть, обещали отомстить. Но это было только начало...

Потом пришла уже настоящая война. Обстрелы не прекращались. И как-то раз в дом, в котором жил Егор с матерью, попал снаряд, и Елены Васильевны не стало. Похоронили ее на скорую руку на местном кладбище. Егор горько плакал, не понимая, почему погибла его мама. Приютили парня неравнодушные соседи, а через неделю, чтобы спасти мальчика, вместе с другими беженцами, отправили его в Луганск. Там в частном доме на

окраине жила его старшая сестра Катя вместе с маленькой дочкой. Муж ее в ополчение записался, а вскоре след его потерялся...

Так они и остались втроем: Екатерина, Егор да пятилетняя Тася. Пережили всякое — и блокаду, и бомбежки страшные. Только все это сразу померкло, как только Катя узнала, что муж ее погиб в боях за город Счастье. Она долго потом еще рыдала и проклинала эту ужасную войну, а через год сняла с себя черный платок и решила перебраться с семьей в Россию. Но Егор уезжать наотрез отказался.

— Не поеду никуда, — заявил парень, — здесь останусь...

И действительно остался. Учебу он, конечно же, бросил, и продолжать грызть гранит науки больше не собирался. Зато везде, где мог, подрабатывал: дворником, сторожем, продавцом в продуктовой лавке и даже на заводе вкалывал, чтобы как-то выжить. А когда ему стукнуло восемнадцать, сам попросился в армию. Потому что кто кроме него отомстит за земляков своих и за погибшую маму...

Снаряд разорвался в полуметре от здания. Стены задрожали, посыпалась штукатурка, повывлетали стекла в окнах, и едким дымом заволочло все пространство.

— Все живы?! — закашлявшись, громко выкрикнул «Ялта».

— Все, — ответил Егор и начал выбираться из-под завала.

Потом помог встать «Механику», которого придавило увесистой балкой. Остальные выкарабкались сами и тут же заняли прежние позиции у окон.

Ополченцы крепко держали оброну, но нужно было двигаться дальше.

— Так, надо отсюда выбираться! — скомандовал Макс. — Я и «Гот» прикрываем, а вы давайте до следующего подвала! Мирных смотрите там!

— Будет сделано, гражданин начальник! — весело кивнул «Сусанин» — Пошли, — махнул он рукой ребятам, — я тут одну лазейку знаю!

Сначала, выскочив из черного хода, они нырнули за угол, потом, пригнувшись, пробежали вдоль кирпичной кладки. Дальше, миновав бетонную ограду и пару мусорных завалов, пролезли под сеткой-рабицей и, наконец, оказались за гаражами. Те находились между частным сектором и детской площадкой, которую простреливали засевшие в пятиэтажке украинцы. Подобраться к дому казалось нереально...

— Так, давайте я вон оттуда их отвлекаю, а вы в подъезд, парни! — предложил «Механик» и тотчас отбежал в сторону на приличное расстояние.

Остановился, отдышался, спрятался за гаражной стеной, посмотрел на пятиэтажку и стрельнул из «АК» в мелькнувшего в окне автоматчика. Тут же в сторону ополченца пошла беспорядочная очередь. Ребята бросились к крайнему подъезду, заскочили в него и сразу спустились к подвалу. Деревянная дверь была не заперта. Егор толкнул ее ногой и крикнул в темноту:

— Есть кто живой?!

И тут в ответ ему заплакал маленький ребенок.

— Я луганчанин! Мы эвакуировать вас собираемся!

— Ну, слава богу! — послышался женский голос, и зажглась тусклая лампа. — Мы так долго вас ждали...

Ее звали Евгенией, вернее Евгенией Ивановной. Родом она была из Луганска, а уж когда вышла замуж в далеком шестидесятом, то сразу сюда перебралась. Здесь и сына воспитала, здесь и внуков нянчила, только в начале войны совершенно одна осталась. Муж умер, сын в тюрьме оказался, а сноха увезла детей с собою в Финляндию. В общем, никто теперь к бабушке не приезжал, да и куда приезжать, когда кругом одна беда...

Село, в котором она жила, на линии разграничения стояло, а потому палили по нему украинские вояки постоянно. Это у них так перемирие называлось. В общем, жилища постепенно превращались в развалины. И люди из деревни попросту сбежали. Все, кроме этой сухонькой «партизанки».

Она никуда бежать не собиралась. Жила себе, как и раньше. Гусей, козу держала, в огороде копалась, да за водой к колодцу ходила по утрам. А еще старушка с ополченцами общалась. Те у нее постоянно телефоны заряжали, бывало, мылись в бане, пили чай, а потому за доброту и бесстрашный характер парни ее по-особенному прозвали — «Явление».

— Вон, вон, смотри, Явление пошла, — заметив с позиций фигурку маленькую, смеялись они и спешили помочь старушке. То сена ей накосят, то дрова порубят. В общем, так и существовали...

А уж сама баба Женя привязалась к самому младшему. В Егорке она души не чаяла, видя в нем своего старшего внука. Такой же светленький, голубоглазый, да и характером покладистый, к тому же сирота. А потому опекала старушка парня, как могла. То носки ему свяжет, то шей сварит, то рубаху постирает. А уж как ценил Егор эту заботу — и не передать! Женщина заменила ему и мать, и отца, за долгих пять лет, можно сказать, роднее родных стала. Он у нее ночевал, помогал по хозяйству. А еще они о многом разговаривали: о войне, которая здесь когда-то с фашистом была, и о той незримой войне, что теперь шла...

— Украинцы теперь Бандеру почитают, нас убивают, русских ненавидят страшно. А за что? Они же наши братья, — сетовала старушка и тут же добавляла: — Ну, ничего, восстанет скоро против них Россия-матушка... Вот увидишь, побегут, только их и видали...

— Да, Явление, тебе бы в депутаты, — рассмеялся Егор.

— А шо, я не возражаю. Пойду в коммунистическую партию. У меня и красный флаг припасен...

— Ты только свой флаг не вешай на крышу, пожалуйста, а то долбанут по тебе «укропы», сама же знаешь...

— Ага. Так я их и испугалась. Мне теперь ничего не страшно. Я вот за тебя опасаюсь. Ты уж побереги себя. Ладно? — вздохнула бабуля и погладила парня по голове...

Время тянулось медленно, да так, что казалось, полжизни прожито на этом военном участке. Попасная была освобождена только в мае. А уж что от нее осталось, и подумать страшно. Сталинград, а, может быть, даже хуже. Разрушенные школы, больницы, магазины, ясли, частные дома, мосты, «хрущевки» многоэтажные. Всюду следы от взрывов и пожарищ, дороги в глубоких ямах. И все это предстояло восстановить, но уже новой власти. А ополченцы пока эвакуацией занимались. Отправляли в тыл мирных граждан, выводили людей и во время боев, и сейчас, когда стрельбы поутихло. А горожане все рассказывали и рассказывали о том, что недавно испытали.

Как выгоняли их из квартир и в освобожденных комнатах пулеметы у окон ставили. А потом автоматными очередями не выпускали людей из подвалов, и не было возможности ни воды набрать, ни запасы еды пополнить... Слушать это было страшно, но Егор старался держаться. И лишь в некоторых ситуациях нервы парня сдавали. Вот сегодня, например, они с «Механиком» похоронили маленькую девочку, которую нашли под завалами. Тут не сдержался даже бывалый шахтер. Он вытер слезу, капнувшую на бороду, и произнес, заикаясь:

— Знаешь, почему они нам проиграют? Потому что эти сволочи за территорию воюют, а мы с тобой — за людей наших...

Этих веселых девчонок, Юлю и Дашу, на линии разграничения знали практически все. В ополчение они попали не случайно, с танком управлялись не хуже бывалых танкистов. Юле было уже за двадцать, и прошлым летом она вышла замуж, а вот Даша связывать себя узами брака пока не планировала. Белокурая, замкнутая, она была полным антиподом своей старшей подруги.

А еще она очень нравилась Егору. Он оказывал девушке знаки внимания, то букетик полевых цветов ей подарит, то угостит шоколадкой. В общем, впервые в жизни парень потерял голову. Единственное, что его напрягало, это коварное время. Не место здесь девчатам. В нескольких километрах отсюда окопались нацбаты, которые вот уже несколько лет устраивали провокации. Били из артиллерии по жилым застройкам ближайших сел, а девчонки их «успокаивали». Заберутся в танк, поближе к украинским позициям подкатят, пальнут пару раз, огневую точку подавят, и домой возвращаются...

В тот день Егор с Сашкой отправились проверять медвежьи ямы в лесопосадке. Мало ли кто на этот раз там окажется? Например, на прошлой неделе оттуда достали украинского диверсанта. Он просидел в яме несколько суток и с жизнью уже попрощался, а как увидел ополченцев, даже обрадовался.

— А я уж думав, не придете, колорады, так и окочурюсь здесь, як собака...

— А ты бы громче «Слава Украине» кричал или «Москаляку на гиляку», может быть, и раньше забрали тебя, — усмехнулся «Хакер». — Ну а если бы не услышали, похоронили бы, как полагается, даже крест поставили бы...

— А ты, москаль, як подивлюся, веселый парень...

— Да, не москаль я, здешний, луганский. А русских ребят уважаю, они в отличие от тебя в мирные дома не стреляют...

— Так же ж не я. Артиллерия наша...

— А ты им передаешь координаты. Правда, на этот раз отстучался ты, дятел... — Егор повернулся к Сашке и улыбнулся: — Видишь, какой важный. Еще огрызается. Может, оставим его здесь, как считаешь?

— Да я не против, — пожал плечами парень. — Пусть сидит, может, в грехах покается...

— Э, э, вы там чего? Давайте прекращайте! Бросить меня собираетесь? Не имеете права!

— Что ты сказал? — вдруг неожиданно побледнел «Хакер» — Да, я щас прикончу тебя на полном основании! Кто невинных детей убивает?! Кто фашистской сволочи присягает?! А ну, встать, нацистская собака! Именем республики нашей! — передернул он ствол автомата.

И тут незнакомец осел, закрыл лицо руками и, забившись в угол ямы, заскулил:

— Не надо, хлопцы, не надо! Только не стреляйте! Я искуплю, у меня мама...

— А-а-а, маму вспомнил, тварь поганая?! А мою мать тебе было не жалко?! — выкрикнул «Хакер» и пустил очередь поверх парня, да так, что земля посыпалась ему на голову.

— А вот и «укропная» вода, — вздохнул Сашка, немного помолчал, затем посмотрел на неприятеля и спросил: — Звать-то тебя как?

— Илья, — утирая грязные слезы, ответил «плакальщик».

— А фамилия не Иванов, случайно?

— Нет. Павлов... Я из Николаева...

— Понятно, русский, значит. А что же ты, Илюха Павлов, позоришь своих прадедов? Они у тебя с Гитлером воевали, а ты вон весь свастикой разукрашен...

— Так нам же говорили, что та война не наша была. А еще, что вы террористы поганые. А еще гривны обещали. Дома же не платят ни черта ...

— Ну, это тебя не оправдывает, — немного успокоившись, сквозь зубы произнес «Хакер» — Ладно, автомат сюда кидай и остальное, что есть в загашнике.

Парень трясущимися руками выбросил вверх оружие, магазин, гранату, а Егор спустил ему канатную веревку:

— Поднимайся, в плен пойдешь сдаваться...

Но это было дней десять назад, а сейчас медвежьи ловушки, ветками заваленные, пустовали. Зато Егор и Сашка наткнулись в лесу на труп человека в натовской форме.

— Что делать будем, «Хакер»? Может, ну его, пусть здесь валяется? — спросил Сашка.

Егор отрицательно покачал головой:

— Нет, Саня, похоронить его надо. Мы же люди с тобой, правда?

На том и порешили...

Эти короткие часы затишья случались не часто. Вокруг без конца что-то гремело, лязгало, грохотало, автоматные очереди сотрясали воздух, работала авиация. В общем, не до отдыха было парням из Луганска. Постоянно на передовой, постоянно в колоссальном напряжении. Продвигались медленно, но это и понятно. Украинцы действовали так же, как когда-то фашисты: заходили в города, технику загоняли и людьми как живым щитом прикрывались. А потому выдавливать их оттуда приходилось не день, не два, а месяцами.

Правда, здесь все обошлось без особой драки. ВСУ после недолгого противостояния, наконец, отошли на приличное расстояние, оставив в покое этот шахтерский поселок и железнодорожную станцию.

Ополченцы, наконец, смогли немного отдохнуть. У местного жителя деда Остапа помылись в бане, а потом к ребятам-чеченцам в гости отправились. С ними луганчане пересекались часто — ребята были серьезные, молчаливые, правильные... Сейчас они во дворе частного дома готовили суп из баранины. Егор сидел на лавке рядом с Русланом, мужчиной тридцати лет, то и дело поглаживавшим бороду и напоминавшим в это момент аксакала.

— Не знаю я, дорогой, как вы все это время держались?

— Да мы-то еще ничего, — вздохнул «Хакер», — а вот дончане. Их вообще восемь лет в покое не оставляли. А в этом году уже с января утюжить начали. Что ни день, то прилеты, трупы, завалы. А-а-а! — махнул он рукой.

— Да, и нас, было дело, с русскими поссорили, помню, и отец мой, и его братья воевали. А за что? Чтобы всякие шайтаны обогащались? А когда чеченцы все осознали, то с Россией мирно жить стали. Никому она зла не желает, всем помогает...

— Это да, — кивнул Егор. — Плохо, что Киев этого не понимает...

— Все они прекрасно понимают, их же специально как псов на русских натравливали. А что нужно делать, когда бешеная шавка бросается? Правильно... — Руслан обнял «Хакера» за плечи: — Ну что, пойдём, покушаем, брат? Да ложиться надо. Завтра вставать рано...

Жара в этот год стояла такая, что земля потрескалась ещё в мае, а потом никак не могла наполниться влагой.

— Ну, хоть бы дождичка нам, — посмотрела старушка на облака, что парили в небе, словно кусочки ваты. — Не будет нынче урожая...

Егор в это время ловко орудовал тяпкой, борясь в огороде с сорняками.

— Да, ладно тебе, Явление, не переживай. Вечером воды из колодца натаскаю, прольём все, как полагается...

— Спасибо, сынок, и как бы я без тебя?!

Парень разогнулся, облокотился на корявый черенок и улыбнулся:

— Ну вот, опять запричитала, сходи-ка лучше, вскипяти там чайник...

— Сейчас, — встрепенулась старушка и быстро поковыляла к дому.

И тут вдруг Егор меж деревьев и кирпичных завалов увидел вдалеке ту, о ком в последнее время думал очень часто. Это была его Даша, которая набирала воду у колодца. Парень тут же бросил тяпку, перемахнул через ограду и помчался к девушке, крича на ходу:

— Дашка, не уходи! Мне поговорить с тобой надо...

Вскоре он был уже рядом с девушкой и выхватил из ее рук ведро, наполненное до отказа:

— Давай дотащу, не возражаешь?

— Не возражаю, — пожал плечами девушка и направилась к позициям ополченцев.

Они шли по ухабистой дороге и молчали. Где-то в ветвях берез щебетали птицы, шелестела от дуновения ветра сухая трава...

— Слушай, ты о себе ничего не рассказываешь, — нарушил тишину Егор. — Я слышал, у тебя беда какая-то?

— С чего ты взял? — хмыкнула Дарья. — Я в свои проблемы никого не посвящала...

— Значит, все-таки Юлька была права...

— Насчет чего? — удивилась Даша.

— Ну, говорила, чтобы общался с тобой аккуратно. Что дома у тебя не все в порядке. Вот я и теряюсь в догадках...

— Ага. А знаешь, что случилось с любопытной Варварой?

— Знаю, — улыбнулся «Хакер». — Но я же не сплетница какая-то. Просто ты мне очень нравишься...

Девушка вдруг задумалась, потом сорвала попавшийся под руку цветок и тихо произнесла:

— У меня мама с ума сошла...

— Как это? — Егор остановился как вкопанный и посмотрел на Дашу.

— А так, никого не узнает, сама с собой разговаривает, кричит по ночам постоянно...

— И когда это началось?

— А как только ее на украинского пленного обменяли. Приехала домой. Я к ней: «Мама, мамочка!» — а она смотрит на меня, как будто я чужая. Сама вся израненная, ни ногтей, ни зубов, ни волос... Она же у меня до войны работала в поселковой администрации, а потом ее СБУ забрали. Ну, видимо, там издевались...

— Вот, гады! — заходил желваками «Хакер».

— В общем, тяжело. Я, конечно, очень надеюсь, что она поправится. Только вряд ли...

Парень поставил на землю ведро и вдруг обнял фигурку маленькую.

— Не переживай, Дашка, все у вас будет хорошо. Ты только верь. Верь обязательно. А главное, не сдавайся...

Так бывает, что засядет в голове какая-то мелодия и все крутится, крутится, не переставая. Эту песню очень любила его мама. Вслух частенько напевала, а теперь он постоянно ее насвистывал, особенно, когда бой, когда опасно...

Вот и сегодня выдался непростой денек, можно даже сказать, жаркий. И не в смысле погоды, а из-за непрекращающейся стрельбы. Российские войска и луганчане освобождали северодонецкие окраины. Впереди шла техника и профессионалы, а ополченцы и русские ребята-контрактники зачищали территорию. Но и у них работы было достаточно. Засевшие в домах «нацики» просто так не сдавались, вели себя жестко, нагло...

Егор вновь присвистнул и пустил из укрытия две автоматные очереди в расположившегося на крыше пятиэтажки снайпера.

— Нет, мы его так не достанем, — вытер пот с лица «Ялта».

Он стоял за бетонной оградой рядом с «Хакером» и нервно озирался по сторонам — вокруг магазины, дома, рынок маленький...

— Это ж надо было так нарваться! — заворчал Макс, сплюнул в сторону на асфальт и снова надел на голову каску. — Этот петух гамбургский нас в покое не оставит. Ну, ничего, снимем его поздно или рано. — Командир задумался на пару минут, потом повернулся к Егору: — Слышь, Егорий, а давай, я его отвлеку, а ты попробуй по пожарной лестнице забраться.

«Хакер» глянул на недостроенное здание, которое возвышалось метрах в ста от злополучного дома. Сбоку, в зоне недосягаемости, балконы, между ними — витиеватая лестница.

— Понял, — ответил он и тут же нырнул в акацию.

Согнувшись, пробежал между зарослей, потом пулей проскочил открытое место на стройплощадке и, наконец, залег между шлакоблочных плит. Отдышался немного и метнулся за угол. А вот и балконы, и лестница ржавая. Она, кстати, была слабо закреплена, от прикосновения лязгнула, зашаталась. Но он все равно подтянулся и начал карабкаться вверх. Добравшись до крыши строительной коробки, Егор внимательно осмотрелся. Пейзаж вокруг был удручающим. Всюду пробитые снарядами здания, вместо автомобилей груды раскуроченного металла, столбы дыма от пожаров. Парень глянул на дорогу, усыпанную всевозможным хламом. На обочине на боку висит изрешеченный «Хаммер», а за ним прятались его ребята. Путь ополченцам преграждал все тот же пресловутый снайпер. «Механик», кажется, уже был ранен и сидел на земле, держась за ногу. Чуть поодаль за бетонной оградой какого-то предприятия стрельбой привлекал к себе внимание «Ялта». Егор поискал глазами парня со снайперской винтовкой. Тот был в укрытии и пока не показывался. Но, наконец, удача улыбнулась — снайпер вылез и стал в прицел рассматривать улицу.

«Достану, не достану?» — спросил себя «Хакер» и нажал спусковой крючок автомата.

Противник упал.

— Ну, как-то так, — вздохнул Егор и поднялся.

— Руки в гору! — вдруг услышал он позади себя и обернулся, затаив дыхание.

Перед ним стоял какой-то молодой парень, прокопченный, уставший, в украинской форме.

— Слышь, кацап, поговорить надо, — вдруг сказал незнакомец и кашлянул. — В плен веди меня. Только знай, я не стрелял. Здесь прятался. Все равно нам уже хана, кажется...

Тот день ничем особенным не отличался. Все, как всегда: на позициях работы было предостаточно. Сначала ополченцы дзоты кирпичом обкладывали, потом мешки с песком таскали, ну и, конечно же, о многом разговаривали. Например, о том, что творили киевские власти, как нарочно стирали историческую память, ну и, конечно о самой войне.

ВСУ снова начали стрелять, сначала пустыми болванками, от которых уши закладывало, потом полетели «Грады». И все по мирным домам ближайших поселков.

— Развлекаются, твари! — схватил автомат Сашка, — почему наши не отвечают?!

И вот, наконец, заработала луганская артиллерия, к позициям подъехали два танка. В одном из них открылся люк, и из него показалась Дашка. Помахала рукой «Хакеру», выкрикнула: «Я скоро вернусь! Мне надо...» — Договорить она не успела, потому что в ту же секунду раздался пронзительный свист, и танк, подбитый точным попаданием шального снаряда, загорелся, а девушка безжизненно рухнула на крышку люка. Оцепенев, Егор был не в силах заставить себя сдвинуться с места, лишь широко открытыми глазами смотрел, как вместе с клубами дыма медленно уплывает ввысь его счастье...

Этого низкорослого парня в темном костюме и белой рубашке теперь уже наверняка знал каждый. Некогда неплохой актер, а сейчас главнокомандующий, как и прежде, красовался на баннере возле городской администрации. Правда, плакат был изрядно потрепан и с угла оборвался...

Егор с «Сусаниным» стояли на площади у «КамАЗов» с буквой Z, выведенной белой краской, и охраняли людей, принимающих гуманитарку. Молодые и старые, изнеможенные и подавленные, они разговаривали с ополченцами и русскими ребятами, удачи им желали, некоторые даже плакали...

Вдруг Егор почувствовал, как кто-то дернул его за камуфляж, и спустил маску с лица. Рядом с ним стоял мальчишка, светленький, чумазый, лет пяти на вид. Он протянул Егору конфету в фантике, и сердце «Хакера» сжалось.

— Дядя, а вы нас больше не оставите?

Эти настенные часы были такими же старыми, как и сама хозяйка. Висели на видном месте над облезлым залавком, иногда тикали, иногда вставали, и Егор их постоянно чинил. Вот и сейчас что-то случилось с ржавым механизмом, и парень, сидя на диване, устранял неполадку. А между делом думал о Даше...

Как он пережил гибель девушки, невозможно себе представить. Словно накатила на него волна отчаянья и вцепилась мертвой хваткой. Первое время Егор даже запил и бросить все собирался. Лишь жажда мести удержала его...

А линия разведения все сужалась. Нацбатальоны, наглея от безнаказанности, с каждым днем приближались. И вот уже их орудия были в зоне досягаемости, но ополченцы первыми никогда не стреляли, не хотели свои города и села под удар подставить....

— Все, Явление, ничего у меня не получается. Выбросить их надо, — положил он ходики на залавок обратно.

— Как выбросить? — уставилась на него старушка. — Эти часы мама моя покупала, они и при Сталине еще тикали, и при Хрущеве... Да и фашисты, когда в дом к нам пожаловали, на них поглядывали...

— И когда это было?

— Да году в 42-м, кажется. Маленькой я еще тогда была. Помню, сижу на кровати, горошину по ладошке катаю. А мать за печкой плачет...

— И что, они вас в живых оставили?

— Ну да, сначала. А когда отступать в спешке стали, полдеревни расстреляли. Во всех, кто убегал, попали. Помню, мать на меня мертвая упала, а под телогрейкой у нее тикают эти часики. Вот так-то. А ты говоришь, ничего не получается, выбросить пора. Это же, Егорушка, память. Ее беречь надо...

— Да уж, — задумался парень, — память...

Солнечный свет пробивался сегодня как-то странно. Он будто блуждал по небу между рваных туч и освещал землю лишь частями. Сейчас, например, купались в лучах песчаные холмы и кусочек леса перед этими холмами, а поле и речушка по другую сторону дороги пребывали в тени...

Они передвигались на БМД колонной по разбитой снарядами трассе все дальше на запад. Впереди шел «Т-80-й», в небе военных сопровождали вертушки с боезапасом. С этими порхающими «стрекозами» ребятам было как-то спокойнее.

Егор сидел на броне и смотрел на своих товарищей. Не было с ними уже ни Сашки, ни «Механика», зато остальные по-прежнему оставались в строю. Такие же собранные и уставшие...

А вот о чем думал каждый из них, Егор прекрасно знал. «Гот», наверное, вспоминал свою девушку, которая осталась в Каменке. «Сусанин» мысленно разговаривал с дочками-близняшками. А «Ялта» наверняка переживал за брата, который тоже воевал, освобождая родную Луганщину...

И только «Хакеру» не за кого было переживать. Катя с Тасей в безопасности, а Явление погибла.. Она все же вывесила свой красный флаг на крышу дома и тут же попала под раздачу... Все-таки неугомонная была бабка, правильная.

Егор вздохнул, улыбнулся и вновь посмотрел на рваные тучи.

— И тебя буду помнить, родная... □

Хибла Герзмава

Хибла Герзмава — одна из самых ярких представительниц бельканто на оперном Олимпе мира. Уникальный тембр, поразительной красоты голос, стиль и вкус — вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми можно описать примадонну. Хибла Леварсовна нашла в плотном графике место для развернутого интервью нашему журналу, в котором рассказала о семье, профессиональных секретах мастерства, любимом коте Аморэ и многом другом.

Фото
Влада Локтева

«Каждый человек на планете Земля должен быть счастлив»

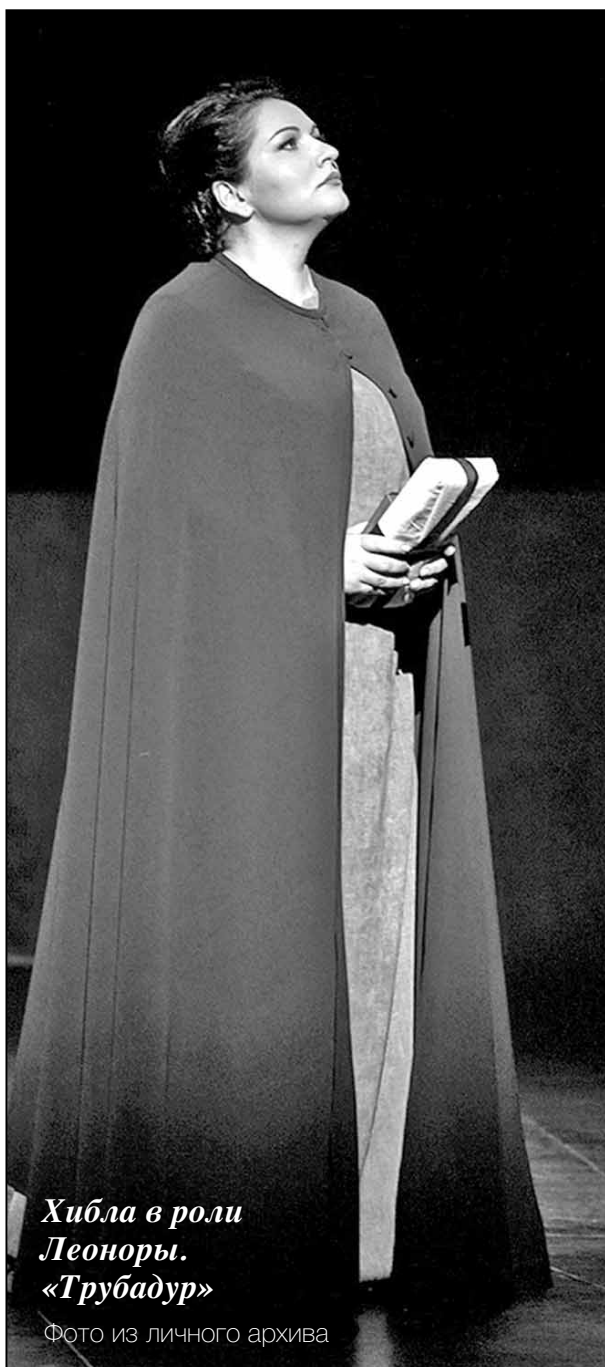
— Летом, 8 июля, мы отмечали день семьи, любви и верности, который с этого года стал официальным праздником. Хибла Леварсовна, а как вы относи-

тесь к этому дню, он важный для вас?

— Я очень рада, что в России появится праздник семьи. Каждый человек на планете Земля должен

быть счастливым. А что такое счастливый человек? Это в первую очередь семья. Это твой самый надежный тыл, тот круг людей, где тебя поймут, в каком бы внутреннем состоянии ты ни был, где тебе всегда тепло. И для певицы, музыканта невероятно важно иметь семью: это покой твоего внутреннего состояния, это счастье,

которое всегда с тобой. Мы так были воспитаны, что весь наш большой род — и с маминой, и с папиной стороны — жили в любви друг к другу, и мы несем это через всю нашу жизнь. Быть матерью — одно из главных, а, может быть, главное предназначение женщины. Певицы здесь не исключение. И материнство — это именно то счастье, которое, мне кажется, всегда звучит в голосе.

*Хибла в роли
Леоноры.
«Трубадур»*

Фото из личного архива

— Хибла, вы родились в Пицунде, рядом с теплым морем, ярким солнцем, спелыми и сочными фруктами... Ваше самое яркое воспоминание из детства?

— Мое детство было безмятежным: это наш пицундский храм, наша бухта, где море всегда было спокойным, и где я любила плавать. Я росла в полной любви и гармонии.

— Когда вы поняли, что будете петь?

— Всегда была музыкальным ребенком. У нас дома постоянно звучала прекрасная музыка, многоголосное пение и очень хороший джаз — папа привозил записи из Германии. Родители обожали музыку. И мама у меня пела. Я очень люблю абхазскую музыку. Народные песни, протяжные, грустные, — изюминка моих сольных концертов.

— Хибла, ваша «музыкальная» жизнь началась с того, что папа привез из Германии пианино. Оно живо?

— Да! Стоит в пицундской квартире, где я выросла. Причем удивительно: эта квартира у нас горела, и единственное, что в ней уцелело, мое пианино.

— В вы любили заниматься на фортепиано? Или, как многие дети, делали это из-под палки?

стези? Играете ли вы сейчас «для души» или не хватает времени?

— Фортепианное прошлое, а это было Сухумское музыкальное училище по классу фортепиано и восьмилетка в гагрской музыкальной школе, очень помогло мне в моей музыкальной жизни. Я убеждена, что певцы должны уметь играть на каких-

*В роли
Флории.
«Тоска»*

Фото
Елены
Бледных

— Из-под палки, возможно, занималась только в первом классе. Но я знала, что это нужно. Всегда была очень организованной девушкой. Видимо, такой характер.

— Вы окончили музыкальное училище по специальности фортепиано, однако поступили в Московскую консерваторию на вокальный факультет и окончили аспирантуру, успевали также факультативно заниматься в классе органа. Тяга к инструментам помогла вам в развитии своей

либо музыкальных инструментах: это дает особенное, более широкое музыкальное мышление, понимание и ощущение музыкальной фразы, она по-другому строится. Я люблю петь с органом, часто пою камерные концерты с замечательной пианисткой, моей постоянной партнершей Екатериной Ганелиной, и мое инструментальное прошлое помогает мне в дуэте с инструменталистами, в ощущении ансамбля.

Инструментальное прошлое всегда со мной, оно даже не прошлое: во-первых, я себе аккомпанирую,

когда мне что-то надо учить, и просто, как вы говорите — «для души», тоже играю. У нас в доме принято домашнее музицирование, мы устраиваем с друзьями и родными музыкальные вечера, особенно когда это праздники — Новый год или день рождения.

— Что для вас является самым трудным в вокальном искусстве?

— Самое трудное и очень важное — это правильный выбор ре-

— Как вы относитесь к другим жанрам, к таким, как, например, фолк или рок-музыка?

— Я люблю разную музыку. С удовольствием могу послушать хорошую рок-музыку. Но каждый человек должен понимать, какая музыка подходит для его голоса, для его внутреннего мира. Народную музыку, джаз слушаю и пою. Главное — надо слушать хорошую музыку, хорошее исполнение, независимо от жанра, только тогда воспитывается вкус.

пертуара, а дальше, чтобы быть в этом репертуаре, необходима правильная выучка материала, правильное впевание, это тот самый период, когда ты учишь новые партии: ищешь вокальные краски, много читаешь, слушаешь, продумываешь многое. Это очень ответственный период, но и необыкновенно интересный. Надо быть в правильном русле, правильно направлять себя.

— Исполняли ли вы абхазские народные песни за границей, как вы делаете это дома, в Абхазии? Как публика принимает их?

— У меня однажды была история. После конкурса Чайковского, после Гран-при, я помню, со мной подписали контракт «Джапан артс», и у меня были самые первые мои гастроли. Я поехала петь с оркестром. Меня столько раз вызывали на бис, что

у нас закончились все наши «бисовочки», и петь уже было совсем нечего. Тогда я вышла и спела акапельно абхазскую народную песню. Японцы, видимо, не ожидали, что это их так тронет. Им очень понравилось.

— Бог наградил вас уникальным голосом. А вы крещеная? У вас есть любимая церковь?

Я верую в Бога, и абсолютно уверена, что певческий голос человеку дает Господь. И я очень благодарна за этот мой дар. Крестилась я в детстве в Сухуми, и у меня есть любимая церковь. А вообще, где бы я ни была, в каком бы городе, в какой бы стране мира, я всегда хожу в церковь.

— На ваш взгляд, какими качествами должна обладать оперная певица мирового уровня? Все-го, наверное, не перечечь...

— Приме важно быть стильной. Выглядеть на сцене достой-

но, петь, не искажая черты своего лица. Уметь «взять» своего зрителя. Нести ему любовь и тепло. Энергетика, которую ты излучаешь, вот что важно. Мне кажется, что певец должен обладать очень теплой энергетикой. Быть по-настоящему интересным человеком: на пустышку скучно смотреть.

*Метрополитен-опера.
Хибла в роли
Дездемоны.
«Отелло»*

Фото из личного архива

— Вы оставили отголосок своего таланта на всех мировых площадках — от Лондона до Японии. Какое выступление стало самым волнительным и значимым для вас?

— Конечно, я счастлива, что у меня состоявшаяся карьера, что я пела в крупнейших мировых театрах первые партии, что участвовала в очень важных для меня постановках. Я люблю все сцены, где пела: И Большой театр, и Мариинский, и Метрополитен-опера, и «Ла Скала», и Парижская

опера, и Ковент-Гарден, и Вена, театры в Швейцарии, Германии, Японии. Выступления на всех этих сценах были значимы для меня.

— Поговорим о вашем родном театре в Москве. С 1995 года вы служите в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. Можно ли утверждать, что этот театр стал для вас Домом, как заповедовал Станиславский?

*С котом
Аморэ*

Фото из личного архива

— Театр Станиславского и Немировича-Данченко — это абсолютно мой дом. Я когда-то пришла сюда, прослушалась, была принята в труппу, с тех пор это мой театр. Для меня важно, что можно петь в разных театрах мира, но возвращаться в свой уютный дом, где есть своя история, где уважают старшее поколение, здесь работают очень важные для меня люди, которых я люблю, здесь ставятся замечательные спектакли, здесь я расту. Когда задумывался конкурс, первый человек, к которому

я пришла, был Александр Борисович Тителъ — художественный руководитель нашей оперы. Он сразу поддержал меня. Это было очень важно. Да, театр — это мой дом.

— Что является для вас самым тяжелым в психологическом и физическом планах при выходе на сцену и исполнении роли?

— Для меня очень важно, чтобы перед спектаклем я была здорова, чтобы голос был свежий, и я хорошо себя чувствовала физически. Люблю людей, которые пришли в зал. Я оставляю им частичку себя. Поэтому обязательно должна хорошо звучать и быть им интересной, будь то роль на оперной сцене или концертная программа.

— А что происходит, когда занавес закрывается?

— После спектакля мне сложно заснуть — столько адреналина в крови. Я ни-

когда не пою поверхностно. Все пропускаю через себя, вживаюсь в судьбы моих героинь. А это непросто дается. Потом долго восстанавливаюсь. После «Лючии ди Ламермур» или «Травиаты» дня два-три прихожу в себя. Под душем стою, плаваю в бассейне. Но я не сетую: Господь дает мне силы. Мы как сосуд, который он наполняет. Наполовину или до краев. Как удостоишься.

— Где и как вы отдыхаете?

— Я отдыхаю в полной тишине. На природе или в спа. Для меня важно восстановление, чтобы продолжать работать в полную силу потом.

— Ваш самый счастливый момент в жизни?

— Рождение сына.

— У вас изумительно красивые глаза необычного цвета — в кого?

— Глаза желтые. Ахь — по-абхазски «золото», «абла» — глаза — из этого складывается имя Хибла. Я счастлива, что мои родители назвали меня правильно. Имя очень важно для ребенка. Говорят, я появилась на свет с «золотыми» глазами. Родители сразу поняли, что девочка будет красивой.

— В вашей семье что было в приоритете — музыка или домохозяйство?

— У нас все было вместе и на равных. Если я хорошо играла на рояле,

это совсем не отменяло того, что я должна уметь красиво накрыть стол, приготовить вкусный обед или ужин, принять и проводить гостей.

— Еще одна из ваших ипостасей — педагогическая. Расскажите про ваш вокальный класс в Московской консерватории. Недавно вы впервые выступили в Москве со своими ученицами. Какими секретами мастерства вы делитесь с ними? Откроете их и нашим читателям?

— Доцентура в Московской консерватории — это еще один этап в моей жизни, я счастлива, что служу в моей Alma mater. Считаю, что Московская консерватория — лучшая в мире. Вместе с моей подругой, моим постоянным концертмейстером Екатериной Ганелиной, мы стараемся не просто учить девочек петь, но воспитываем их. Это важно для меня. Мы учим их жить на сцене, умению правильно выглядеть, правильно относиться к сцене, к выступлениям, правильно готовиться к ним. Мы учим их любить партнеров, с которыми ты выходишь на сцену, всех людей, которые помогают быть на сцене. Мне важно, чтобы они любили и ценили красоту во всем. Но главное, конечно, — любить музыку, жить в ней. Все мои ученицы — талантливые, красивые, целеустремленные. Мы все дружим. Мне кажется, что педагог и ученик — это дружба, доверие друг к другу в первую очередь. И конечно, для меня это огромная ответ-

ственность: я чувствую себя в ответе за моих учениц.

— Хибла, расскажите, пожалуйста, поподробнее о вашем новом Международном конкурсе вокалистов. Чем этот конкурс отличается от других?

— Я знаю, как важен для певца правильный старт, знаю, как важно найти поддержку. Именно поэтому решила организовать конкурс, и очень рада, что нам дали грант Президентского фонда культурных инициатив. Мы разработали условия, которые, как нам кажется, помогут наилучшим образом раскрыться артистам, показать разные грани своего дарования. И очень важно, что наши призы — это не только денежное вознаграждение, это дебюты на лучших российских оперных сценах. И мы уже получили поддержку руководителей театров: и Большого, и Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, и «Геликона». наших лауреатов поддерживает фирма «Мелодия», Московская филармония, Большой зал консерватории, Национальный филармонический оркестр с Владимиром Спиваковым. Мне хочется, чтобы конкурс запомнился не только дипломом или премией, а чтобы он стал началом хорошей дороги для молодых людей. И еще — я очень признательна моим коллегам и друзьям, признательна очень уважаемым в мире музыки людям, которые отозвались на мои просьбы, стали экспертами конкур-

са, вошли в состав жюри. Я пока не могу открыть их фамилии, но это высокие профессионалы в нашем оперном деле.

— В чем заключается самая большая благодарность зрителей для вас?

— Для меня очень важны глаза моих зрителей, тепло, которое идет от них, я его чувствую на сцене. Если есть зрители, которые приходят специально на мои спектакли, концертные программы, это очень важно. Когда у артиста есть свой зритель — это и есть самое большое счастье.

— Ваш кот Аморэ знаменит в Интернете. Расскажите, пожалуйста, о его характере. Сколько ему лет? Что он любит?

— Кота Аморэ мне подарили девять лет назад, и это была радость для всей семьи. Мы назвали его Аморэ, что по-итальянски означает «любовь», потому что кот сразу стал нашим любимцем. Аморэ — красивый, серо-голубой породистый британец с желтыми глазами, по этому поводу все шутят, что глазами в «маму» пошел. Как и положено коту, он довольно своенравный, но, в принципе, с хорошим, дружелюбным характером. Много из того, что мы любим, любит и наш Аморэ. Как в любой кавказской семье, где еда, застолье — это всегда красивый ритуал, всегда вкусно, Аморэ к еде относится таким же образом — он настоящий гурман. Конечно, мы его кормим специаль-

ной кошачьей едой, стараемся следить за его здоровьем, но если есть возможность, балуем разными кошачьими вкусняшками.

— Кот наверняка в хозяйку — музыкальный?

— Аморэ — очень музыкальный, любит, когда в доме звучит музыка. Когда же музицирование заканчивается, а рояль закрывается чехлом, Аморэ сразу же запрыгивает на инструмент, давая всем понять, что теперь рояль «отдыхает». Конечно, наш кот — не просто любимец, он, практически, член семьи. Его знают и любят наши друзья и мои подписчики в социальных сетях.

— Есть ли у вас мечта?

— Да, у меня есть мечта: хочу, чтобы мои близкие, моя семья были здоровы, спокойны и счастливы. И еще хочу, чтобы голос мой звучал столько, сколько ему дано Богом.

Я счастлива, что служу музыке, я голодна до музыки, до работы в музыке. Именно, перефразируя Станиславского, люблю «Музыку в себе, а не

Фото
Влада Локтева

себя в музыке». И я очень надеюсь, что молодые люди, которые будут участвовать в нашем конкурсе, тоже будут жаждать музыки, общения с миром через музыку. Я абсолютно убеждена, что музыка — это прекраснейшее из искусств, пушкинское «одной любви музыка уступает, но и любовь мелодия» — как нельзя лучше выражает то, что я думаю и чувствую.

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Мистификация ПРОТИВ казнокрадства

Ходят упорные слухи, правда, никем не подтвержденные, что, якобы, группа известных скульпторов, пожелавших остаться неизвестными, вынашивает план поставить в одном из уютных скверов Нижнего Новгорода памятник мифическому «Директору Королевских доходов» испанского города Барселона, казнокраду и мошеннику Дону Педро Прокодуранте. Кто такой этот «Дон Педро», и каким удивительным образом он появился в Нижнем Новгороде, и пойдет этот рассказ.

Как это ни прискорбно, но приходится вновь и вновь возвращаться к печальной и вечной теме казнокрадства, мошенничества и воровства. Не обошла стороной эта беда и Россию. Вот как Александр Сергеевич Пушкин рисует картину казнокрадства в николаевской России: «Временщики не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностью пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа, от канцлера до последнего протоколиста все крали и все были продажны». Николай I с горечью

признавался своему наследнику: «Мне кажется, что во всей России не воруют только мы с тобой». А Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин однажды мрачно пошутил: «Если я усну и проснусь через сто лет, и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют».

Однако не все классики русской литературы были столь пессимистичны. Н. Гоголь, А. Сухово-Кобылин, А. Куприн, А. Чехов, да и тот же Салтыков-Щедрин, а в советское время — В. Маяковский, И. Ильф и Е. Петров, М. Зощенко и многие другие в своих произведениях разоблачали воров и казнокрадов, высмеивали и издевались над ними. Иногда эта «борьба» принимала совершен-

но оригинальные, можно сказать, уникальные формы. Именно о таком крайне любопытном случае и пойдет наш рассказ.

В славном городе Нижний Новгород, в самом конце XVIII века жил и процветал некто Петр Иванович Прокудин, занимавший весьма неплохую должность управляющего «Коллегией экономии Казенной палаты Новгородской губернии». Эта, как говорят в народе, «хлебная» должность позволяла Прокудину беспардонно запускать руку в городскую казну, делать поборы со знаменитой Нижегородской ярмарки, отчислять часть прибыли от работы солеварен, нещадно грабить так называемых государственных крестьян. Особую статью семейного дохода составляло «сотрудничество» с местными толстосумами, которое осуществлялось по известной формуле «Рука руку моет». Петр Иванович обеспечивал им завышенные цены на закупку товаров для нужд города, раздавал выгодные подряды на строительство, спасал от судебного преследования, «решал деликатные проблемы», устраивал «нужного человечка на теплое местечко» и проделывал еще много подобных дел в таком же духе. В ответ банкиры, промышленники, купцы, землевладельцы и подрядчики делились с ним прибылью с контрактов, давали взятки, делали дорогостоящие подношения, оплачивали строительство его шикарных объектов недвижимости. Петр Иванович и сам не скупился раздавать взятки «нужным»

людям. Благодаря такой кипучей деятельности Прокудин был широко известен не только в столице губернии и во всех близлежащих деревнях и прочих окрестностях, но и в Москве и даже в самом Санкт-Петербурге. Он нисколько не переживал от такого publicity, скорее наоборот, был вполне доволен этим, и при хорошем расположении духа, в кругу своих партнеров-прихлебателей любил покрасоваться и пошутить, называя себя «плутом и шельмой». Жил он на «широкую ногу», ни в чем себя не ограничивал. При этом вся губернская чиновная знать, без стыда и совести, пила, ела и развлекалась на его краденые деньги. И хотя в обществе ходили упорные слухи о махинациях «эконом-директора», ему все сходило с рук.

И вдруг, буквально в одночасье, вся эта благодать обрушилась, как карточный домик. И произошло это вовсе не по причине крестьянских бунтов, общественных протестов или внезапно прибывшего из Санкт-Петербурга ревизора. Вовсе нет. Причиной, грянувшей, как гром среди ясного неба, стало появление на полках книжных магазинов Нижнего Новгорода книги под интригующим названием «Дон Педро Прокодуранте, или наказанный бездельник. Комедия, сочинения Кальдерона де ла Барка, с гишпанского на российский язык переведена в Нижнем Новгороде». Цензура, узрев на титульном листе имя знаменитого испанского

писателя, потеряла бдительность и «проморгала» выпуск книги в печать. Написана комедия была смело и остроумно. Действие происходит в испанском городе Барселона. Главным персонажем пьесы является Директор Королевских доходов, мошенник Дон Педро Прокодуранте. Ему противопоставлен герцог Дель Прато, «присланный от Короля примечать за поступками Дона Педро». Вместе со своим другом Дон Жуаном они встают на защиту обиженных несчастных крестьян, разоблачают махинации, воровство и поборы Дона Педро и с гневом обличают позорный образ жизни Дона Педро и его приятелей. Не забыта в комедии и супруга Дона Педро Дорфиза. Однако автор комедии решил пощадить героиню, не стал распространяться об ее своеобразном участии в проделках супруга и определил ей амплуа «щеголихи». Весь тираж книги был с невероятной быстротой распродан. Нижегородцы без особого труда узнали в Педро Прокодуранте своего земляка, мошенника Петра Прокудина. Поползли фантастические слухи и домыслы. А городские власти и «дружки» не на шутку перепугались и недоумевали: «Это не иначе, как какое-то чудо! Как это возможно, что в какой-то далекой Гишпании проживает человек, так схожий по имени, и даже по чину с нашим Петром Ивановичем!» Другие утверждали: «Это какая-то дьявольская мистификация!» Дьявол, конечно, тут ни при чем. На самом

деле, это была, как называют литераторы, «литературная мистификация», настоящим автором которой был, конечно, не Кальдерон де ла Барка, а потомственный дворянин, советник губернской уголовной палаты Яков Петрович Чаадаев. Прокудин тоже сразу узнал себя в комедии. Разъяренный, он начал скупать экземпляры книг и сжигать их. Однако издатели тут же отпечатали и пустили в продажу второе издание. Не помогли Петру Ивановичу никакие связи: из Петербурга пришел грозный приказ, и ему пришлось оставить доходное место. Вот таким образом Яков Петрович Чаадаев, практически в одиночку, легко избавил нижегородцев от зарвавшегося казнокрада и мошенника, как он сам выразился, «произведением изящной словесности».

Долгие годы имя автора комедии оставалось в тайне. Лишь в его семье знали историю появления Дона Педро Прокодуранте. Сын Якова Петровича, знаменитый автор «Философических писем» Петр Яковлевич Чаадаев, читал эту комедию, но ни он, ни его родные не смогли ее отыскать, несмотря на все старания, и о ней осталось только семейное предание.

P.S. «Если бы изобретательность этих отщепенцев, их удивительное знание людской психологии, их смелость, их несравненные актерские способности, — если бы все это богатство в добрую сторону! Сколько пользы принесли бы эти люди отечеству!» (А.И. Куприн) □

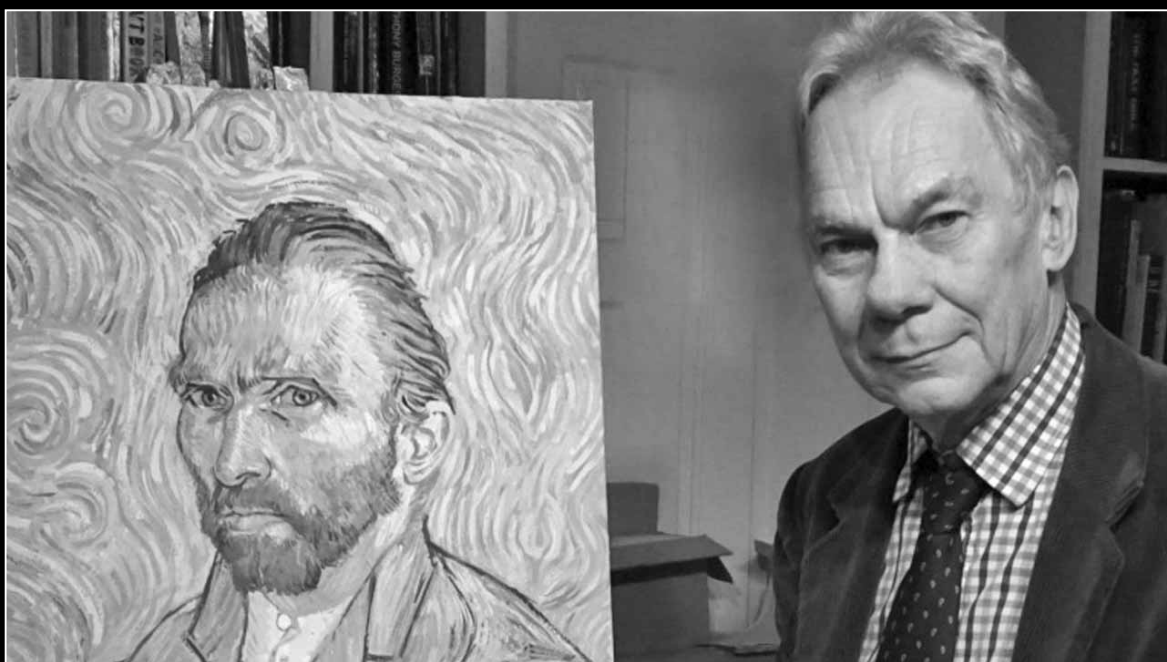
Ирина Опимах

Джон Майятт

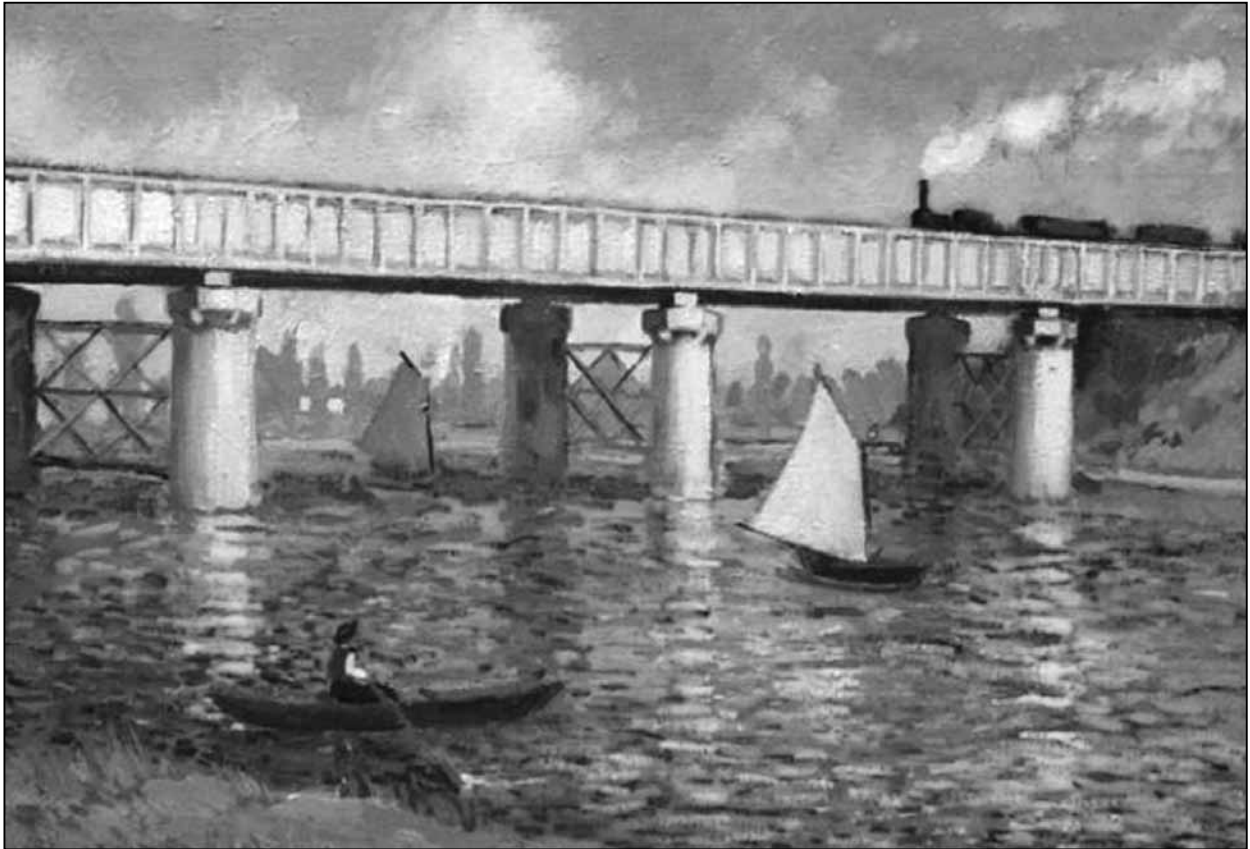
и его подлинные фальшивки

«Мир искусств уже никогда полностью не оправится после этой истории. Самые разные картины могут продаваться на лондонских аукционах за огромные суммы, но после процесса над Джоном Майяттом и его подельщиком Джоном Дрю никакой гарантии, что это подлинники, нет», — писала летом 2007 года Ванесса Торп, известная британская журналистка, корреспондентка «Observer», специализирующаяся на вопросах искусства и медиа. И у нее были все основания так утверждать. Особенно после посещения выставки, открывшейся в лондонской The Air Gallery, — там были собраны многочисленные «шедевры живописи XX века», вышедшие из-под кисти Джона Майятта, бывшего учителя рисования, а ныне — одного из самых известных в мире фальсификаторов в истории искусства.

Джон Майятт родился в 1945 году в простой фермерской семье. Родители, увидев, что у их сына ярко выраженный дар к рисованию, отправили

его учиться в художественную школу, где он, осваивая живописное ремесло, с удовольствием копировал картины старых мастеров. И делал

это с большим успехом, как признавали его преподаватели.

После учебы Джон устроился учителем рисования в одну из стаффордширских школ. Женился, стал отцом двух очаровательных малышек. И вот тут в его жизни случилось несчастье — его бросила жена, оставив ему в утешение детишек, которым тогда было одному три, а другому — полтора года! Джону пришлось кардинально менять свою жизнь — во-первых, уйти с работы, ребят же не оставишь дома одних; а во-вторых, думать, как теперь зарабатывать деньги на жизнь. И он вспомнил, как копировал в художественной школе известные шедевры, а однажды по просьбе одного приятеля написал копию картины Дюфи, которую даже вполне уважа-

емые эксперты приняли за подлинник. А вдруг это его умение теперь поможет ему? А вдруг кому-нибудь захочется украсить свой дом копией знаменитого полотна? Да еще по сходной цене? Ведь настоящие картины мало кому по карману.

В интервью журналистке «Огонька» Н. Голицыной он рассказывал об этом трудном периоде своей жизни так: «У нас с женой было двое детей. Однако она бросила меня с детьми, когда одному из них было три года, а другому — полтора. Мне пришлось самому за ними ухаживать и воспитывать. Я пытался найти какой-то источник дохода, но при этом оставаться дома. Я дал объявление в журнале, в котором написал, что предлагаю «подлинные подделки» живопи-

Слева:

*«Мост
в Аржантей»
(под Клода
Моне)*

---

*«Девушка
с жемчужной
серезжкой»
(под Иоганна
Вермеера)*

си XIX–XX веков примерно за 150–200 фунтов. Мне это показалось довольно легким заработком, ведь обычно большинство людей не прочь приобрести копии работ Моне, Пикассо и других художников».

И у него получилось. Но дело поначалу шло довольно вяло, а потом Джону позвонил новый заказчик. «Профессор-ядерщик мистер Дрю», — представился он. И мимоходом намекнул на свои связи с британской разведкой. Ну как тут не поверить в порядочность клиента!

С Дрю к Майятту пришла удача — физик стал постоянным клиентом, причем заказывал много и регулярно.

Надо сказать, что этот мистер Дрю был незаурядной личностью.

Джон Кокетт (таково было его настоящее имя) родился в 1948 году в Сассексе в Англии. В 17 лет, не доучившись, он бросил школу и решил поменять имя — теперь он назывался Джон Дрю. Это было только начало его новой жизни. Затем он сделал себе диплом PhD (кандидат наук в России) по физике и даже устроился

*«Желтая
одалиска»
(под Анри
Матисса)*

на работу в Британское управление по атомной энергии. Но долго там не продержался — вскоре всем стало понятно, что к науке он имеет довольно далекое отношение.

В 1970 году Дрю занимал должность руководителя физического факультета гимназии Бексхилл в Восточном Сассексе. Уж как он там справлялся, один бог знает...

Спустя 10 лет он женился на богатой израильтянке Бат-Шеве Гудсמיד. Что он ей наговорил, можно себе представить! «Я — секретный

физик, был советником Управления по атомной энергии, членом британского совета по авиакосмической промышленности и работал в министерстве обороны», — рассказывал он о своем богатом прошлом Бат-Шеве. (На самом деле он преподавал физику в еврейской частной школе в Хайгейте, пока в 1985 году его не уволили.) Наивная Бат-Шева поддалась на все его рассказы и не устояла перед его обаянием, в котором ему было трудно отказать.

*«Жанна
Эбютерн»
(под Амадео
Модильяни)*

А вскоре Дрю узнал о существовании Майятта и решил, что настал его звездный час. Он понимал, что в мире подделок можно срубить хорошие деньги. И у него этот получилось!

«После того как я написал для него 14 или 15 картин (а надо сказать, что он мало что понимал в искусстве), — рассказывал Майятт, — он спросил меня, что я сам хотел бы написать. Я ответил, что хотел бы написать несколько картин в стиле малоизвестных кубистов. Написав их,

я подумал, что на этом наше сотрудничество завершится. Однако через две или три недели он заглянул ко мне и сообщил, что показал этих кубистов экспертам в «Кристис» или «Сотбис», и ему сказали, что они могут продать их за 25 тысяч фунтов. Дрю спросил, согласен ли я получить 12,5 тысячи фунтов — половину их стоимости, если они будут проданы». Майятт за всю свою жизнь не видел таких денег! Это была для него огромная сумма, и он согласился. В то время ему это казалось непло-

хой идеей — выходом из нужды. Вот так все и началось.

«Репертуар» Майятта постоянно расширялся, а потом он сосредоточился на художниках XX века, их копировать оказалось совсем несложно. Из-под его кисти выходили «шагалы», «дьюбюффе», «пикассо», «матиссы», «корбюзье» и другие, а его «джакометти» вполне уважаемые эксперты признали лучшей работой художника!

Итак, Майятт писал картины (быстросохнувшими эмульсионными красками — теми, что используют при покраске стен в кухнях и спальнях, а чтобы «состарить» картины, брали старые холсты, а иногда в дело шли грязь и пыль из пылесоса!), а Дрю занимался их продажей. (Как эксперты могли ошибиться при изучении этих «шедевров» — и сегодня остается загадкой. Наверное, определенную роль играли деньги, желание сенсации, открытия новой работы мастера или просто некомпетентность...) Но тут у коллег по бизнесу возникли проблемы — оказалось, что фальшивке недостаточно быть похожей, а еще лучше — неотличимой от подлинника, у нее должна быть правдоподобная история, провенанс. И с этой задачей Дрю справлялся просто блистательно!

Для формирования провенанса приходилось подделывать документы о предыдущих владельцах «шедевра». Порой Дрю, человек до предела циничный, подделывал или использовал записи уже умерших лю-

дей. Этаким Чичиков, ловец умерших душ! Использовал он и живых. Каких-то своих друзей, нуждавшихся в зарботке, он убедил — за деньги, конечно, — подписать бумаги, в которых говорилось, что они владели той или иной картиной. Так, к примеру, ему очень помогли его старые приятели — спившийся, одинокий Петер Харрис и брошенный женой обнищавший безработный Даниэль Стоакс. Эти два господина числились во многих документах как владельцы произведений великих художников XX века. Когда же Дрю не находил, кого можно подкупить, он просто придумывал несуществующих людей, придумывал имена и судьбы...

Был и другой путь. Он втирался в доверие к наследникам художников и создавал поддельные письма, в которых упоминались подделки Майятта как настоящие работы. А еще влезал в архивы музеев и галерей, с помощью специального станка печатал необходимые сертификаты и подкладывал их в хранилища вместо старых страниц, которые удалял, вставлял в художественные каталоги новые с упоминанием фальшивок Майятта. Он даже умудрялся вставить необходимые ему изменения в электронные каталоги прошлых выставок!

Чтобы получать доступ в архивы, Дрю делал щедрые жертвования собраниям — деньгами, которые у него благодаря Майятту были, а иногда и картинами производства своего любимого художника, правда, подписанные не его именем.

(Сегодня специалисты говорят, что потребуются годы, чтобы очистить архивы от ложной информации, внесенной Дрю.)

Результат деятельности этих двух настоящих мастеров своего дела весьма впечатляющ: за несколько лет, с 1985 по 1993 год, было продано около 200 картин. Дрю заработал 1,8 млн фунтов стерлингов — кстати, выплатив Майятту всего 100 тысяч фунтов. Вот такой бизнес организовал этот «физик-ядерщик». Как у него обстояли дела с физикой, сказать трудно, но считать он умел хорошо!

Однако все имеет свой конец. Пришел конец и афере Майятта и Дрю. Связан он был с женщиной.

Разбогатевший, принятый в самом высшем свете, уважаемый благодетель мистер Джон Дрю разлюбил свою израильтянку и женился на юной и прекрасной докторше Хелен Суссман. Однако он сделал большую глупость — оставил в доме Гудсмит свои бумаги. И вот, разбирая вещи, оставленные неверным мужем, Бат-Шева обнаружила папки с документами, полностью изобличившие ее бывшего возлюбленного в криминальной деятельности. Наконец она поняла, как ее «профессор физики» зарабатывал свои капиталы. Он обманывал ее во всем! И оскорбленная до глубины души Гудсмит решила рассказать о делишках Дрю полиции.

Между тем Майятт уже изрядно устал от производства подделок и от постоянного страха, что его вот-вот

изобличат. В сентябре 1995 года Скотланд-Ярд арестовал художника, который дал чистосердечные признания и сдал своего поделщика Дрю. Полиция сделала обыск в доме Дрю в Рейгейте и обнаружила там доказательства его преступной деятельности — материалы для фальшивых сертификатов подлинности и два каталога, которые Дрю украл из Музея Виктории и Альберта.

Во время допросов Дрю не признавал себя виновным, утверждал, что никогда не продавал фальшивки, а Майятт просто готовил полотна к продаже. И удивительное дело — его выпустили под залог! Он, естественно, постарался скрыться, и только через три месяца полиции удалось вновь посадить его за решетку.

И тут он разыграл новый спектакль. На этот раз в ход пошла теория заговора. «Я был торговцем оружием и стал жертвой обмана, в том числе британских правоохранительных органов и правительств семи стран! В общей сложности мною было организовано производство 4000 подделок, которые использовались для финансирования сделок с оружием между британской военной промышленностью и Ираном, Ираком и Сьерра-Леоне». «Я являюсь агентом британской разведки, Майятт — неонацист, один из лидеров неонацистской группировки, а алкоголик Роберт Харрис (чье имя упоминается во многих поддельных сертификатах) — южноафриканский шпион и торговец оружием. Вы даже представить не можете, с какими

*«Кодакес»
(под Пабло
Пикассо)*

страшными вещами порой связана торговля картинами, — горько признавался следователям Дрю. — Например, с продажей баллистических ракетных комплексов Ирану в девяносто первом, за что я несую полную ответственность. У меня есть документы на сей счет».

Но, сидя в камере, Дрю не смог нарисовать ни одного свидетельства своих увлекательных рассказов. А потому полиция ему не поверила.

Судебный процесс против Дрю и Майятта начался в сентябре 1998

года. 13 февраля 1999 года Дрю был приговорен к шести годам заключения за сговор с целью мошенничества — по двум пунктам обвинения в подделке, одному пункту за кражу и одному за использование заведомо ложного документа. (Он отсидел в тюрьме два года).

Джон Майятт получил шесть месяцев заключения в Брикстонской тюрьме. Там его прозвали «Пикассо». «В тюрьме это был единственный художник, о котором они слышали, — вспоминал сам Майятт о времени заключения. — Пикассо — один

*«Пандора»
(под Данте
Россетти)*

из самых знаменитых художников, и поэтому эта кличка ко мне пристала. В тюрьме я не писал, но много рисовал. Писать было запрещено, но у меня были карандаши. Много времени уходило на портреты и рисунки, использовать кисти не разрешалось. У меня даже не было точилки для карандашей. Мне приходилось ходить их затачивать в тюремную контору. В Англии довольно строгие законы насчет того, что можно иметь в тюрьме».

Заключение продлилось недолго. Через 4 месяца Майятта уже выпу-

стили на волю за хорошее поведение и полное раскаяние в содеянном.

Когда он вышел на свободу, то решил, что больше никогда не будет заниматься живописью. Но через несколько дней ему позвонил полицейский, который в свое время отправил его в тюрьму, спросил, не согласится ли Майятт написать его портрет с семьей, и предложил хорошие деньги. Тот охотно принял это предложение. А когда портрет полицейского с женой и тремя детьми был готов, он познакомил Майятта с юристом, присутствующим на судебном процессе,

и он тоже заказал картину. А потом появились и другие заказчики. Майятт стал известной фигурой — у него брали интервью, его приглашали на телевидение, о нем собирались снимать фильм в Голливуде, писали книги. И покупали его картины...

А вот о его бывшем подельщике Джоне Дрю слегка подзабыли. Правда, в 2012 году он снова напомнил о себе. В марте того года в Норвичском королевском суде слушалось дело о мошенничестве. И снова на скамье обвиняемых сидел Дрю: обманом он завладел всеми сбережениями бывшей преподавательницы музыки, скромной 71-летней пенсионерки. Сбережения оказались немалыми — 700 000 фунтов стерлингов. Дрю приговорили к восьми годам тюрьмы. Судья, произнося вердикт, не выдержал и сказал, обратившись к обвиняемому: «На мой взгляд, вы самый нечестный и коварный человек, с которым я когда-либо сталкивался». Сегодня его срок уже вышел, он на свободе, и кто знает, какие еще мошеннические операции он затекает...

А вот Майятт сегодня — заметная фигура в мире искусства. Уважаемый отец семейства (он женился во второй раз, и теперь у него пятеро детей), вполне респектабельная личность. Он довольно часто организует выставки-продажи своих работ, но теперь на полотнах стоит не только имя художника, которого он копирует, но и его собственное — на оборотной стороне холста, а в сам холст встроены специальные микрочипы, который удостоверяет, что

перед вами — подделка. Майятт по-прежнему зарабатывает неплохие деньги, но только абсолютно законными способами — творит свои «подлинные подделки» (так, кстати, и называется его фирма — «Genuie Fakes Ltd»), оригинальные картины в стиле великих художников прошлого, а еще выступает как эксперт, когда его приглашают участвовать в расследовании дел о фальшивках в мире искусства. И он действительно в этом деле знаток.

Рассказывая о себе, Майятт не признает себя только искусным копиистом. «Я ведь не писал копии, — говорит он. — Это очень скучное, не доставляющее никакого удовольствия занятие. Намного интереснее создать еще одну картину Ван Гога, которую он мог бы написать, но не написал. Сначала я изучал технику художника, а потом писал в его стиле совершенно новую картину — будь то Джакометти, Бен Николсон или кто-то другой».

И это было настоящее творчество — Майятт изучал жизнь художника, его манеру, его темы, его приемы — а потом словно становился им, играл его роль в большом спектакле и создавал творение, которое вполне мог бы создать его герой. Но тогда возникает вопрос: а такая работа — просто подделка или предмет искусства? И кто в этом случае ее творец? И не становится ли он вровень тому, от имени которого творит? Или первый — он всегда первый? А тот, кто идет ему вослед, — всегда второй?.. □

Новое название столицы Таиланда

Власти этой невероятно популярной до пандемии среди российских туристов азиатской державы приняли решение о переименовании столицы своего государства, Бангкока. Теперь город будет называться сложно произносимым названием КRUNГ-ТХЕП-МАХА-НАХОН, что в переводе означает «Город ангелов великая столица».

Свое оригинальное решение Королевский ученый совет страны объяснил незатейливо и просто: на тайском языке столица Таиланда всегда так и называлась. Только так и никак иначе. А вот привычное нам слово «Бангкок» — лишь англоязычная поблажка европейцам, которые не могли выговорить истинное и единственно верное название тайской столицы.

Пофартить в мокроступах

Мир вещей и моды меняется стремительно: еще наши бабушки и даже родители долгие годы носили калоши или галоши, которые надевали для защиты обуви от уличной грязи и непогоды в виде дождя и мокрого снега. Причем носили такую резиновую «накидку» на обувь все: старики и дети, рабочие и крестьяне, интеллигенты и модники. А для немыслящих себя без обуви на каблуках девушек придумали даже специальные калоши, имитирующие каблук. Приходя домой, в гости или на работу первым делом полагалось снять с ног именно галоши.

Впрочем, когда в позапрошлом столетии галоши только-только появились в России, это вычурное французское словечко понравилось далеко не всем. А известный ревнитель российской словесности литератор Шишков даже вполне серьезно придумал для них отечественный аналог — мокроступы. Впрочем, его вариант не прижился, а галоши до середины прошлого столетия были в нашей северной стране, учитывая ее климатические особенности, едва ли не самым приметным и популярным видом уличной обуви.

Марат

Екатерина Маркова

и Пятнашка

Я почему-то сразу поняла, что это она. Как только вошла в ворота больницы.

Моросил противный мелкий дождь, но она словно не замечала его. Не замечала, что тоненькое летнее платьице вымокло насквозь и облепило ноги, не замечала, что к щекам прилепились пряди волос. Словно сама она только что вышла из воды, как из родной стихии. Она шла какой-то невесомой, легконогой поступью и глядела сквозь меня, идущую навстречу, своими отрешенными глазами.

— Здравствуйте, — остановила я ее. — Вы ведь Аглая? Я про вас столько слышала...

Она кивнула, и сквозь отрешенность вдруг прорезался цепкий, внимательный взгляд прозрачных русалочьих глаз.

— Здравствуйте. — Ее бледные губы дернулись и медленно сложили слова:

— Я... откуда-то вас знаю...

— Да, может быть. Я вообще-то актриса.

— Актриса? — почему-то изумилась она. — Актриса... Трудно вам, наверное, живется?

— А вам?

Она подумала, отлепила подол мокрого платья от коленей, отвела со щек прилипшие пряди и, легко вздохнув, ответила:

— Мне — хорошо! — Слегка прислонилась хрупким, острым плечом к морщинистому стволу липы и звенящим от надежды голосом спросила:

— Может, вы за Маратиком? Может, вы приехали и... не решаетесь его взять?

Я недоуменно пожала плечами, а она переспросила с какой-то покорной обреченностью:

— Так вы не за Маратиком?

Я совсем растерялась.

— Не поняла, — совсем растерялась я. — Его что же... некому взять? Он что, сам сюда болеть приехал?

Она посмотрела на меня долгим, сожалеющим взглядом и неохотно ответила:

— Его привезли сюда не болеть, а умирать. Но мы его не отпустили. Он жив, только никому не нужен, — резким движением потрянула она головой.

И я вдруг почувствовала легкое дыхание моря и вкус ветра на своих губах...

— Как это? Не отпустили?

— Было не мое дежурство. Но ведь организм ребенка не подчиняется графику, и уходя, я шепнула ему: «Непременно меня дождись...» И я примчалась. Я знала, я чувствовала, что удержу его. Хотя был один миг. — Она вздрогнула всем телом и прижала к глазам ладони. — Я видела, что он уходит. Глаза стали бездонными. Когда дети уходят, у них всегда бездонные глаза.

— Вы ведь сказали, что вам хорошо...

Она отняла ладони от глаз и неожиданно громко засмеялась протяжным русалочьим смехом:

— Я ничего не боюсь! Ни-че-го-шень-ки! Разве это не означает полной свободы? Ведь человека закабальет только страх. Дети — они не боятся смерти, они уходят без страха. А я — я родилась вообще без этого чувства. Так уж получилось. — Она наклонила голову, задумалась.

— Аглая... а вы давно здесь?

— Кажется, что всегда.

— А почему, что привело вас сюда, к этим детям?

— Плач.

— Плач? Чей?

— Детский плач. Я всегда... жила как бы в мире звуков. Музыка — это понятно... Голоса людей, звуки города, как бы вздохи лопающихся почек, птичьи посиделки на проводах, капли дождя... Но мой слух всегда вычленял из всех звуков плач детей. Я... со мной происходило что-то невероятное: как гончая, с раздутыми ноздрями, сбитым дыханием, уши торчком, была готова метнуться по следу детской обиды.

Потом я все чаще слышала этот плач. Вертела головой, но не находила того, кто плачет. И однажды поняла — это во мне. Во мне плакали дети. Я приняла этот знак как предназначение. И я так счастлива...

Она замолчала, тяжело дыша, а тишина двора внезапно наполнилась десятками детских голосов. Их выпустили на прогулку, и они вырвались на свободу, оголтелые от радости, сразу перестав быть больными и оставаясь только детьми.

Взгляд Аглаи заметался, худенькие плечи приподнялись недоуменно, а глаза стали блестящими и влажными от нежности к больным детям.

— Зачем их выпустили на улицу в дождь? — озабоченно пробормотала она, двинулась к крыльцу, но тут же оглянулась и сурово спросила: — Что вы здесь делаете?

— У моей близкой подруги здесь внук, маленький совсем. Она говорит, что вы сутками... И только благодаря вам...

— Понятно, — резко оборвала меня Аглая и жестко добавила: — Жаль, что вы не за Маратиком. Мне показалось, что именно таким я представляла себе человека, который его заберет. Он говорил, что где-то есть родственник, который подарил ему как-то на елку целых десять сосательных петушков.

— Может, придумал? Дети — такие выдумщики.

— Совсем не выдумщики! — строго оборвала меня Аглая. — Это они от вас так спасаются, от взрослых.

— От нас?

— Да-да, от вас, — еще раз подчеркнула она свою принципиальную изолированность от взрослого мира. — Я пойду.

— Конечно. Вы опаздываете на дежурство?

— Я никуда не опаздываю. У меня дежурство завтра. Просто я купила Марату раскраски, ему очень хотелось. А больных детей нельзя заставлять ждать. На это уходят силы. И потом, зачем их выпустили на улицу в дождь? — Она двинулась к крыльцу своей невесомой походкой и что-то сердито начала выговаривать нянечке, гуляющей с детьми...

Неделю спустя внука моей подруги выписывали из больницы.

Я снова сюда приехала и сразу справилась об Аглае. Мне ответили, что у нее сегодня выходной, но она где-то здесь, на территории больницы.

С огромным букетом цветов в руках я почему-то сразу вычленила в дальнем углу безобразно бирюзового цвета скамейку и разглядела на ней две спины: одну взрослую, но до чрезвычайности узенькую и хрупкую, другую — детскую, но крепенькую и коренастую. Я пробралась к густым зарослям бузины, отделяющим скамейку от всего двора, и услышала звонкий голосок:

— А еще про Пятнашку расскажи.

— Маратик, я уж все рассказала. Через несколько дней сам увидишь.

— А гулять я с ней буду?

— Конечно! Только вначале она должна чуть-чуть к тебе привыкнуть. Она добрая и дурашливая, но еще немного опасается людей. Наверное, потому, что в ее щенячьей жизни было много такого, что она стала бояться.

Марат вдруг часто задышал и спросил:

— Ты меня никогда не бросишь?

— Никогда!

— Аглая, а твои мама с папой не ругались, когда ты привела домой Пятнашку?

— Я же говорила тебе, что живу с бабушкой.

— А-а, да... забыл. А бабушка? Что бабушка сказала, когда ты ее принесла?

— Сказала: «Ух, какая пятнашка к нам в гости пожаловала!»

— В гости? — насторожился Марат.

— Да нет. Бабушка поняла, что она к нам насовсем.

Марат засопел, долго молчал, потом спросил напряженным, тоненьким голосом:

— И про меня сразу поймет?

— И про тебя! Я прошу тебя: будь абсолютно спокоен. Бабушка просто мечтает, просто ждет не дождется, когда, наконец, тебя увидит.

Я тихонько выбралась на тропинку и положила цветы на землю. Так, чтобы Аглая просто на них наткнулась...

От автора: весь пересказанный диалог — чистая правда от первого до последнего слова. □

Дмитрий Зелов

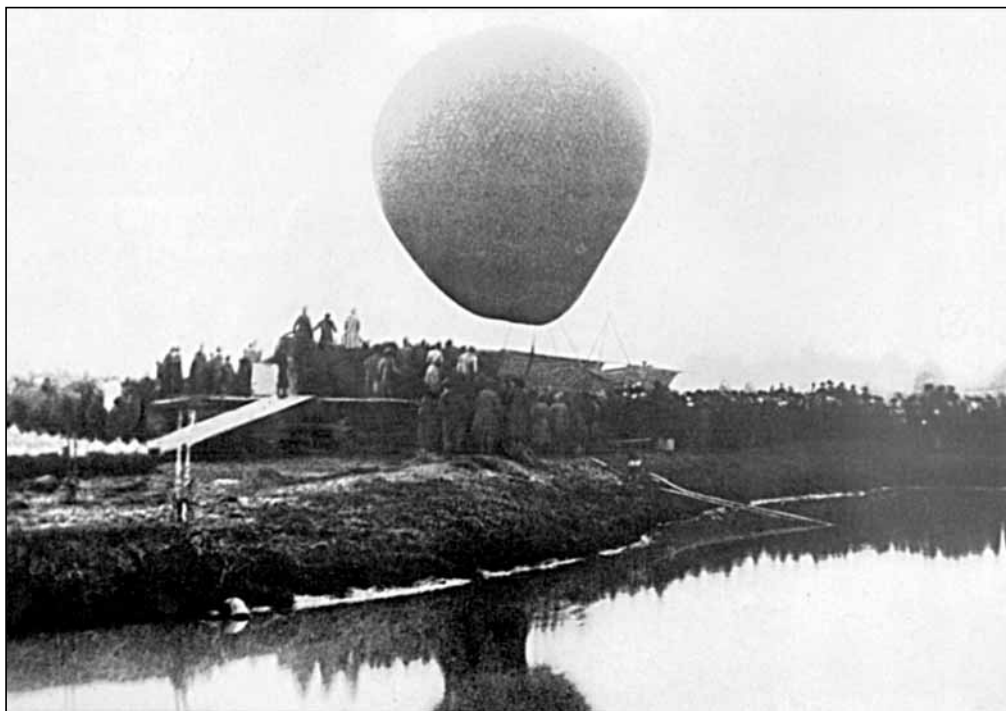

Полёт на воздушном шаре

Слева:

*Николай
Ярошенко.
Портрет
Д.И. Менде-
леева, 1886 г.*

*Воздушный
шар, на ко-
тором
Д.И. Менде-
леев осущест-
вил в 1887 г.
свой полет*

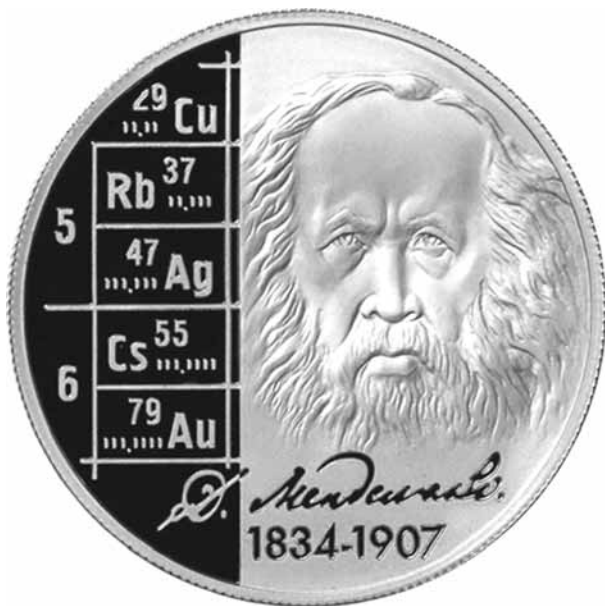
Великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907) был удивительным человеком. Он не только открыл периодическую систему элементов, названную его именем: по преданию, Менделеев долго бился над «неразрешимой» задачей, ему никак не удавалось записать химические элементы последовательно в стройные ряды, пока однажды во сне они сами вдруг не выстроились перед ним.

Круг его интересов был необычайно широк и разнообразен. Менделеев был заядлым шахматистом и частенько приходил сыграть партейку-другую вместе со своим другом, художником Куинджи. В Ярославской губернии Менделеев принял участие в открытии первого в России завода по производству машинных масел, а на заводе в городе, носящем ныне его имя — Менделеевск (Республика Татарстан), первым в мире изобрел бездымный порох. Также Дмитрием

Ивановичем в столичном Санкт-Петербурге была сформирована Главная палата мер и весов, предназначением которой было хранение русских прототипов (образцов) эталонов мер и весов, а также организация их поверки и изготовление при необходимости новых эталонов. При этом Менделеевым лично были сконструированы особые весы для взвешивания газообразных и твердых веществ. С целью освоения Крайнего Севера России и будущего похода к Северному полюсу великим ученым была предложена собственная модель ледокола для арктических широт.

А еще Менделеев страстно увлекался воздухоплаванием. Тогда, в последней четверти XIX столетия в небе безраздельно господствовали воздушные шары-гондолы. Воздухоплателей позапрошлого века так порою и называли — гондольерами. Подходя к любому делу чрезвычайно основа-

тельно, Дмитрий Иванович еще в 1875 году разработал оригинальную конструкцию стратостата с герметичной гондолой для полета в верхние слои атмосферы. Гениальный ученый намного опередил свое время — пер-

вый подобный полет состоится спустя почти полвека, в 1924 году. А вот в 1878 году, во французской столице Менделеев поднялся в небо на большом привязном аэростате изобретателя Анри Жиффара. Тогда в Париже проходила Всемирная выставка, на которой со всего света демонстрировались всякие диковинные достижения науки и техники. Аэростат поднимал в гондоле 40 пассажиров на высоту 500 метров. За два с половиной месяца работы выставки набралось желающих аж 40 тысяч. И все бы хорошо, только по сути аэростат Жиффара был большим шаром на веревочке с гондолой-корзинкой. Ну как на веревочке... на прочном тросе, конечно. И шар действительно поднимался в небо, но...лишь над местом

старта. Окрестности обозреть можно было далеко вокруг, но вот реального полета на том чудесном научном аттракционе так и не было! А Менделееву хотелось действительно взмыть внебо и полететь.

Случай представился 7 августа 1887 года. Да еще какой — Дмитрий Иванович на воздушном шаре стал очевидцем весьма редкого природного явления — полного солнечного затмения. Специально по такому случаю военное министерство решило запустить воздушный шар с говорящим названием «Русский». Старт был запланирован на раннее утро на окраине Клина, куда в назначенный день и час, едва прознав о диковинной затее, собрались толпы любопытных зевак. Билеты в поездах, прибывавших в Клин накануне, были раскуплены заранее, тот резерв, что оставался, страждущими поглазеть на диковинный полет великого ученого брались с боем у касс. Полеты на воздушном шаре в России были тогда событием из ряда вон выходящим — немудрено, что каждое такое происшествие собирало огромную толпу любопытных.

В гости к Менделееву (его имение Боблово располагалось в окрестностях Клина) прибыли именитые русские живописцы Илья Репин и Василий Перов — они буквально умоляли знаменитого химика взять их в полет на воздушном шаре с собою, чтобы будучи очевидцами солнечного затмения они смогли бы зарисовать этот природный феномен. Кстати, окрестности Клина были выбраны не случайно — по расчетам астрономов именно

здесь были наилучшие условия для наблюдения солнечного затмения.

«Ждали Менделеева, — рассказывал популярный в те годы журналист и писатель Владимир Гиляровский. — В 6 часов 25 минут раздались аплодисменты, и из толпы к шару вышел высокого роста, немного сутулый, с лежащими по плечам волосами с проседью и длинной бородой человек. Это был профессор». Менделеев в коричневом пальто и охотничьих сапогах неумело влез в корзину шара, где его уже ждал пилот-аэронавт, поручик Александр Кованько, который должен был управлять аэростатом.

Однако буквально накануне прошел очень сильный дождь, воздушный шар намок и поднять в небо даже двух человек уже был не в состоянии. Ведь помимо собственно пассажиров Менделеев загрузил в корзину аэро-

*Илья Репин.
Полет
Д.И. Менделеева
на воздушном шаре
в Клину 1900–1910*

стата множество разнообразных измерительных приборов: барометры, барографы, термометры, а еще электрические фонари и десять мешков балласта. Тогда Александр Кованько вылез из корзины шара и тут же, на месте, объяснил Менделееву, как управлять воздушным судном. В результате великий химик отправился на промокшем шаре в полет в гордом одиночестве — само по себе такое приключение было крайне рискованным и очень опасным.

А как же проходил сам полет? После краткого вводного инструктажа Менделеев невозмутимо и хладнокровно залез в корзину шара — и тут... для поднятия в небо ему пришлось выбросить почти весь балласт. И даже табурет, сидя на котором он предполагал вести свои научные наблюдения. В 6 часов 41 минуту 7 августа 1887 года воздушный шар все же взмыл в небо под восторженные возгласы огромной толпы восхищенных зрителей. А буквально через пару минут — землю окутала непроницаемая мгла — началось полное солнечное затмение.

Сложно представить себе состояние Дмитрия Ивановича, который летел на воздушном шаре в полной темноте, однако все прошло благополучно, и спустя 2 часа 40 минут, преодолев по воздуху порядка более 150 верст, профессор Менделеев приземлился на поле близ усадьбы Спас-Угол, принадлежавшей родственникам классика русской литературы Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Правда, не обошлось без курьезных происшествий.

Когда воздушный шар с Менделеевым уже стал снижаться, то окрестные крестьяне, увидев в небе диковинное чудо, приняли его за... И тут мнения разделились: в то время как одни считали, что это спускается к ним ангел с небес, другие склонны были видеть в Менделееве нечистую силу или даже заграничного шпиона. Но в итоге Дмитрию Ивановичу удалось наладить контакт с местным крестьянином Егором Григорьевым: тот схватил брошенный ученым-химиком из корзины гайдроп (якорную цепь) и привязал его к дереву. Кстати, максимальная высота, на которой Менделеев во время полета продержался около 15 минут, составила 3500 метров.

А затем был званый пир — хозяева усадьбы Спас-Угол оказали знаменитому на весь мир ученому радушный прием и тотчас же отправили в Клин телеграмму об успешном завершении полета. А затем помогли Дмитрию Ивановичу через Сергиев Посад и Москву вернуться обратно на поезде к месту старта, куда он прибыл под всеобщее ликование.

Кстати, за время своего полета на воздушном шаре создатель Периодической системы химических элементов успел зафиксировать солнечную корону затмения и даже бегущую по облакам тень, а также произвести замеры температуры и атмосферного давления. За этот легендарный полет ученому была вручена медаль Академии аэростатической метеорологии.

А вот как позже сам Дмитрий Иванович говорил о причинах, побудивших его отважиться на смертельно опасный эксперимент: «...Немалую роль в моем решении играло... то соображение, что о нас, профессорах и вообще ученых, обыкновенно думают повсюду, что мы говорим, советуем, но практически делом владеть не умеем, что и нам, как щедринским генералам, всегда нужен мужик для того, чтобы делать дело, а иначе у нас все из рук валится. Мне хотелось продемонстрировать, что это мнение, быть может, справедливое в каких-то других отношениях, несправедливо в отношении к естествоиспытателям, которые всю жизнь проводят в лаборатории, на экскурсиях и вообще в исследованиях природы. Мы непременно должны уметь владеть практикой, и мне казалось, что это полезно продемонстрировать так, чтобы всем стала когда-нибудь известна правда вместо предрассудка».

P.S. Уже в наше время на месте исторического старта Менделеева в Клину был установлен оригинальный памятник, изображающий взмывающий в небо воздушный шар. □

Илья Крутояров — яркий, талантливый актер театра и кино, мастер дубляжа популярных зарубежных фильмов и сериалов. А еще он завоевал первое место на чемпионате мира по бальному танцу, стал обладателем Гран-при по артистическому фехтованию «Серебряная шпага». Одним словом, он один из тех редких актеров, кто умеет профессионально танцевать и владеть шпагой, что немаловажно в его актерской профессии.

Фото из личного архива

Илья Крутояров

— Илья, что нового происходит в вашей творческой жизни сегодня?

— Сейчас творческая жизнь очень насыщена. В театре «Вишневый сад» до конца года планируем выпустить три премьеры. В первую очередь активно и очень подробно работаем над пьесой Александра Вампилова «Старший сын», где я репетирую Бусыгина (режиссер постановки — Татьяна Архипцова). Очень интересный и необычный подход к репетициям, каждая из них записывается на камеру, далее — домашняя работа. В новом сезоне, помимо этого, начнутся репетиции музыкального спектакля «Золушка» — режиссер Вера Анненкова. Официального распределения ролей еще нет, но, говорят, что режиссер видит меня в роли Принца. Вот так вот, от ролей характерных злодеев перешел в амплу героя. И есть в новых планах на следующий сезон глобальный про-

ект, который собирается готовить наш художественный руководитель — Александр Михайлович Вилькин, но раскрывать все карты пока не буду. Кроме того, я получил роль в масштабном историческом российском кинопроекте. Съемки начнутся осенью, а пока много подготовительной работы, так как у меня непростой исторический персонаж. Если честно, я всегда мечтал о чем-то подобном. Так что работа идет.

— Вы служите в театре с романтическим названием «Вишневый сад». Как пришли в труппу этого театра?

— Если честно, в театр «Вишневый сад» меня привела судьба, как бы это пафосно ни звучало. В 2018 году мы с моим другом Алексеем Сахаровым, который только выпустился из института, показывались во многие театры, но в театр «Вишневый сад» я лично

не отправлял свою анкету. И вот уже конец лета, показы закончились, и вдруг звонок: «Илья, хотели бы позвать вас на показ в театр "Вишневый сад"». Это был Владимир Владимирович, наш заведующий труппой. Не скрою, я был крайне удивлен и не нашелся, что ответить, кроме: «Я вам не отправлял свою анкету». Но в итоге сказал, что, конечно, приду на показ. Позвонил другу, оказывается, его тоже пригласили. Мы выступили с отрывком из пьесы Кена Людвига «Примадонны». Там два артиста-неудачника, провалив очередное самодеятельное шоу и в отчаянии не зная, как жить дальше, читают, как некая умирающая старуха-миллионерша разыскивает своих племянниц, которых она не видела со дня их рождения. В итоге наши герои переодеваются в девушек и отправляются на поиски приключений. В отрывок мы очень аккуратно «вплели»танец — мы

с Алексеем профессионально танцующие люди.

На следующий день нас снова вызвали на показ. Толпа народу, мы стоим вместе со всеми, и тут Александр Михайлович Вилькин подзывает нас и говорит: «Вы, двое, выпейте по чашке кофе в Макдоналдсе, а потом приходите ко мне в кабинет после показа». Вернувшись в театр через какое-то время, мы зашли в кабинет Вилькина, и Александр Михайлович сказал: «У меня для вас плохая новость... Я беру вас обоих в театр».

Но у меня осенью начинались репетиции в Театре Наций, в мюзикле «Стиляги», а я от радости, конечно, совершенно забыл об этом упомянуть. На следующий день снова пришел в театр, зашел в кабинет Александра Михайловича, и сумел убедить его в том, что смогу «развести» свои графики в нескольких театрах. Он мне поверил, и я его не подвел.

— Вы много работали на озвучивании фильмов. Что интересно у вас сегодня в этой области?

— Сейчас гораздо меньше проектов, чем было всегда, но, надеюсь, что это временно. В большем количестве приходят проекты из Турции, Кореи и Индии. Индия — это вообще отдельный восторг и удовольствие. Есть еще достаточное количество хорошего европейского кино. Вот сейчас готовлюсь к записи фильма для большого экрана с участием популярного французского актера Франсуа Сивиль. Это будет третий фильм, где я «подарю» ему свой голос.

— Как начиналась ваша работа по озвучиванию фильмов?

— С озвучиванием я познакомился еще в институте. Мой друг, однокурсник Глеб Глушенков уже на 4 курсе нацелился на «озвучку», и тогда я подумал, почему бы и мне не попробовать.

Глеб сам занимался со мной с января до начала мая, потом познакомил меня со Стасом Стрелковым — актером и режиссером дубляжа, у него сейчас своя крутая школа озвучения. Я приехал к нему на студию. Стас спросил, почему я решил заниматься дубляжом? Ответил, что мне нравится, когда моим голосом говорят герои на экране. То есть, если сформулировать правильно — мне нравится «дарить» свой голос героям в кино и быть причастным к созданию крутых фильмов. Большую часть времени мы занимались удаленно, то есть он присылал мне задания, а я потом отправлял ему.

Фехтование у нас в институте преподавал Иван Калинин — известный актер дубляжа, а на сегодняшний день и режиссер дубляжа. Он позвал меня в свой первый режиссерский проект на студию Пифагор, на пробы, и меня утвердили на главную роль. На Пифагоре потом меня приглашали еще на

два сериала, это были «Двенадцать причин почему» и «Охотники за разумом». А дальше все пошло в геометрической прогрессии. На сегодняшний день уже пятый год как я занимаюсь дубляжом. У меня более 190 работ и еще много компьютерных игр, мультиков, различные закадровые фильмы.

— Есть ли у вас самые любимые персонажи, герои, из тех, кого вы озвучивали, дублировали?

— Я всегда вкладываюсь в процессе работы, то есть делаю это с душой.

Один из любимых — Том Эллис в сериале «Люцифер», очень крутая работа. Это было очень ответственно и сложно, потому что актер Том Эллис играет невероятно, у него в одном предложении содержится до трех смен эмоционального со-

МТЦ «Вишневый сад». Фото А. Россоловского

стояния. Он может легко переходить в монологе от шутливости к серьезности, и его эмоциональный диапазон просто сумасшедший! При этом он еще говорит не ровно, не мелодично, а может, что называется, «бить» слова. Вот такой у него особый темпоритм. Одну пятидесятиминутную серию мы писали почти два часа, и это было очень увлекательно, несмотря на все трудности.

В сериале «Мистический квест» я писал Дэвида Хорнби, он постоянно истерил, и это было тоже нелегко.

Я очень горжусь тем, что озвучил в фильме «Арахисовый сокол» Шайа Лабафа, потому что это прекрасный актер, и он выступил в новом для себя амплуа. Я писал его восемь часов! Это фильм о человеке с синдромом Дауна, который сбежал из дома престарелых и «на воле» неожиданно подружился с рыбаком. А социальный работник пытается их найти. Рыбака мастерски играет Шайа Лабаф. Картина «Арахисовый сокол» поднимает массу сложных проблем.

Еще из интересных творческих моментов — я озвучивал испанского актера Мигеля Эрана в сериале «Бумажный дом». Один из лучших сериалов современности, на мой взгляд. От него захватывало дух, я смотрел не отрываясь. Это испанский сериал Алекса Пины о двух ограблениях — на Королевском монетном дворе Испании и Банке Испании, подготовленных неким профессором и рассказанный одним из грабителей.

Еще в моем арсенале есть испано-итальянский сериал «Далеко от тебя», он не очень популярный, но очень интересный.

Я люблю, когда меня зовут на сложную работу, где есть очень эмоционально-пластичный герой, как этот Массимо, в исполнении Алессандро Ти-бери, в сериале «Далеко от тебя».

Не так давно писали вторую часть фильма «Топ Ган. Мэверик» с Томом Крузом, где я озвучивал Майлза Теллера — у него в картине роль сына погибшего главного героя — лейтенанта Брэдли. Это мой первый масштабный, звездный боевик. Картина — продол-

жение фильма 1986 года «Лучший стрелок», действие в ней происходит через тридцать шесть лет после предыдущих событий.

— Ваши любимые роли в театре «Вишневый сад»?

— Джафар в детском спектакле «Аладдин», режиссер постановки — Вера Анненкова. Не знаю почему, но у меня есть большая тяга к древним культурам Востока, например, мне очень интересна арабская Персия. Люблю слушать восточную национальную музыку, нравятся восточные ароматы, а в нашем спектакле передан колорит, очень красивые костюмы и декорации. Честно скажу, что от игры я получаю колоссальное удовольствие.

В спектакле «Рядовые», по произведению Алексея Дударева, о суровых военных буднях, играю лейтенанта, и мне очень нравится эта роль. Герои постановки — люди с разными характерами и сложными судьбами, но общее у всех — война...

— Есть ли у вас увлечения в жизни?

— Чтобы быть успешным и постоянно идти вперед, приходится много работать, поэтому свободного времени не так уж и много. То, что остается, приходится делить между бытовыми вопросами и отдыхом, и еще ведь нужно время для роста и развития, чтобы достичь того, к чему я еще только стремлюсь! Поэтому на увлечения остается крайне мало времени. Но, тем не менее, я увлекаюсь путешествиями. Без них мне сложно существовать. Когда

был маленьким, мы с родителями много путешествовали, и с тех пор это стало для меня некоей нормой. Сейчас у меня не получается путешествовать часто, но я всегда стараюсь вырваться хоть ненадолго куда-нибудь в новое место. Пусть даже в Подмосковье на пару дней. Это моя перезагрузка! Для меня это очень важно. А еще я мечтаю о путешествиях, например, в горы. Очень люблю горы, могу часами сидеть и просто смотреть на них. Для меня вообще существуют три абсолютные силы: горы, море (океан) и облака. И я стараюсь от них заряжаться, подпитывать свою энергию! А не так давно я открыл для себя новое увлечение — серфинг. Пока только на искусственной волне в бассейне, но уже есть в мечтах отправиться куда-нибудь на океан — покорять волны!

— Какие качества вам импонируют в людях?

— В людях я ценю доброту, открытость, честность, простоту и легкость! В артистах всегда ценю, в первую очередь, человечность. Один известный российский кастинг-директор однажды сказа-

ла, что советует всем, кто работает в искусстве, в первую очередь прочитать «Этику» К.С. Станиславского. И я с ней согласен на все сто процентов! Я хочу, чтобы работа с коллегами строилась, в первую очередь, на уважении друг к другу и соблюдении личных границ. Второе — это профессионализм. Не буду вдаваться в подробности, но скажу, что профессионализм проявляется для меня в отношении к своему делу.

— Что пожелаете читателям журнала и зрителям?

— Хочу пожелать всем здоровья, неугасаемой любви к искусству и веры. Я чувствую скорые перемены к лучшему в нашем деле, а интуиция меня никогда не подводила... □

Беседовала **Елена Воробьева**

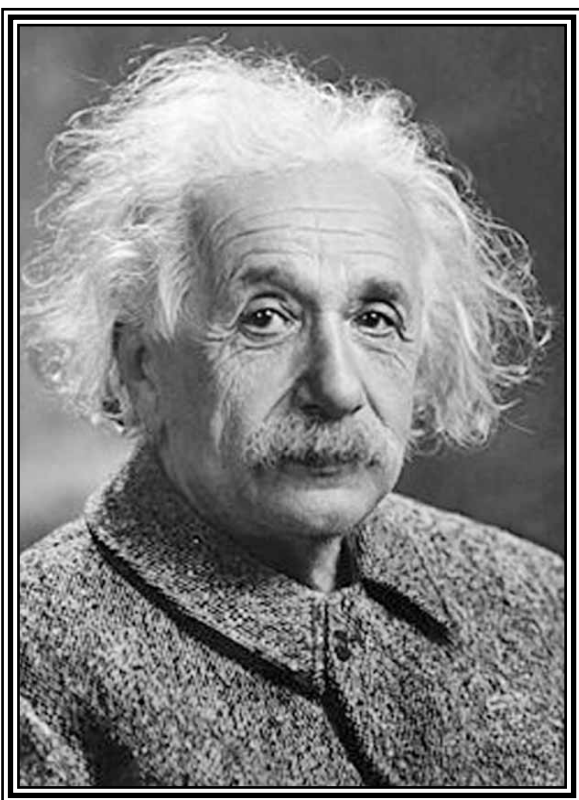

ПУТЬ ГЕНИЯ

Альберт Эйнштейн... Величайший физик XX века. Он вызывал благоговение у людей, имевших самое смутное представление о сути его открытий. В его честь называли младенцев, сигары, башни и телескопы. Эйнштейнием назван элемент № 99 в периодической таблице Менделеева, а его знаменитое уравнение $E = mc^2$ воспроизведено на футболках, кофейных кружках, почтовых марках и даже на монете достоинством 10 евро. Он был желанным гостем премьер-министров, президентов, королей и королев, выдающихся писателей, драматургов и актеров, а в личной жизни — человеком больших страстей, обуздать которые зачастую не мог, да и не хотел.

Альберт Эйнштейн появился на свет 14 марта 1879 года в маленьком городке Ульме в Швабии на юге Германии. Его родители — выходцы из семей евреев, занимавшихся торговлей и живших в близлежащих городках — сами себя считали в первую очередь немцами, а уже потом евреями. Они не были религиозны, не ходили в синагогу. Отец Эйнштейна гордился тем, что у себя дома не исполняет еврейских обрядов,

которые считал пережитками древних суеверий. Обладая математическими способностями, он мечтал поступить в университет, но вынужден был заняться торговлей. Поначалу занимался продажей перин, но затем вместе с братом, талантливым инженером, организовал фирму по производству и продаже электротехнических приборов. Мать Альберта, в отличие от мужа, мягкого, покладистого человека, была жен-

щиной волевой и властной. Впрочем, она разделяла его любовь к литературе и музыке, и в семье царил культ искусства.

Альберт родился далеко не красавцем. Вид младенца доставил фрау Эйнштейн немало беспокойства: голова была большой, а череп такой угловатый, что она даже подумала о врожденном уродстве. Ребенок настолько медленно учился говорить, что мать едва не сочла его умственно отсталым. Но по мере того как он рос, росла и гордость за него. Мать с самого начала добивалась, чтобы Альберт привык рассчитывать только на свои силы. В возрасте трех-четырёх лет ребенка заставляли без сопровождения путешествовать по самым оживленным улицам Мюнхена (семья переехала туда вскоре после рождения мальчика). Ему один раз показывали дорогу куда-либо, а потом он должен был проходить перекрестки и развилки самостоятельно, не зная о том, что за ним постоянно втайне наблюдают взрослые.

Фрау Эйнштейн была одаренной пианисткой. Альберт начал учиться играть на скрипке в пять лет, и у него сразу же обнаружились музыкальные способности. Однако, как он признавал сам, до двенадцати лет его достижения были чисто ученического свойства. В дальнейшем музыка стала для него духовной потребностью, а скрипка — необходимой спутницей жизни.

В семь лет Альберта отправили в начальную муниципальную школу.

Там его считали всего лишь умеренно способным, так как он очень медленно усваивал новую информацию. Поначалу он не блистал даже по арифметике, но постепенно его успехи становились все более заметными. В гимназии, куда он перешел, Альберт был уже отличником по математике, имел высокие баллы по латыни и греческому языку. Однако своим образованием в этот период он обязан не столько учителям, сколько брату и компаньону его отца. Именно дядя начал обучать мальчика геометрии и алгебре, причем последнюю подавал, как увлекательную игру: «Шла охота за зверем X, чья порода была неизвестна...»

Здесь будет уместным сказать, что в ответ на подчеркнутое безверие родителей лет в десять Альберт увлекся религией предков. Он фанатично изучал Священное Писание, даже сочинил гимн во славу Господа, постоянно цитируя который, досаждал близким и превратился в настоящего ортодокса — единственный в семье отказывался есть свинину. Однако, в то же время, под влиянием чтения научно-популярной литературы в его сознании начал происходить кардинальный переворот. Он пришел к заключению, что многое из написанного в Библии «не могло происходить в действительности». «В результате, — вспоминал Эйнштейн, — у меня стало расти сомнение в любых авторитетах ... Отношение, которое никогда уже меня не покидало».

Между тем дела отцовской фирмы шли все хуже, и было решено переехать в Италию, где, как предполагалось, конкуренция значительно меньше. Пятнадцатилетнего Альберта брать с собой не стали, чтобы он мог закончить учебу в гимназии. Но этим планам не суждено было осуществиться. Юноша тяжело переносил разлуку с семьей. Угнетала его и обстановка, царившая в гимназии — бессмысленная зубрежка и муштра в прусском духе. Пугала и перспектива военной службы, обязательной для всех немецких мужчин, достигших семнадцати лет. За полтора года до выпускных экзаменов, добыв справку, что страдает нервным расстройством, Альберт оставил гимназию и поспешил в Италию.

Он был полон желанием продолжить образование. Родители считали, что лучше всего для этого подходит Швейцария, в частности, Цюрихский политехнический институт. Альберта увлекали теоретические аспекты математики и физики (его подготовка по этим предметам благодаря самостоятельным занятиям была уже достаточно фундаментальной). Однако отец требовал, чтобы он выкинул из головы этот «философский вздор» и получил полезную практическую профессию, к примеру, инженера-электрика. Скрепя сердце, Альберт согласился. Но профессия, которую избрали для него родители, до такой степени ему не нравилась, что он практически не готовился к экзаменам по предметам, которые

его не интересовали. Соответственно, их он сдал едва ли не хуже всех абитуриентов, зато блеснул по математике и другим точным наукам. Тем не менее, в институт его не взяли. Следуя совету одного из профессоров, Альберт поступил в старший класс кантональной школы городка Аарау, и на следующий год его без экзаменов приняли в политехнический институт.

Странным студентом оказался этот Альберт Эйнштейн. Он был злостным прогульщиком и при этом большую часть своего времени посвящал самостоятельному изучению работ известных физиков-теоретиков. Ему хватало пары месяцев перед экзаменами, чтобы, пользуясь конспектами приятеля, разобрать или освежить в памяти основы того, что им читали. Оценки Эйнштейн получал посредственные и на своих профессоров производил достаточно неблагоприятное впечатление из-за частых пропусков занятий, самодовольства и неучтивости. В свободное время он любил посидеть с друзьями в кафе или ходил с ними на парусной лодке по Цюрихскому озеру. Это занятие так и осталось для Эйнштейна одним из любимых способов времяпрепровождения.

В студенческие годы Альберт научился быть любезным и приятным в общении с женщинами. Он был наделен тем типом мужской красоты, который особенно ценился в конце XIX века. Ростом в 168 см, с правильными чертами лица, густой гри-

вой черных как смоль волос, чуть фатовскими усами и теплым взглядом карих глаз он, несмотря на свое равнодушие ко всем видам физических упражнений (за исключением парусного спорта), выглядел человеком достаточно физически развитым, как в молодости, так и в зрелые годы.

Во время первого же зимнего семестра Альберт познакомился с единственной девушкой на их факультете, Милевой Марич, сербкой из югославской провинции Воеводина. Милева была невысокого роста и отличалась застенчивостью (с самого детства ее угнетало то, что она прихрамывала на левую ногу). Вскоре их дружеские отношения переросли в романтические. Привязанность Эйнштейна к маленькой и не очень красивой девушке удивляла его знакомых. Молодой человек с его внешностью и умом без труда мог одерживать победы куда более впечатляющие. Уже в зрелые годы Эйнштейн уничижительно отзывался о внешности и характере Милевы, но в молодости недостатков

Эйнштейн с первой женой Милевой Марич

в ней он не замечал. Милева, как и он, обожала музыку, неплохо пела. Она была на три с половиной года старше Эйнштейна и реально служила ему опорой в борьбе с бытовыми трудностями, что он очень ценил. В его письмах постоянно встречаются восхищенные отзывы об ее «умелых руках» и о том, с какой радостью она «хлопотала, как наседка», устраивая его быт. Милева заставляла Альберта регулярно питаться (она, кстати, прекрасно готовила), подсказывала, как ему спланировать свой скромный бюджет. Он был полон желания назвать Милеву своей женой, но это решение встретило ожесточенное сопротивление со стороны его родителей. Сильнее всего их пугало то, что у Милевы было слабое здоровье, а против воли родителей Альберт идти не хотел.

В 1900 году Эйнштейн окончил институт, а годом позже получил швейцарское гражданство. А уже весной следующего года Милева обнаружила, что беременна. Выпускные экзамены она провалила. Молодые люди решили, что лучше всего ей на время вернуться в родительский дом в Сербию. Там в феврале 1902 года у нее родилась дочь, которую она назвала Лизерль. Альберт писал Милеве теплые пись-

ма, демонстрируя свои отцовские чувства, однако нет никаких данных в пользу того, что он хоть раз видел дочь. Более того, существование Лизерль осталось тайной для самых близких его друзей. Вскоре Милева вернулась в Швейцарию, оставив дочь в Сербии. Впоследствии следы девочки затерялись — возможно, она умерла, а может, была отдана в какую-то семью для удочерения. Большая часть писем, где есть упоминание о ней, было уничтожено. О существовании Лизерль стало известно лишь спустя тридцать лет после смерти ученого, когда публикаторы «Наследия Эйнштейна» обнаружили несколько уцелевших писем из его переписки с Милевой. Почему Эйнштейн молчал? Скорее всего, получив швейцарское гражданство, он опасался, что такое пятно на репутации, как незаконный ребенок, помешает ему добиться успеха и признания на государственной службе. Он надеялся занять какую-нибудь академическую должность, например, ассистента профессора в своем институте, но поскольку его репутация как студента не была высокой, никто из профессоров не проявил к нему интереса. Не увенчались успехом и его попытки получить работу в научных центрах Германии, Италии и Австрии. Некоторое время он учительствовал, давая уроки физики и математики.

Летом 1902 года один из друзей Альберта помог ему получить место служащего в Федеральном патент-

ном бюро. Его задачей было выявлять, что именно является уникальным в каждом из предложенных к патентованию изобретений. Эйнштейн вскоре обнаружил, что работа в бюро не отнимает много сил, и что после рабочего дня у него еще остается время и не пропадает вкус к научным исследованиям. Иногда ему даже удавалось заняться своими изысканиями на рабочем месте, пряча записи каждый раз, когда в комнату входил начальник.

Осенью скончался отец Альберта. На смертном одре он наконец-то дал согласие на брак сына с Милевой. Церемония состоялась в бернской ратуше 6 января 1903 года. А в мае следующего года у Эйнштейнов родился сын, названный Гансом-Альбертом.

На самого же Эйнштейна в это время словно снизошло озарение, положившее начало бурному всплеску творческой активности. Он работал как одержимый, переживая периоды потрясающей мыслительной активности, которые нередко приводили в замешательство его самого, так как результатом их явились гениальные прозрения. Им было подготовлено пять работ, которые в разной степени повлияли на развитие физики. Во-первых, это описание светового излучения как потока квантов света (позднее названных фотонами) и объяснение фотоэлектрического эффекта. Этот труд в 1922 году был удостоен Нобелевской премии. Во-вторых, определение размера молекул, работа, ко-

торая должна была убедить многочисленных скептиков в том, что атомы и молекулы — реальность, а не фикция. В третьих, теория броуновского движения. Благодаря четвертой работе Эйнштейн стяжал себе лавры создателя теории относительности, а пятая получила известность из-за знаменитой формулы $E = mc^2$, где E — энергия, m — масса, а c — скорость света. Эйнштейн назвал эту формулу самым важным следствием своей теории относительности, а изобретение атомной бомбы стало самым впечатляющим доказательством правоты этих слов.

Все эти статьи Эйнштейна отнюдь не вызвали бурной реакции в научном мире. По свидетельству выдающегося физика Макса Планка, сторонники теории относительности составляли «весьма незначительное меньшинство ученых». Только в 1908 году Эйнштейн получил свою первую академическую должность, став приват-доцентом в Бернском университете. Впрочем, постепенно его известность росла, и в 1909 году он получил место профессора в Цюрихском университете и оставил патентное бюро.

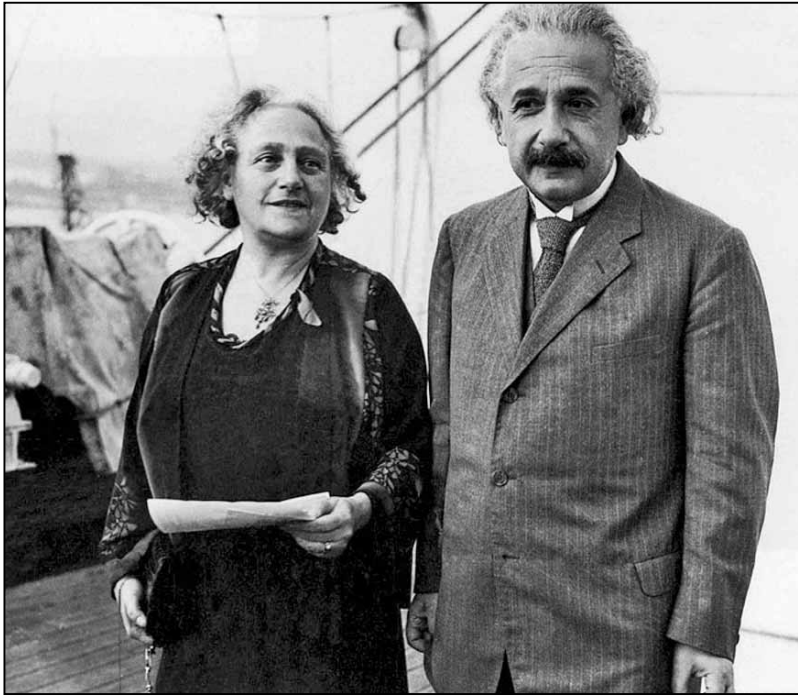
Именно в это время начало меняться его отношение к Милеве. Толчком к этому стал скандал, который она устроила, случайно перехватив довольно теплое письмо, направленное ему его старинной приятельницей. Милева вообще была очень эмоциональным человеком, и это послание вызвало у нее ревность. Раз-

умеется, эта почти патологическая ревность была прямым следствием ее безграничной слепой преданности Эйнштейну, которую в начале их отношений он так ценил. Однако теперь ее собственнические чувства стали казаться ему все более удушающими.

Летом 1910 года у них родился второй сын, которого назвали Эдуардом. Эйнштейн обожал сыновей. Когда Милева была занята, он откладывал в сторону свою работу и часами нянчил их, рассказывал сказки или играл на скрипке, чтобы успокоить. И все же появление на свет Эдуарда не улучшило его отношений с женой. Супруги все больше отдалялись друг от друга.

Со временем семейство Эйнштейнов переехало в Прагу, а затем в Берлин, где Альберт стал директором Института физики имени кайзера Вильгельма и профессором Гумбольдтского института.

В его личной жизни назревали серьезные перемены. Он искал тепла и нежности и нашел их у своей двоюродной сестры Эльзы. Альберт встретил ее еще во время своего приезда в Берлин весной 1912 года (он тогда жил в Праге). Взаимная симпатия между ними возникла почти мгновенно, и понятно, что Эйнштейн, в конце концов, заговорил о своей неудачной семейной жизни. После его отъезда между ними началась тайная переписка, продолжавшаяся два года. Чтобы не возбудить подозрений у Милевы, Эльза

Эйнштейн со второй женой Эльзой

писала Альберту на служебный, а не на домашний адрес. Письма Эйнштейна были полны яростных нападок на Милеву. Можно сказать, что их брак фактически распался. В 1914 году на летние каникулы Милева уехала с сыновьями в Цюрих. К мужу она уже не вернулась. В феврале 1916 года Эйнштейн обратился к Милеве с предложением подать на развод. Его отношения с Эльзой были уже, по существу, отношениями мужа и жены. Через три года развод состоялся, и Эйнштейн с Эльзой смогли официально зарегистрировать свой брак.

Этому предшествовали важные события в жизни Эйнштейна-ученого. В течение уже почти десяти лет он пытался расширить теорию относительности, включив в нее гравитацию. Постепенно новая теория, получившая название общей теории относительности, в отличие от специальной теории, сформулированной еще в 1905 году, обрела законченные контуры. Это означало, что Эйнштейн открыл новые фундаментальные законы, позволяющие объяснить устройство Вселен-

ной лучше, чем удавалось до него. Общая теория относительности сделала Эйнштейна триумфатором, но, вместо того чтобы дать себе отдых, он написал 10 научных статей и книгу по теории относительности, рассчитанную на широкого читателя.

Физическое и нервное перенапряжение оказалось чрезмерным даже для выносливого организма Эйнштейна. Его мучили сильнейшие боли во всем теле, за два месяца он потерял в весе двадцать килограммов. Сначала он боялся, что у него рак, но врачи диагностировали желчно-каменную болезнь. Со временем диагноз пересмотрели в пользу язвы желудка, однако прошло несколько лет, прежде чем ученый полностью поправился.

Во время болезни Эйнштейн еще сильнее сблизился с Элизой, окружившей его поистине материнской заботой. Он, однако, не забывал и свою первую семью. Став нобелевским лауреатом в ноябре 1922 года, он пере-

слал полученные деньги Милеве. Причем это осталось тайной даже для его ближайших друзей.

Именно в это время Эйнштейн стал настоящей мировой знаменитостью. Он вызывал благоговение у людей, имевших самое смутное представление о сути его открытий. Средства массовой информации создали ему имидж мудреца и оракула, и теперь его внимания домогался весь мир.

По иронии судьбы как раз в это время его научная продуктивность резко упала. После Первой мировой войны он взялся за общую теорию поля, собираясь вывести набор уравнений, описывающих одновременно и гравитационные, и электромагнитные поля. Эта теория разрешила бы все загадки мироздания. Последовали годы напряженной работы, но его научная интуиция уже не была такой острой, как прежде. Стремление Эйнштейна во что бы то ни стало идти своим путем, которое в прошлом увенчалось таким блистательным успехом, теперь заводило его в тупик. Даже в наши дни те, кто отдает должное героической попытке Эйнштейна найти общие законы, описывающие Вселенную, удивляются донкихотству его методов.

Утрату лидирующего положения в науке Эйнштейн компенсировал для себя тем, что все активнее участвовал в общественной жизни. Он отправился в лекционное турне по Америке, чтобы собрать средства для еврейского университета в Па-

лестине. Два года спустя посетил Палестину и стал первым почетным гражданином Тель-Авива. А еще выступал в поддержку Советской России и даже помог основать организацию под названием «Ассоциация друзей новой России».

А вот отношения между Эйнштейном и его женой в тот период были достаточно напряженными. В семье часто случались скандалы, даже разговоры о том, чтобы разъехаться. Причина конфликтов была всегда одна и та же — женщин влекло к прославленному на весь мир ученому, как стальные стружки к магниту. У него завязывались отношения с поклонницами, иногда кратковременные, очень редко — близкие, но неизменно уязвлявшие гордость его жены. Эйнштейн провоцировал у Эльзы такие же приступы ревности, за которые когда-то порицал Милеву. Ну а как, к примеру, еще могла реагировать Эльза, если однажды после прогулки на яхте Эйнштейн забыл там кое-какие свои вещи, и среди одежды, любезно принесенной одним из приятелей Альберта, Эльза обнаружила очень открытый женский купальник?

Многие считали, что отношения Эйнштейна с женщинами были почти всегда платоническими, но Эльза вовсе не могла быть уверена, что это можно сказать обо всех связях мужа.

Между тем над Германией все больше сгущались грозовые тучи. После прихода к власти нацистов

Эйнштейн понял, что его дни на родине сочтены, и мысли об эмиграции все чаще стали посещать его. Америка была готова принять ученого с распростертыми объятиями. Эйнштейн и Эльза провели в Калифорнии зиму 1930–31 года. В декабре 1932-го они снова отправились в Штаты, не предполагая там оставаться. Но вернуться в Германию им было уже не суждено.

Альберт с женой поселились в Принстоне, тихом университетском городке. Он подписал договор с Институтом фундаментальных исследований и с прежним упорством стремился создать единую теорию поля, но, увы, все больше терял точки соприкосновения с современными исследованиями, признаваясь, что коллеги считают его скорее реликтом, чем работающим физиком. Тем не менее, его авторитет в научном мире и в глазах широкой публики оставался незыблемым. Очевидцы рассказывали, какая благоговейная тишина воцарялась в аудитории, когда в ней появлялся Эйнштейн. Его знали даже дети, с которыми он, кстати, всегда умел ладить. Одна восьмилетняя девочка даже предложила ему ириску за то, чтобы он сделал ей домашнее задание. Он вежливо отказался, но угостил ее печеньем, чтобы она не расстраивалась.

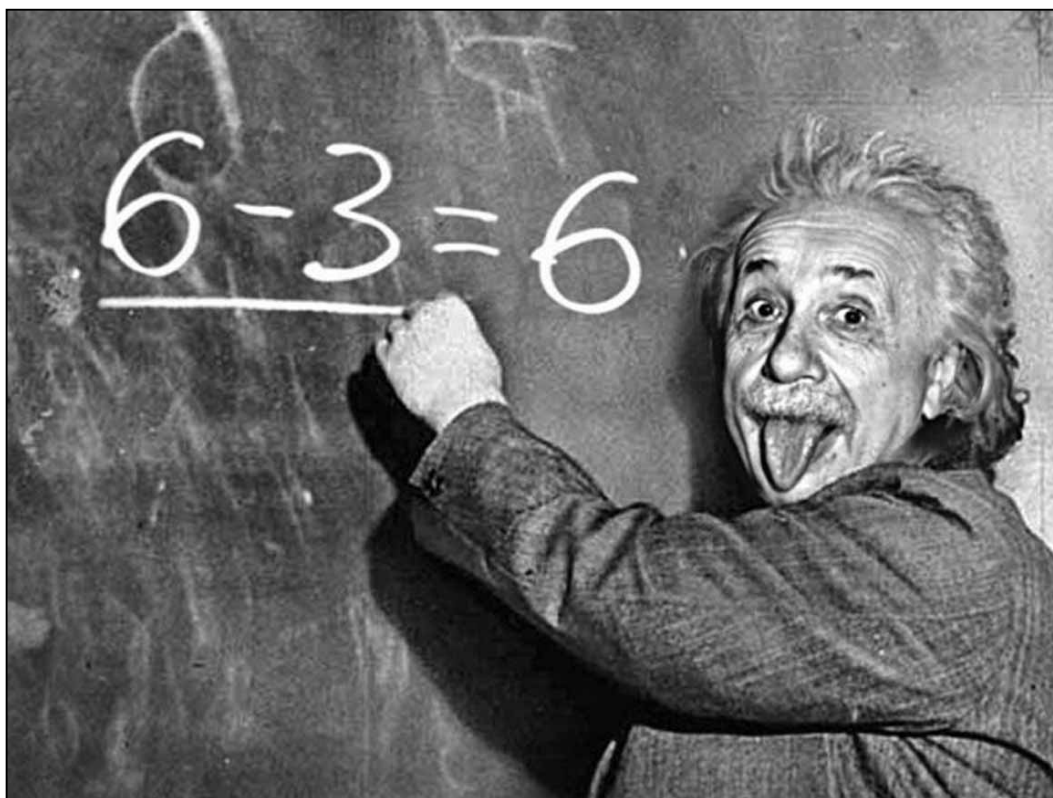
В 1936 году Эйнштейн похоронил жену. Он по-прежнему пользовался успехом у прекрасных дам и в 1941 году познакомился с супругой знаменитого русского скульптора Сер-

гея Коненкова Маргаритой. В годы войны она была исполнительным секретарем американского общества помощи России, и, как стало известно только полвека спустя, агентом НКВД. Она сблизилась с великим физиком по заданию советской разведки, но судя по всему, испытывала к нему искреннее чувство. Ей, однако, не удалось получить у Эйнштейна сведения об американских военных проектах, поскольку он их не знал.

Действительно, Эйнштейн не принимал непосредственного участия в создании атомной бомбы и был в стороне от технической части программы. Тем не менее, он чувствовал себя ответственным за создание атомного оружия в США, так как работы в этом направлении активизировались после его письма президенту Рузвельту о применении ядерной энергии в военных целях. Не следует переоценивать значение этого письма, очевидно, что голоса менее прославленных людей сыграли куда большую роль в создании атомной бомбы. И все же в дальнейшем Эйнштейн не раз высказывал сожаление, что хоть в какой-то мере оказался причастен к разрушению Хиросимы и Нагасаки.

Интерес публики к Эйнштейну не шел на убыль. Этому способствовала его вовлеченность в политику, которой он активно занимался после Второй мировой войны: выступал с многочисленными мирными инициативами, не уставал осуждать

холодную войну, призывал к улучшению отношений с Советским Союзом.

Осенью 1948 года ученый оказался в больнице с подозрением на рак желудка. В ходе операции оказалось, что он страдает аневризмой брюшного отдела аорты, и эта аневризма увеличивается из-за давления крови на утратившую эластичность стенку сосуда. С этого времени Эйнштейн жил под угрозой висящего над ним дамоклова меча. 12 апреля 1955 года он последний раз вошел в свой кабинет в Институте фундаментальных исследований. На следующий день, находясь в ванной, потерял сознание, и врачи пришли к заключению, что появившееся кровотечение можно остановить хирургически путем. Выслушав

их мнение, Эйнштейн заявил, что считает продление жизни искусственным путем дурным тоном. «Я хочу уйти тогда, когда захочу ... и сделать это элегантно».

Несмотря на сильные боли, продолжавшиеся несколько суток, он не оставлял работу. Альберт Эйнштейн скончался 18 апреля в принстонском госпитале. Ему было 76 лет.

В тот же день тело перевезли в крематорий Юинг, находящийся в Трентоне. Там двенадцать самых близких ему людей провели короткую траурную церемонию, потом тело великого ученого сожгли, а пепел развеяли по земле. Место, где это произошло, до сих пор держат в тайне, чтобы его не посещали толпы паломников. Известно только, что оно находится у какой-то реки... □

Ева Волочан-Фортунина

Смотритель маяка

Один из старейших маяков Крыма изменил мою судьбу.

Помню... Как он встречал суда зеленым проблесковым светом, и смотритель разрешал мне подниматься по винтовой лестнице в световую камеру. Кажется, она была белой.

Ай-Тодорский маяк был волшебным. Я ощущала тонкую старинную магию кончиками пальцев, которыми скользила по резным деревянным перилам дома-музея.

Сам маяк располагался ровно там, где когда-то светила кораблям башня древних греков. Деревянный двухэтажный домишко со скрипучими половицами некогда был жилищем семьи смотрителей, но из него сделали морской музей. Работникам маяка выстроили дом из камня, в котором они годами сдавали нашей семье комнаты на время отпусков.

Помню... Лето перед четвертым классом.

Мы провожаем солнце на террасе. Под вино и умные разговоры. С высоты восьмидесяти семи метров я смотрю, как солнце плюхается в зеленые волны... У мамы тогда были золотые локоны, у папы — густые усы, у бабушки — пока еще не седая борода. Моя тетя, непослушный подросток, носила бандану и вечно была в кого-то влюблена.

Помню... Папа спросил: «Хочешь встретить рассвет?»

В пять утра меня поднял, мол, договор дороже денег. А я готова была к черту послать этот рассвет! Сонными глазами таращилась какое-то время на желтеющий горизонт и решила: «Не, закаты лучше!»

Помню... Всюду были расставлены якоря! Черные, тяжеленные, оплетенные цепями.

Помню... Греческое кладбище детей. Вместо надгробий в земле лежали маленькие амфоры. Тысячелетние сосны отбрасывали на амфоры тени. Мы спускались к морю через роццу, потом по скользким отвесным берегам. Пахло можжевельником. Мама накупила деревянных браслетов, чтобы ее тонкие запястья круглый год пахли можжевельником.

Помню... Мамины истории, вернее, не ее, а сказочника Грина. Я мечтала убежать по волнам, сама смастерить корабль с алыми парусами, научиться летать... А еще решила: когда-нибудь тоже попробую написать историю. Пронзительно-печальную, волшебную и мудрую сказку о старинном маяке на вершине мыса. Пусть в ней будут зритель, красивая женщина с золотыми локонами, мужчина с усами и мечтательная девочка, которую манит неизведанное. А еще тень... Тень неотвратимого. Что-то проскальзывало во взглядах родителей, что-то скрывалось в их словах и жестах. Это «что-то» все ломало, крушило, уничтожало. Я это «что-то» чувствовала. Но не понимала.

А, собственно, чем этот маяк изменил мою жизнь? Хотя не только мою. Разве уже не ясно? На этом маяке кое-кто очень близкий мне встретил роковую любовь.

Этот кто-то носил можжевеловые браслеты и заправлял за острое ухо пшеничного цвета локоны.. Этот кто-то всегда смеялся по-детски заразительно, а взглядом сковывал по-женски хищным. Мама казалась мне невозможно красивой. Она смущалась своего длинного носа и, когда мы шли загорать, всегда накрывала его кусочком бумаги, закрепляя дужкой темных очков, отчего ее ненавистный нос казался еще массивнее. Прогуливаясь по набережной в летящем платье в белый горох, она придерживала тонкой рукой соломенную шляпку, а под мышкой всегда сжимала какой-нибудь томик с экслибрисом дедовской библиотеки в виде грифона. И в шторм, и в штиль мама постоянно смотрела вдаль с надеждой на чудо. Но алые паруса так и не замаячили на горизонте.

Папа был умен, строг и носил усы. Все умные и достойные мужчины усаты. Так я считала, пока не встретила лохматую первую любовь с дипломом магистра, но в стоптанных кедах. Папа был маминым преподавателем в университете. С ним она работала над дипломом о единстве ощущения времени в произведениях Лондона, Пруста и Грина. До моей безумной мамы никто не задумывался о том, что общего в творчестве таких разных писателей. Анализировать время? Какое значение имеет время в литературе? А в жизни? Выходит, ключевое....

— Поженимся? — спросил он буднично.

Я в этот момент наливала кофе в чашку, и моя рука, дрогнув, оставила на полосатой скатерти темные, уродливые пятна.

— Черт! — Я стала тереть ткань губкой, чем только усугубила ситуацию. — Что ты сказал?!

— А что?

Он очень удивился моей реакции. Мы работали вместе и снимали квартиру уже больше трех лет. Он хотел взять совместную ипотеку. В его предложении был определенный смысл, как и в будничном тоне. Мы к этому шли. И пришли. Но я оказалась абсолютно не готова. У меня вдруг раз — и не нашлось ответа. Я искала его в логике, искала в сердце, в актуальном «так принято». Но ответ все равно не рождался! Тот нужный, единственно верный не нащупывался. Он не выглядел как «нет», но и до твердого «да» ему было далеко.

— И?! — нетерпеливо повторил он.

— Давай решим это после.

— После чего?!

— Моей поездки в Крым.

Вместо неуверенных «да» и «нет» идея съездить в места детства родилась мгновенно. Мне срочно нужно туда, где затерялось мое «да» или «нет». Туда, где один из старейших маяков Крыма изменил мою судьбу. Где он встречал суда зеленым проблесковым светом, и я ощущала тонкую старинную магию кончиками пальцев, которыми скользила по резным деревянным перилам дома-музея.

Существует ли время вообще? Для вас, для меня, для целого мира — возможно. Но не для этого места.

Я легко нашла в Интернете контакты тех, кто сдает комнаты. Сняла быстро. Пришлось взять самые дорогие апартаменты — почти восемьдесят пять метров с террасой.

Якорь чернел у кованых ворот маяка. Пахло хвоей. Пахло морем. Два лучших аромата. По кобальтовому небу плыли белоснежные лебеди облаков. В детстве я вскарабкивалась на этот якорь, и мама читала вслух «Золотую цепь». Как будто вновь слышу ее голос: «Если любовь велика, все должно умолкнуть, все другие соображения». Она так жила. Не экономя ни одного вдоха! Но я-то из иного теста. У меня нет усов, но я умна и строга, как отец. А еще холодна, как он.

Мама часто плакала. Помню, как мы ехали втроем в метро, мама отошла к двери, уперлась в нее спиной. Из-под солнечных очков текли слезы. Она считала, что отец слишком умен, слишком усат и слишком хладнокровен. Она же была — стихия. Небо, море, огонь — что угодно, кроме антарктических льдин.

Вот и терраса. Можно заварить кофе. Можно печенье, как в детстве, поставить на клетчатую скатерть и в хрустальную пиалу налить варенье. Можно закат встречать, и рассвет тоже можно. Мама встречала. Она ставила пластинку, та крутила слезливые песни, чтобы помочь ей грустить, а потом выходила в ночи на террасу с бокалом вина и думала, что ее никто не видит. Но я видела! И не я одна...

Папе пришлось по работе уехать из Крыма раньше. Мама провожала его со знакомыми мне слезами, со знакомыми ему страстными, болезненными поцелуями. И в ту же ночь я увидела, что на террасе она не одна. Сразу вспомнилось, как смотрел на маму смотритель маяка, когда она тонкой рукой придерживала шляпку; как развевалась ее юбка, когда мама сбегала по витой лестнице маяка; как она оглядывалась и дарила странную, но красивую улыбку кому-то, кому та не должна была принадлежать. Нет, мама, это для папы улыбка! И только для него! Во мне боролись любовь, ревность и верность. Мне казалось, как ни поступи, обязательно предашь одного из любимых родителей. В итоге я предала себя.

Смотритель был красив. Так все говорили. Но я не видела в его мускулистом загорелом теле, в иссушенном ветрами грубом лице ни капли привлекательности. Он был немолод, плечист и лыс, низкий лоб прорезали морщины. Носил черные очки с круглыми, модными тогда стеклами. Он снимал их лишь изредка — в основном, когда скручивался петлей в йоговской позе и поднимал сухой торс на могучих руках.

Смотритель был угрюм, но рядом с мамой его маленькие глаза загорались так же ярко, как ночные огни маяка. Он высматривал ее с балкончика, она всегда беспечно взмахивала рукой, а он в ответ лишь таращился. Как меня пугал его взгляд! Однажды мама споткнулась на винтовой лестнице, он подхватил ее под локоть и прижал к себе так крепко, что я испугалась — вдруг сломает ей руку. Он специально скидывал футболку, чтобы мы все видели, насколько он силен. Эта сила пугала не только меня, но и маму, поэтому она стала обходить маяк стороной. Как-то смотритель шел следом за нами до самого дома, который мы снимали. Мама тогда сказала: «Пошли, Алиса, я боюсь». Когда он обращался к ней, она замирала, бледнела, слова сыпались бессвязно. Она его боялась! Боялась!

Когда я увидела этих двоих на террасе в свете луны, мне показалось, что он вгрызается клыками в ее шею и лакает кровь. Мама отталкивала его, сопротивлялась.

— Мама! — закричала я, и он, отпрянув, ушел в тень. — Мама, давай уедем! Он же тебя убьет.

— Ты права, Алиса. Убьет!

...Годы шли, но счастье так в нашу семью и не вернулось. Смотритель вместе с поцелуем отравил маму ядом беспокойства. Каждый день играли печальные пластинки. Каждый день мама плакала. Иногда срывалась и подолгу гостила там, куда нам с папой было нельзя.

Перед моими выпускными экзаменами она оставила нам письмо и исчезла окончательно. Написала, что больна долгие годы и не в силах больше бороться с недугом. Она любит нас, но болезнь сильнее. Мама призналась, что уезжает к смотрителю маяка. Навсегда. И подписалась: «Ваша Фрези Грант».

Папа был слишком хладнокровен, чтобы впасть в бешенство, слишком благороден, чтобы силой возвращать ту, которая умчалась от него по волнам. Он чах долго и почти незаметно. Сердце его ржавело, пока в нем не образовалась дырка с кулак. Я рада только тому, что умер он, когда усы уже поседели.

А что же мое сердце? Оно так и осталось бутонем, ни разу настоящему не расцветшим. В свои тридцать три я так и не поняла, зачем слушать грустные песни и по ком-то плакать.

Может, поэтому у меня нет ответа на простой и, главное, долгожданный вопрос о свадьбе. Ведь все к этому шло. Я даже не задумывалась, что не скажу сразу «да».

Смотритель и меня отравил? Мечтой о любви, что уносит в пенное море...
И тут я увидела Его...

Смотритель стал ниже? Еще темнее? Поседали некогда густые брови? А по морщинам теперь можно учить счет?

Только взгляд... Я вздрогнула, сжалась, задрожали губы, пересохло во рту.

На меня смотрел дряхлый лев. Превозмогая смущение и ужас («Возьми себя в руки, Алиса! Ты взрослая женщина!»), я сказала:

— Вы, наверное, не помните меня.

— Помню, Алиса, — мелькнули в улыбке острые зубы.

Мы поднимались по скрипучей, давно не крашенной лестнице. Я споткнулась, и он придержал меня за локоть. Аккуратно, но в его руках по-прежнему оставалась сила.

На мостике мы провожали взглядами фрегаты облаков.

Я вдруг резко повернулась к нему и тихо проговорила:

— Я приехала увидеть ее.

Смотритель поднял поседевшие брови:

— Алиса, твоей мамы тут нет.

Он сказал, что много лет назад ему пришло от мамы письмо. Она как раз должна была приехать к нему навсегда. Мама писала, что просит про-

щения, но не может бросить семью. Она подписалась «Навсегда твоя Фрези Грант».

— Так она нам всем солгала?! Где же она?!

— По волнам убежала, — пожал плечами зритель и засмеялся.

— Как же так? Я ведь всегда думала, что мама, в отличие от меня, не может жить без любви!

— Твоя мама, дорогая Алиса, не могла жить без грез. Разве любовь — греза?

Все мигом обесценилось. Мигом перевернулось. Я мчалась в сумерках к гаснущему пляжу. От своей разрушенной мечты об истинной любви. Луну спрятали черные тучи.

Я забежала в темную воду. Волны бились о колени, брызги добирались до волос, словно щупальца. Я взывала к горизонту: «Мама! Мама, вернись! Или возьми меня с собой!»

Горизонт оставался глух.

Но за спиной послышался голос: «Алиса!» — голос моего мужчины.

И вдруг на темной воде нарисовалась зеленоватая дорожка.

Зритель включил маяк. Для меня?

Нет.

Он признался: после маминого исчезновения включает его, чтобы мама отыскала к нему дорогу... Скажете, красивая любовь? А как же та, которую приходится проживать каждый день; та, что теряется в горах грязной посуды и запахе изо рта по утрам; та, где вы оба покрываетесь морщинами и спорите по мелочам? Для любви настоящей, живой сердце нужно в три раза больше, чем для той, о которой пишут в книгах.

— Алиса! — Он снял с себя кофту, вытер мои волосы. Он приехал за мной. Он увидел меня в море, на зеленоватой тропинке огней маяка. — Алиса, куда же ты постоянно пытаешься от меня убежать?

— Больше никуда...

Один из старейших маяков Крыма изменил мою судьбу.

Он до сих пор встречает суда зеленоватым проблесковым светом. Но я никогда его больше не увижу. Никогда там больше не побываю. Пусть волшебство последнего лета живет в памяти и в этих строках: «Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов» (А. Грин «Бегущая по волнам»). □

Николай Блохин

О героическом подвиге сестры милосердия 105-го пехотного Оренбургского полка Риммы Ивановой, совершенном ею 9 (22) сентября 1915 года близ деревни Мокрая Дуброва под Пинском, русский художник Илья Репин узнал из «газетных передовиц».

В тот день русские солдаты, увидев, что командир 10-й роты и офицер убиты, вышли из строя и унтер-офицеры, а подразделение осталось без командного состава, дрогнули и начали отступать.

Римма, организовавшая перевязочный пункт непосредственно на передовой линии, не могла и в мыслях допустить, что враг ворвется в окопы и штыками прикончит беззащитных, беспомощных раненых. Девушка с красным крестом на груди и санитарной сумкой на боку поднялась из окопа и с криком: «Солдаты, за мной!» — повела в атаку оставшихся в живых солдат. Солдаты, бежавшие с позиций, остановились и повернули на запад.

В атаку поднялись и соседние 9-я и 11-я роты. Рванули вперед и раненые солдаты, которые могли держать винтовку в руках. Атака русских была настолько стремительной, что враг, не ожидавший такого напора, начал отступать и оставил первую линию укреплений. Солдаты продолжали наступление и, не дав врагу опомниться, взяли вторую линию укреплений. Но саму Римму в этот момент ранило осколком снаряда в живот. «Сестричку убило!» — этот крик вызвал у солдат еще большую озлобленность, и они смогли захватить уже третью линию укреплений.

Санитары, перевязав Римму, быстро понесли ее в перевязочный пункт. По пути девушка скончалась, успев прошептать: «Господи, спаси Россию». Подвиг «ставропольской девы», как окрестили Римму Иванову корреспонденты газет и журналов того времени, потряс тогда всю Россию.

Родилась Римма Михайловна Иванова 15 (27) июня 1894 года в Ставрополе. Отец ее, коллежский асессор Михаил Иванович Иванов, был уважаемым в городе человеком. Служил казначеем в консистории Ставропольской и Екатеринодарской епархии. «...за отлично-усердную службу и особые труды» его наградили орденом Св. Станислава 3-й степени и золотой медалью «За усердие» на Андреевской ленте.

Мать, Елена Никаноровна Иванова (до замужества Данышевская), вела домашнее хозяйство, помогала мужу в делах, занималась воспитанием детей — сына Владимира и дочери Риммы, готовила их к поступлению в гимназию. Отец и мать гордились успехами детей в учебе и мечтали дать им хорошее образование.

В Ставрополе было три гимназии — 1-я мужская классическая, две женских — Александровская и Ольгинская. Брат Володя учился в 1-й мужской гимназии. В Александровскую, женскую, принимали потомственных дворянок, а в Ольгинской учились девочки из семей мелких чиновников и мещан. Туда Римма и поступила. Именно ей суждено было прославить Ольгинскую гимназию и ее учителей на всю Россию. Правда, в советские времена чаще вспоминали других ее выпускниц. В частности, Ольгу Форш, которая в XX столетии стала известной писательницей, автором многочисленных исторических романов, повестей, рассказов и пьес.

По рассказам современников,

Римма была в числе лучших учениц класса. Но по-настоящему она отличалась от своих сверстниц не этим. Одноклассницы любили ее за веселый, общительный характер и отвагу. Вспоминали о происшествии, которое поразило весь город. За несколько дней до окончания гимназии учащаяся молодежь Ставрополя гуляла около озера в Архиерейском лесу. Римма в нарядном белом платье и модных туфельках тоже пришла к озеру. На мостках, устроенных для ныряния, один молодой человек неожиданно поскользнулся, упал в воду и стал тонуть. Всех охватила паника, не растерялась только Римма. Она бросилась в воду прямо в платье и туфельках и на глазах изумленной публики спасла утопающего.

Так впервые в жизни Римма спасла человека. А сколько раз потом на глазах однополчан она вытаскивала с поля боя раненых солдат, прапорщиков. Но сначала под свист пуль перевязывала им раны.

Не одно десятилетие исследователи, пишущие о короткой жизни Риммы Ивановой, размышляют о том, откуда в ней были такие скрытые силы. Возможно, от брата Владимира, который очень любил сестренку и был главным ее защитником. Тогда никто не мог предположить, что во время войны Владимир Михайлович Иванов добровольно отправится на фронт, станет полковым врачом, а Римма Иванова будет вытаскивать раненых с поля боя и нести их к нему в лазарет. Увы, когда сама она получит

серьезное ранение, он не успеет ее спасти, в чем будет раскаиваться всю свою жизнь.

После окончания гимназии Римма стала преподавать в земской школе села Петровского Благодаринского уезда Ставропольской губернии. Учительствовала она недолго, всего один учебный год. Девушка мечтала поехать в Москву и поступить на экономическое отделение Московского коммерческого института. А брат Володя связывал будущее сестренки с медициной, считал, что Римма могла бы стать хорошим хирургом.

Увы, учиться не пришлось, так как началась Первая мировая война.

России, а затем ее союзникам Англии и Франции.

В Ставрополь приходили тревожные вести. В те дни Римма прочитала в газетах Высочайший манифест об объявлении войны России с Австро-Венгрией, подписанный императором Николаем II. Вся страна была охвачена высоким патриотическим подъемом. По городам России, в том числе и в Ставрополе, прошли манифестации в поддержку сербских славян и армии.

Возвратившись как-то с одной из манифестаций, Римма заявила родителям, что решила записаться в действующую армию сестрой ми-

---

Н *е одно десятилетие исследователи, пишущие о короткой жизни Риммы Ивановой, размышляют о том, откуда в ней были такие скрытые силы. Возможно, от старшего брата Владимира, который очень любил ее и был всегда ее защитником. Тогда никто не мог предположить, что во время войны Владимир Иванов добровольно отправится на фронт, станет полковым врачом, а Римма будет вытаскивать раненых с поля боя и нести их к нему в лазарет. Увы, когда сама она получит серьезное ранение, он не успеет ее спасти, в чем будет раскаиваться всю свою жизнь*

Поводом послужило убийство в Загребе сербским националистом наследника престола Австро-Венгрии. При поддержке Германии Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии. Россия, будучи союзницей Сербии, объявила всеобщую мобилизацию. В ответ Германия объявила войну

лосердия. Уговоры родителей, что у нее нет медицинского образования, что девушке не место на фронте, не действовали на нее. Спор Риммы с родителями разрешился сам собой: на Всероссийском съезде председателей земских управ был создан Всероссийский земский союз по лечению больных и раненых воинов.

Император Николай II поддержал решение земского союза о повсеместной организации и оборудовании госпиталей.

В Ставрополе тоже был создан Губернский земский комитет помощи больным и раненым воинам. Под госпитали выделяли помещения учебных заведений. Особых средств для оборудования госпиталей у губернского земства, естественно, не было, поэтому повсеместно начался сбор пожертвований. Горожане несли постельное белье, посуду, мебель, кровати, домашнюю утварь. Служащие, учителя жертвовали отчисления от жалования на покупку медикаментов и перевязочных материалов. В храмах открыли места для кружечных сборов: кто копейку, кто две, кто гривенник.

Но была и другая проблема: для обслуживания заявленных койкомест в госпиталях требовался младший медицинский персонал, а его явно не хватало. Вскоре Ставрополь облетела новость, что Городская земская управа и Губернское управление общества Красного креста открывают краткосрочные курсы по подготовке сестер милосердия. На курсы записался 81 человек, и Римма была в числе первых слушательниц на занятиях, которые вели ведущие врачи Ставрополя. Курсистки изучали анатомию и физиологию человека, правила ухода за больными, аптечное дело. Квалифицированные врачи-практики читали лекции по хирургии, внутренним, заразным,

*Римма
Иванова*

нервным и душевным болезням. На практические занятия курсисток водили в больницы, военный госпиталь. Их готовили в первую очередь для работы в госпиталях Ставрополя и губернии, а не для фронта.

А тем временем из Ставрополя на фронт отправился Осетинский конный дивизион. Следом ушел и 83-й пехотный Самурский полк, который,

как потом рассказывали очевидцы, вступил в бой под Ивангородом прямо «с колес».

В ставропольском епархиальном училище открылся первый госпиталь. И в город пришел первый поезд с ранеными. Начались рабочие будни: обходы врача, назначения, перевязки, ассистирование, дежурства. В ноябре привезли раненых из Самурского полка. Римма слушала их рассказы о войне и думала о том, что ее место на фронте, что там она будет полезнее. В этом убеждали письма от выздоровевших раненых, которые приходили в Ставрополь на имя сестры милосердия Риммы Ивановой...

Шел третий месяц военных действий. Теперь в войну с Россией вступила Турция, и в Ставрополь стали привозить раненых уже с Кавказского фронта. Римма сутками дежурила в госпитале, но все мысли ее были там, на фронте. Несмотря на бесконечные уговоры родителей, она, наконец, отправилась на фронт после формирования в Ставрополе отряда сестер милосердия. В первый же день приезда Римму Иванову принял командир полка полковник К.А. Стефанович.

Родители были очень обеспокоены судьбой дочери, уговаривали ее в письмах вернуться домой. Римма успокаивала их, как могла. Она писала им: «Беспокоиться обо мне нечего, я — вне опасности. Наш полковой околоток, где я сейчас несую обязанности, находится всегда за линией

огня... К солдатскому костюму и коротким волосам я уже привыкла... Доехала благополучно. Немного переволновалась. Принял меня командир полка очень хорошо. «Коль есть охота, так, пожалуйста, работайте», — вот его слова. Доктор доволен моей работой и теперь все настаивает, чтобы я ехала учиться после войны в медицинский институт...»

Отмечая воинские заслуги Риммы Ивановой, командир полка Казимир Стефанович отмечал в донесении: «Неустанно, не покладая рук, работала она на самых передовых перевязочных пунктах, находясь всегда под губительным огнем противника, и, без сомнения, ею руководило одно горячее желание — прийти на помощь раненым защитникам Царя и Родины. Молитвы многих раненых несутся за ее здоровье к Всевышнему».

В письмах Риммы родителям был совершенно иной тон, ни слова о героических буднях и опасностях. В феврале она писала: «Несую обязанности фельдшера. Мое дело перевязка — и больше ничего. Правда, перевязочный пункт находится недалеко от позиции, но всегда в безопасности — в прикрытом месте. На меня не смотрят здесь, как на женщину, а видят сестру милосердия, заслуживающую большого уважения. Вчера мне было объявлено исполняющим обязанности временно командующего полком, что я буду представлена за дела 23–25 февраля к Георгиевской медали на Георгиевской ленте. Только, ради бога, никому ни сло-

ва. Обед у нас и солдатский очень вкусный... Вернусь к вам здоровая и удовлетворенная. Ведь как приятно сознавать, что в этом большом деле приносишь пользу. Молюсь Богу, чтобы он сохранил мое здоровье. Опасность далеко от меня, ее нет».

А в мартовском письме Римма попыталась объяснить родителям свой поступок: «Причины моего поступления в армию. Вот вам фраза солдатика: «Мы на нашу сестрицу надеемся, дай Бог ей здоровья, чтобы она с нами была». А почему? Потому что здесь

Из другого письма: «Господи, как хотелось бы, чтобы вы поуспокоились. Да пора бы уже. Вы должны радоваться, если любите меня, что мне удалось устроиться и работать там, где я хотела... Но ведь не для шутки это я сделала и не для собственного удовольствия, а для того, чтобы помочь. Да дайте же мне быть истинной сестрой милосердия. Дайте мне делать то, что хорошо и что нужно делать. Думайте, как хотите, но даю вам честное слово, что многое-многое отдала бы для того,

---

Р*имма была любимицей солдат и офицеров полка. К ней относились как к родной сестре, берегли ее и высоко ценили ее способности. Особенно восхищали сослуживцев ее смелость и отвага. Девушка появлялась в самых опасных местах, первой приходила на помощь раненым солдатам, для которых была вроде ангела-хранителя*

нужны руки, здесь нужна скорая помощь. В день приходит 120–130 человек в окоп. Не надо просить меня уйти. Не каприз же меня угнал сюда и здесь держит. Мне тяжело, что я принесла вам страдание. Но, милые мои, я не подвергаюсь опасности. Если вы вернете меня домой, то этим принесете мне большое лишение. Советую вам почаще поглядывать на тех, у которых близкие сидят в окопах с винтовками... Сейчас сижу в халупке в три окна, в комнатах стоят кровати. За столом сидят доктора и бабюшка, играют в преферанс. Скоро закусим и ляжем спать...»

чтобы облегчить страдания тех, которые проливают кровь. Но вы не беспокойтесь: наш перевязочный пункт не подвергается обстрелу... Мои хорошие! Если любите меня, то старайтесь делать так, как мне лучше, а ведь мне лучше так, как я хочу. Если желаете сделать своей дочери добро и счастливой, хоть более или менее, то молитесь Богу, чтобы исполнилось мое желание. Вот это и будет тогда истинная любовь ко мне. Жизнь вообще коротка, и надо прожить ее как можно полнее и лучше. Помогите, Господи! Молитесь за Россию и человечество».

Римма была любимицей солдат и офицеров полка. К ней относились как к сестре. Берегли ее и высоко ценили ее способности. Особенно восхищали сослуживцев ее смелость и отвага. Девушка появлялась в самых опасных местах, первой приходила на помощь раненым солдатам. Она была для них вроде ангела хранителя.

Однополчане вспоминали, как в боях с австро-венгерскими и германскими войсками в Карпатах Римма вынесла с поля боя раненого прапорщика Гаврилова. За его спасение она получила свою первую боевую награду — Георгиевскую медаль 4-й степени. Георгиевской медалью 3-й степени командование наградило Римму за спасение раненого прапорщика Соколова. Георгиевской медалью 2-й степени Римма была награждена за восстановление поврежденной линии связи. Всех этих наград девушка была удостоена за несколько месяцев воинской службы.

Полковник К.А. Стефанович в телеграмме командиру бригады писал: «...сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, в форме солдата-санитара, совершила с 83 Самурским пехотным полком тяжелый отступательный марш с боями от самых Карпат, находясь все время в первых ротах, самоотверженно, неустрашимо работая под огнем, за что была награждена тремя Георгиевскими медалями. По своем прибытии в 105 полк сестра милосердия Иванова с первых боев вы-

казала чудеса храбрости. Ни просьбы брата-врача, ни мои, ни офицеров полка побережь себя никакого не имели успеха. Каждый бой сестра Иванова уходила с передового перевязочного пункта в передовую линию боя...»

Но родители Риммы о ежедневных подвигах дочери ничего не знали.

В августе 1915 года Римма приехала в Ставрополь проведать тяжело заболевшего отца. Она дала ему слово, что переведется в 105-й пехотный Оренбургский полк, где полковым врачом служил ее старший брат Владимир Михайлович Иванов.

Последние письма родителям Римма написала с нового места службы: «Мои хорошие, милые мамуся и папка! Здесь хорошо мне. Люди здесь очень хорошие. Ко мне все относятся приветливо... Дай вам Господи здоровья. И ради нашего счастья не унывайте».

Оренбуржцы так же, как и самурцы, полюбили новую сестру милосердия, называли ее «святой Риммой».

А 9 (22) сентября 1915 года у села Мокрая Дуброва разгорелся ожесточенный бой. Немцы обрушили на передовые позиции 105-го пехотного Оренбургского полка шквальный огонь артиллерии. После артиллерийского обстрела пехота противника пошла в атаку. На глазах сослуживцев под пулями противника погибали солдаты, были убиты два офицера... Девушка едва успевала

перевязывать раненых. На какое-то время солдаты, оставшись без командиров, дрогнули. С криком «Солдаты, за мной!» Римма бросилась в атаку. За сестрой милосердия бежали все, кто способен был держать винтовку в руках, и враг был отброшен. Но радость солдат была омрачена смертельным ранением их медицинской сестрички..

О подвиге отважной девушки писали не только российские газеты

«Решительный протест» генерала рассматривали даже в штабквартире Международного комитета Красного Креста в Женеве.

Солдаты и офицеры 105-го пехотного Оренбургского полка оплакивали гибель Риммы Ивановой. По обряду ее отпели в церкви села Доброславка близ Пинска, а гроб с телом отправили на родину в Ставрополь. Сопровождал гроб полковой врач Владимир Михайлович Иванов, брат

*И. Репин.
«Сестра —
в атаку»*

и журналы. Публикации о ней появились в английских, немецких газетах. Германские газеты, в частности, опубликовали протест председателя Кайзеровского медицинского Красного Креста генерала Пфюля, который, ссылаясь на Конвенцию о нейтралитете медицинского персонала, заявил, что «сестрам милосердия не подобает на поле боя совершать под-

Риммы. Он же составил и медицинское заключение о ее смерти: «Сестра Римма убита в 9 часов вечера по взятии 3-й группы немецких окопов. Ранена в верхние части бедра с правого бока, с внутренней стороны, причем раздроблены кости и разнесены мускулы. Санитары принесли тело к церкви селения Доброславки, и здесь было омыто ее истерзан-

ное тело, одето в форменное платье с красным крестом на груди и руке, и положено в гроб».

О подвиге отважной сестры милосердия доложили командиру 31-го армейского корпуса генералу Мищенко. В ответной телефонограмме он писал: «Почту долгом ходатайствовать о награждении памяти ея орденом св. Георгия 4-й степени». Командир корпуса, командующий 3-й армией и командующий Юго-Западным фронтом поддержали ходатайство 105-го Оренбургского пехотного пол-

дия Р.М. Иванову к офицеру, ведущему роту в атаку», — писал доктор исторических наук Н.Д. Судавцов.

И Николай II сделал исключение из правил о статуте ордена, все-таки подписал именной Указ о награждении сестры милосердия Риммы (в Указе она ошибочно названа Миррой. — Н.Б.) Михайловны Ивановой орденом св. Георгия 4-й степени.

18 сентября (1 октября) 1915 года Петроградское телеграфное агентство направило в редакции российских газет и журналов официальное

О подвиге героини доложили императору. Ходатайство военных о награждении сестры милосердия Ивановой поставило его в затруднительное положение: Римма была не дворянского происхождения, у нее не было военного звания, она числилась добровольцем. Но он все же сделал исключение из правил о статусе ордена и подписал указ о награждении сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой орденом св. Георгия 4-й степени

ка о награждении Риммы Михайловны Ивановой орденом св. Георгия 4-й степени.

О подвиге героини доложили императору. Ходатайство военных о награждении сестры милосердия Р.М. Ивановой поставило императора в затруднительное положение. Римма не была офицером, не дворянского происхождения, у нее не было воинского звания, она числилась добровольцем. Но «командир полка приравнял... сестру милосер-

сообщение о подвиге сестры милосердия 105-го пехотного Оренбургского полка Риммы Михайловны Ивановой и о награждении ее офицерским орденом.

22 сентября (5 октября) 1915 года на имя губернатора Ставропольской губернии Б.М. Янушевича из действующей армии пришла телеграмма: «Государь Император 17 сентября соизволил почтить память покойной сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой орденом

св. Георгия 4-й степени. Сестра Иванова, невзирая на уговоры полкового врача, офицеров и солдат, всегда перевязывала раненых на передовой линии под страшным огнем, а 9 сентября, когда были убиты оба офицера 10-й роты 105-го Оренбургского полка, собрала к себе солдат и, бросившись вперед вместе с ними, взяла неприятельские окопы. Здесь она была смертельно ранена и скончалась, оплакиваемая офицерами и солдатами... Корпус с глубоким огорчением и соболезнованием свидетельствует уважение семье покойной, вырастившей героиню — сестру милосердия. О чем прошу сообщить родителям и родным, жительствующим на ул. Лермонтовская, 28. Командир 31-го армейского корпуса генерал-адъютант Мищенко».

Известие о гибели Риммы Ивановой потрясло весь Ставрополь. В городе в те годы проживало около пятидесяти тысяч жителей, и все практически знали друг друга. В дом по Лермонтовской, где жили родители, шли письма и телеграммы со всех концов России. На похороны Риммы Ивановой, как писали газеты того времени, вышел весь Ставрополь. Во главе похоронной процессии шли Ставропольский губернатор Бронислав Янушевич, преосвященный епископ Александровский Михаил, духовенство, представители городской думы, местного дворянства.

Как писала газета «Северо-Кавказский край», «редкое, небывалое в

Ставрополе торжество представляла собою процессия перенесения праха девушки-героини, Риммы Михайловны Ивановой, со станции Ставрополь в Андреевский храм, где уже уготовано ей место последнего упокоения... Шествие тронулось от вокзала в 8 часов утра, и гроб внесен был в Андреевский храм в 12 часов дня». На следующий день под оружейный салют ее похоронили на территории Андреевского подворья.

Известие о подвиге Риммы Ивановой застало Илью Репина под Петроградом, в усадьбе «Пенаты», как окрестил ее художник в честь римских богов-хранителей домашнего очага. Сюда, в «Пенаты», еженедельно съезжались на знаменитые «репинские среды» известные российские писатели, художники, композиторы. Они же привозили свежие газеты и журналы. Репин был в курсе новостей с фронта.

Однажды к нему приехал популярный журналист и писатель Владимир Гиляровский. В беседе с художником он рассказал о готовящемся к изданию его поэтическом сборнике, посвященном событиям войны, и попросил Илью Ефимовича поучаствовать в оформлении книги. Репин, как утверждают некоторые исследователи, согласился, не раздумывая. Вскоре он прислал Гиляровскому акварельный рисунок «Сестра — в атаку».

Книга Владимира Гиляровского «Грозный год» была издана в Москве

в 1916 году. Каждое стихотворение сопровождали рисунки художников того времени: А. Архипова, В. Бакшеева, А. Васнецова, С. Виноградова, А. Корина, К. Коровина, О. Малютина, С. Малютина, В. Нестерова, В. Переплетчикова, В. Поленова, А. Степанова, А. Щусева.

Акварель Ильи Репина «Сестра — в атаку» опубликована вместе со стихотворением Владимира Гиляровского «Великая годовщина». Но написано оно было еще до подвига Риммы Ивановой:

*Сегодня — год войны жестокой,
Досель неслыханной войны,
Из бездны дремлющей, глубокой,
Поднявшей мощь родной страны.*

*Те силы грозные, что спали,
Таясь в народной глубине,
Неудержимые восстали,
Подобно яростной волне.*

По воспоминаниям современников Ильи Репина, акварель «Сестра — в атаку», написанная по просьбе Владимира Гиляровского, не устроила художника. Специально для 44-й выставки Товарищества передвижных художественных выставок, которая открылась на Большой Никитской в Москве в декабре 1915 года, а затем в январе 1916 года переехала в Петроград, Илья Репин написал на холсте другой вариант картины. Сильно изменив композицию, художник дал картине и новое название «В атаку с сестрой».

«Мне довелось жить и учиться у Ильи Ефимовича Репина в Пенах, в Куоккала, в период с 1915 по 1918 г. (с перерывом 1917 г.)... В описываемый период Репин работал над картинами на современные темы Первой мировой войны. К моему приезду на мольберте в процессе работы была картина «Бельгийской король Альберт». Зимой 1915/16 г. И.Е. написал картину «Сестра Иванова ведет солдат в атаку». Для этой картины я приглашал к нам в мастерскую позировать солдат из взвода охраны железной дороги на станции Куоккала», — вспоминал спустя годы ректор Харьковского художественного института Антон Михайлович Комашка, один из учеников Ильи Репина.

Еще одно свидетельство работы Ильи Репина над картиной о подвиге Риммы Ивановой хранится непосредственно в Музее-усадьбе «Пенаты». Это этюд «Два солдата», на который обращают внимание посетителей научные сотрудники музея.

Сюжет довольно простой: одетые в серые шинели солдаты, один из них держит винтовку с примкнутым штыком, второй, полуобернувшись, бежит за ним. Этот этюд, как рассказывают научные сотрудники, никогда не покидал усадьбу «Пенаты» и нигде не публиковался.

По итогам 44-й выставки Товарищества передвижных художественных выставок его организаторы в том же 1916 году издали иллюстрированный каталог. Есть в этом каталоге

и репродукция картины Ильи Репина «В атаку с сестрой», которая вызвала неоднозначную оценку со стороны критиков.

О картине И. Репина критик Н. Радлов во втором номере журнала «Аполлон» за 1916 год писал резко отрицательно, как о работе «пошлой» и «грязно написанной».

«Биржевые ведомости» за 21 февраля 1916 года, напротив, поместили статью критика И. Ясинского, оправ-

не картина, а кошмар; но по существу своему она принадлежит к реальнейшим произведениям батального искусства последнего времени».

Картина Репину не давалась. Художник и сам понимал это. В книге «Дни моей жизни» Корней Чуковский вспоминал, как 30 апреля 1917 года побывал в гостях у художника: «...Илья Ефимович повел меня показывать свои картины. Много безвкусицы и дряблого, но не так плохо, как я ожи-

И. Репин. Акварельный рисунок «В атаку с сестрой»

дывавшего творческий прием Репина: «Разве мало, что картина Репина производит впечатление ужаса перед лицом смерти? Умирают люди и убивают, конечно, не так, как это делается на театральной сцене; им некогда думать о красивой позе; они измучены невероятными трудностями наступления, и обезображены их лица выражением мести и страшной решимости. Согласен — может быть,

дал. Он сам стыдится своей «Сестры, ведущей солдат в атаку», и говорит: «Приезжал ко мне один покупатель, да я его сам отговорил. Говорю ему: дрянь картина, не стоит покупать».

В 1917 году Репин, используя холст и масляные краски, написал третий вариант картины «В атаку с сестрой». Илья Ефимович практически полностью переписал ранее созданное произведение.

Этот последний, третий вариант картины «В атаку с сестрой» экспонировался в ноябре 1917 года в Петрограде на юбилейной выставке И.Е. Репина, открытой по случаю 45-летия творческой деятельности художника; в 1919-м в Стокгольме, на выставке работ И.Е. Репина, его сына от первого брака Юрия Ильича Репина и художника Василия Филипповича Леви, в 1921-м в Нью-Йорке, на персональной выставке И.Е. Репина.

Нам осталось выяснить, с кого Илья Ефимович писал героиню Первой мировой войны Римму Михайловну Иванову. К сожалению, у искусствоведов нет однозначного ответа на этот вопрос. Искусствовед из Ставрополя Станислав Кузнецов, автор статьи «О батальной картине И.Е. Репина», опубликованной в пер-

вом номере журнала «Русское искусство» за 2019 год, высказал предположение, что, скорее всего, художник использовал фотографии, публиковавшиеся в газетах и журналах того времени. Фотографию Риммы Ивановой с небольшой аннотацией публиковал в приложении журнал «Новое время».

До недавнего времени позабыли о картине И.Е. Репина «В атаку с сестрой». Вспомнили о ней в связи со 100-летием Первой мировой войны. По различным воспоминаниям, до конца тридцатых годов картина «В атаку с сестрой» оставалась в усадьбе «Пенаты». После «...зимней военной кампании за Карельский перешеек, — писала искусствовед Е.В. Кириллина в статье «У Репина в «Пенатах», — «Пенаты» оказались на территории СССР. Делами усадьбы занялась Российская академия художеств, ставшая правопреемницей Императорской академии художеств, которой когда-то были завещаны «Пена-

ты». Но открытый здесь музей уже через год пришлось эвакуировать. Картины и рисунки Репина, предметы обстановки и личные вещи провели в надежных подвалах старинного здания Академии на Васильевском острове все военные годы и всю блокаду».

Но, как оказалось, картины «В атаку с сестрой» среди этих предметов не было, и след ее затерялся. В 1951 году директор Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР, ранее работавший директором Государственной Третьяковской галереи, А.И. Замошкин побывал по служебной командировке в Швеции. Зайдя в один из магазинов Стокгольма по продаже произведений живописи, Александр Иванович увидел известную картину И.Е. Репина «В атаку с сестрой». Внимательно осмотрев полотно, он выяснил, что датировано оно 1917 годом, а не 1915 годом. О своей находке А.И. Замошкин рассказал читателям журнала «Искусство» в статье «Неопубликованные работы русских художников». Он предположил, что, скорее всего, наследники И.Е. Репина — его сын Юрий и дочь Вера от первого брака, жившие до ноября 1939 года в усадьбе «Пенаты», — вывезли картину в Хельсинки, а затем продали ее частному коллекционеру.

Как пишет Станислав Кузнецов, искусствовед из Ставрополя, кар-

тина выставлялась на аукционах не один раз. Так, в 1994 году владелец картины, пожелавший остаться неизвестным, представил ее на аукционе в Женеве, где она была куплена почти за 130 тысяч долларов. Затем картину выставляли на торги в 2004-м, но ее никто не купил. А в 2006 году она пошла с молотка за 120 тысяч долларов. Где сегодня находится картина? Поговаривают, что она может находиться в частном собрании, возможно, в Стокгольме, возможно, в Хельсинки.

Как-то, отвечая на вопрос о значимости той или иной работы художника, И.Е. Репин в письме музыкальному и художественному критику В.В. Стасову утверждал, что «общественное мнение... составляется не скоро и не сразу..., и приблизительно только в 50 лет вырабатывается окончательно приговор вещи». Похоже, что именно все так и случилось с картиной И.Е. Репина «В атаку с сестрой». И не только с картиной.

В Ставрополе вновь вспомнили о подвиге их землячки в 1994 году, в 100-летнюю годовщину со дня ее рождения. На здании бывшей Ольгинской женской гимназии установили мемориальную доску, напоминающую о славной дочери города. А в 2018 году в сквере установили памятник Римме Ивановой, совершившей подвиг, который так взволновал не только русского художника Илью Репина, но и всю Россию. □

Ирина Путяева

***

Мне тревожный сон приснится —
Я протру глаза.
Заблудилась в ресницах,
Как в лесу — слеза.
Кто подскажет,
Кто ответит,
Где судьбу найти?
Заиграет ночь на флейте
Млечного пути.
Позовет с утра к причастью
Звон колоколов.
Может, бродит наше счастье
В лабиринте снов.

***

Мы с тобою чувствуем друг друга,
Рядом, точно чашечки весов,
Точно стрелки, что идут по кругу
Нам с тобой отпущенных часов.
Точно свет далеких звезд струится
Магия идущих выше слов.
Предо мною стелятся страницы
Будущих, задуманных стихов.

Вижу вас из облаков

«Прекрасным вечером я еду в «Мерседесе».

«Мерсичек» — точно, как мечтала. Вызывающе красный, двухцветная кожа салона, акустическая система, разгон до ста километров в час за считанные секунды.

Но платеж — девяносто четыре тысячи в месяц. И сейчас ее любимчика, зависть всего двора, спортивный CLA-200, грузили на эвакуатор.

Вокруг соседи толпятся, языками чешут. С пятого этажа особо не разглядишь, но она не сомневалась: лица у всех злорадные.

И тринадцатый по счету айфон лежит молча. Лучший в мире мужчина (в списке мечтаний первый) уже пятый день не звонит. Зато от бухгалтерши десяток пропущенных. Поставщик ждет оплату, сотрудники хотят получку. А она — банкрот. Полный ноль на всех счетах. И нигде, даже под самую дикую ставку, кредит не дадут — месяц, как попала в чернейший из списков.

«Проси у Вселенной максимум», — учила ее Елена.

И она просила.

Куратор лично редактировала список желаний. Весело смеялась над школьной еще мечтой — открыть маленькое ателье.

«Те, кто ставит скромные цели, всегда будет считать копейки и бороться за выживание, — внушала наставница. — К черту швейную мастерскую. Дом моды! Верь в себя, тогда и другие поверят!»

И все ведь получилось. Было по-настоящему классно: собственный кабинет, секретарша в предбаннике, и на светфоре все головы в ее сторону.

Получить первый кредит оказалось несложно. И второй. И третий. Ну и пусть она должна сотни тысяч — все отобьется, когда дебютная коллекция прогремит.

И даже сейчас, когда прекрасное королевство рушилось, она ни о чем не жалела. Елена права: лучше промелькнуть яркой кометой, чем всю жизнь влачить жалкое существование. А дожить до старости и нищенствовать на пенсионные копейки — глупо и примитивно.

Эвакуатор с любимым «мерсиком» выехал со двора, зеваки разошлись. Она еще раз взглянула на телефон. Принц так и не позвонил.

Но он ведь был в ее жизни, так что все не зря.

Она открыла коробочку с таблетками, налила шампанского. Желание быть всегда молодой в ее списке тоже имелось, шло под номером восемь.

Сейчас сбудется и оно.

Встряхнула бокал и залпом выпила.

Официально присутствовать на тренировках родителям запрещалось, но кто хотел — пробирались. Пригибались, прятались за скамейками, по два-три часа сидели на холодном полу, подглядывали в щелку, грелись чаем из термоса.

Хоккей — спорт для мужчин, если по головке гладить, чемпиона не воспитаешь. Тренеры на детей постоянно орал. А если крик не помогал, горе-воспитатели проявляли изобретательность — так достучаться, чтобы провинившиеся надолго запомнили.

Месяц назад она впервые увидела «наказание по-тарасовски» — мальчишку поставили безо всякой вратарской защиты в ворота и метали в него шайбами, пока он не упал и не начал рыдать.

А сегодня и ее Юрочке прилетело — за то, что посмел три раза подряд не попасть в створ. Сначала получил от тренера клюшкой по руке, а дальше отправили ползать по-пластунски — по всему катку. Товарищи по команде с удовольствием хохотали. Родители в своем укрытии довольно громко перешептывались, что поделом, Юрка — увалень, давно его гнать пора.

Она сжалась в комок, прикусила губу до крови. Своих-то детей жалели, когда тренер бесчинствовал. Один папаша вообще психанул: выбежал на лед, тряс за грудки, обещал братков и прокуратуру. Но Юрочку беречь некому. Возила его няня, процессом не интересовалась, все тренировки просиживала в буфете.

И пусть сколько угодно говорят, что в спорте нельзя иначе, что характер воспитывается наказаниями, — до чего больно смотреть, как Юра, весь в ледяной крошке, ползет из последних сил, а тренер и остальные громко хохочут.

Наплевав на конспирацию, она встала в полный рост и выкрикнула: «Ну, вы и сволочи!» — и выбежала в слезах.

Сколько еще ей придется платить — за одну роковую, глупую, считай, детскую ошибку?..

Митя проснулся посреди ночи — а на него огромная луна смотрит, глаз прищурила. Мама говорила, что на самом деле это не глаз, а море, только заполнено не водой, а вулканической лавой. Но все равно страшно. Когда луна полная, мама всегда шторы плотно задергивала. Но теперь мамы нет, а тете Люсе все равно.

И пить хочется. На ужин были котлеты, ужасно соленые, даже папа жаловался, но тетя Люся отрезала: «Я здесь причем? Фарш такой».

Митя вспомнил, как мама вертела ручку мясорубки, добавляла потом всякое разное, соль сыпала аккуратненько, по щепоточке, и спросил:

— Вы разве не сами делали фарш?

— Сынок, помолчи, — попросил папа.

А тетя Люся сразу орать:

— Я что тебе тут, разносолы наворачивать буду? Не нравится — ходи голодный.

— Можно, я себе хлеба пожарю?

— Еще чего! Потом за тобой сковородку оттирать два часа?!

Папа скривился, но Митю поддержать даже не подумал.

— Не обращайтесь внимания. Переживает малец, — виновато обратился он к тетке Люсе.

— Да понимаю, конечно, — поджала губы соседка. — Но и мне обидно. Целый день крутишься, а только одни претензии. — Она обернулась к Мите и строго добавила: — Носиться с тобой теперь некому.

— Есть кому! — не выдержав, заплакал Митя. — Мама скоро поправится! Вернется! И все станет по-старому!

— Конечно, Митя, поправится, — успокаивающе проговорил папа лживым тоном.

А тетка Люська лишь молча усмехнулась.

Почему они все не верят? Мама молодая. Когда «скорая помощь» приехала, выглядела, будто задремала. И врач сказал: сердце бьется. Значит, все нормально будет.

Митя взял любимого мишку Тоби, крепко обнял его, с головой укрылся одеялом и зарыдал в полный голос. Мама бы давно прибежала, а вот папа из гостиной так и не появился, только телевизор погромче сделал.

Данг проснулась от плача ребенка. Два часа ночи. Села на кровати, прислушалась. Соседка по комнате посапывает, за стенками тишина. Девочки иногда засиживались, шумели — но не после субботы, когда клиентов сплошной поток, а в воскресенье еще больше будет. Да и рыдал именно малыш, а у них в общаге детей не имелось.

Значит, опять сон.

Злые люди на родине иногда называли ее мангкукулам, черной колдуньей. Но это они от зависти. На самом деле, Данг никогда с куклами вуду не баловалась, ни на кого злых заклятий не наводила. Но необычное в ней все же было — вещие сны видела, особенно в полнолуние. Мудрая бабушка советовала: никому про дар свой не рассказывать, а то ведь и камнями могут забить. Но трудно удержаться, если знаешь, что в твоих руках чья-то судьба.

До чего жалко мальчонку из сна! Она видела ребенка ярко, во всех деталях: худенький, бледный, слезы ручьем. И кто его мама, она тоже знала. Нельзя было равнодушно отвернуться. Оставишь ребенка в беде — навек себе карму испортишь.

Были времена, когда Таня Садовникова чуть ли ни все выходные проводила в спа-салонах. Любая новинка в Москве появится — сразу на себе спешила протестировать. Массажки самые причудливые, лазеры, водорослями обертывалась, на флоатинге расслаблялась, в капсулы красоты залезала.

Отчим Валерий Петрович над любимой падчерицей посмеивался:

— Будешь у меня самая ухоженная старушка в Москве.

Поначалу Таня вскипала, возмущалась: следить-то за собой надо, а стареть она вообще не собирается. Но с годами к бесконечному самоусовершенствованию она охладела. Лучше утренней пробежки и здорового сна все равно ничего не придумали. А если уж ходишь омолаживаться, то только к проверенным мастерам.

Взять хотя бы ее филиппинскую массажистку — Данг. Не больше минуты по спине проскользят легкие пальчики, и сразу нащупывает проблему. Забитый трицепс, слегка смещенный позвонок, воспаленная мышца. Но никакого насилия или болевых ощущений — разминает мягенько, осторожно.

И в общении приятная. Охота Тане поболтать — всегда поддержит беседу. Но если видит, что клиентка не в настроении, работает молча.

Садовникова ходила к своей любимой мастерице второй год. Как-то после массажа, расслабленная и одновременно возбужденная, она вздохнула:

— Ох, Данг, уедешь домой — что без тебя делать буду?

— Я здесь еще три года, мадам.

— Надо мне свой отпуск под твой подстроить.

— Не волнуйтесь, мадам. В отпуск я тоже не поеду. Все дни к вашим услугам. Только в четверг выходной.

— Данг, ты с ума сошла? Как можно работать четыре года без отпусков?!

— Я бы хотела и на пятый остаться, если контракт продлят.

— Ты что, одинокая?

— Нет, мадам. У меня есть сын. Дочь. Еще дочь. Школьники. Но мы с мужем хотим построить свой дом, а на Филиппинах это очень дорого, поэтому я вынуждена зарабатывать.

— Но дети вырастут без тебя!

— Мы каждый день общаемся по скайпу, я их вижу. Увы, другого выхода у меня все равно нет.

Таня внимательно взглянула на массажистку: на жалость, что ли, хочет пробить, чтобы чаевых в следующий раз больше оставили?

Но смуглое спокойное лицо выражало лишь смирение и полную покорность судьбе.

— А в Москве тебе нравится? — поинтересовалась Садовникова.

— Не знаю, мадам.

— То есть как?

— Я здесь ходила только в торговый центр и однажды в поликлинику.

— Даже на Красной площади не была?

— Я хотела, но испугалась заблудиться в вашем метро.

— Ну, нет, — решительно проговорила Таня. — Это уже перебор. Со следующего четверга начну тебя образовывать. Для начала покажу Кремль. И поужинать куда-нибудь в приличное место сходим.

Карие глаза сверкнули недоумением:

— Но, мадам! Зачем вам это надо? Свое собственное время на меня тратить?

— Не волнуйся, Данг, — рассмеялась Таня, — никаких черных помыслов я не держу. Банальное русское гостеприимство. Это же безобразие: второй год здесь живешь, а в Москве ничего не видела.

В ближайший четверг она ушла с работы пораньше. Подхватила у салона принаряженную Данг и повезла — сначала на Красную площадь, потом кормить — в «Доктора Живаго», тоже с видом на Кремль.

Филиппинка поначалу держалась скованно, но краеведческие рассказы слушала с интересом, а когда пельмени ресторанные попробовала, опешила:

— Мы вроде точно такие ели. Из пачки. Но они совсем другие на вкус.

— В России два вида пельменей. — объяснила Таня, — замороженные, в магазине, — это гадость. А в хорошем ресторане — произведение искусства.

— Они здесь просто удивительные, — похвалила Данг и вдруг, глубоко выдохнув, решительно произнесла:

— Мадам! Вам что-то нужно от меня?

— Господи, Данг! Да что с тебя взять?

— Я не верю, что вы привели меня в ресторан просто так.

— А ты поверь. Я поставила себя на твое место. Каково, когда все близкие за тридевять земель? Ты безвылазно или в салоне, или в общаге своей. Это же свихнуться можно. А у меня все равно вечер свободный.

— Мадам, вы очень добрая.

— Можешь меня Таней называть?

— Таня, — старательно повторила филиппинка, — приходите в следующий раз пораньше. Я буду стараться дополнительный массаж вам делать.

— Данг, да расслабься ты! Я не за выгоду — а от души. Скажи, ты на балете когда-нибудь была?

— Н-нет.

— В следующий раз обязательно сходим.

С тех пор минимум раз в месяц Таня свою массажистку вытаскивала просвещаться в Третьяковку, восторженно ахать в Большом театре, визжать на американских горках. Данг пыталась ей какие-то деньги совать, свою долю, но Татьяна спросила:

— Ты сколько в месяц получаешь?

Данг назвала цифру.

— Я — в пять раз больше, — пожала плечами Таня. — Детей нет, дом не строю. Так что не забивай себе голову. Ты ничего не должна. Мне просто приятно тебя порадовать.

— Хорошо, Таня. Я приму твое добро. Но, пожалуйста, больше никогда не оставляй мне чаевых. И когда я вернусь домой, на Филиппины, пообещай, что приедешь и будешь моим первым и самым почетным гостем.

— Договорились, — пообещала Садовникова.

В салоне никто про их дружбу не знал — общаться с клиентами в неформальной обстановке массажисткам запрещалось контрактом. Но те-

лефонами девушки обменялись. Таня взяла с Данг слово: если вдруг какая, не дай бог, беда, обязательно позвонить.

— Ты иностранка, язык не знаешь. Для тебя проблема неразрешимая, а мне — две секунды решить.

— Спасибо, Танья. Конечно.

Впрочем, Садовникова была уверена: гордая филиппинка и так тяготится, что за чужие деньги развлекается. Даже если с ней что приключится — беспокоить не станет.

Но Данг позвонила...

Клиентку по имени Женья (русскую букву «я» никто из девушек произносить не умел) дружно именовали inahin — что означало «курица». Вечно встрепанная, шарфик криво, без косметики, волосы в хвостик. И телефон во время сеанса не отключала. Отзывалась, правда, только на звонки сына (на него детская мелодия стояла). Отрывала от массажа собственное время, терпеливо слушала, давала указания. А однажды мальчика (лет шести-семи, по имени Митья) с собой в салон привела. В отличие от заполошной мамы ребенок был спокойный, одет аккуратно..

Женья (хоть и курица) Данг нравилась: благодарила искренне, чаевые оставляла не шибкие, но еще больше их ценишь, когда понимаешь, что клиентка не из богатых, деньги считает. Однако ходила четко раз в неделю: понимала, что с ее спиной меньше никак нельзя. Если случались форсмажоры — всегда отменяла заранее, извинялась. И вдруг в свою традиционную субботу просто не пришла и даже по телефону не предупредила. Данг сначала даже обрадовалась — появились у нее свободные минут десять, чтобы присесть, чайку глотнуть, прежде чем внепланового клиента подсунут, но потом забеспокоилась. А ночью массажистке приснился плачущий Женин сын Митя. Обнимает медвежонка потрепанного, зовет жалобно: «Мама, мамочка!» — но никто к малышу не подходит.

Данг проснулась, встала с постели, выглянула в окно. Луна полная, яркая. Значит, сон не случайный, в полнолуние пустое не видится. Что-то случилось с клиенткой, а ребенок без присмотра остался. Когда Женья с сыном по телефону болтала, вроде бы папа упоминался, но в ее сне к сыну он не подошел, не утешил.

«И что тебе до того? — спросила себя Данг. — Чужая страна, чужие женщина и ребенок. Но вдруг малыш вообще один в доме и не знает, как выйти?» Окружающую обстановку ей показали приблизительно, но точно не квартира — коттедж или дача. Обстановка скромная. На окне решетка. А если ребенок похищен?

До утра массажистка так и не заснула. Пришла на работу с больной головой. Администратор, к счастью, сегодня Любочка. Она добрая. Называет сотрудниц «девоньками», до кофе-машины допускает, и поболтать с ней можно.

Данг подошла к стойке и обратилась к Любе:

— Ко мне вчера клиентка не пришла. Хотя обычно очень аккуратно ходит. Можешь ей позвонить, спросить, что случилось?

Любочка в ответ только плечами пожала:

— Ну, не пришла — и не пришла. Что тебе до нее?

— Я для нее масло с лемонграссом берегу. Если ходить не будет, на других клиентов потрачу, — соврала Данг.

— Ладно. Позвоню.

Любочка нашла в компьютере номер, набрала, поставила на громкую связь. Длинные гудки.

— Ну, о'кей — вздохнула Данг. — Если Женья позвонит, передай, что жду ее всегда.

Весь день, пробегая мимо рецепции, она с надеждой взглядывала на Любочку, но та лишь отрицательно мотала головой.

И тогда Данг решилась. Выйдя на улицу, прошла пару кварталов, достала телефон и нажала на имя «Таня».

Немыслимо, конечно, звонить клиентке в воскресенье в одиннадцать вечера, но Данг почему-то была уверена, что Таня поймет и не станет сердиться.

Чем старше родители, тем несносней становятся, — жаловались подруги, а оптимистка Садовникова радовалась: ее родичи не лежачие, не в маразме, что уже хорошо. Их мелкие причуды можно пережить. Подумаешь, требует мамуля обязательного контрольного звонка в 23.00 — наберем, жалко, что ли. И олады раз в неделю вытерпим. Даже вечные разговоры про замужество и детей научилась выслушивать покорно, не взрываться в ответ.

С любимым отчимом Валерочкой еще проще — впрочем, как и всегда было. Тоже стареет, конечно, но хотя бы мозг, как мамочка, не выносит. Жаль только, что недюжинные аналитические способности Валерочки втуне пропадают. Сколько раз выручал ее, вытаскивал, спасал! Притворялся, будто злится, но Таня-то не слепая. Да, Валера переживал, когда падчерица влипала в очередную авантюру, зато, если нужен своей любимице оказывался, на глазах молодец.

Сейчас Таня жила размеренно, спокойно, а отчим делает вид, будто рад этому. Но она скучала, и Валерочку давно хотела встряхнуть, а то потеря-

ет старичок нюх или вообще в Альцгеймер впадет без мозговой активности. Поэтому, когда вечером в воскресенье позвонила Данг, Таня обрадовалась: наконец-то хотя бы минимальный водоворот в монотонном течении бюргерского существования! Жаль, конечно, что не мир спасать. Но помочь филиппинке надо.

Валерочку поздним визитом пугать не стала, позвонила и предупредила, что завтра к обеду приедет.

На следующий день она покинула офис в два часа, причем с легким сердцем — все, что планировала на день, исполнила, а право не отсиживать тупо от звонка до звонка, по счастью, давно себе выслужила.

Заскочила в продуктовый, купила икорки, колбаски, сырку хорошего и погнала на Сельскохозяйственную, где в однокомнатной квартирке на первом этаже проживал отчим.

Обняла Валерочку, порадовалась, что выглядит неплохо, и сказала:

— У меня к тебе дело. Для твоей квалификации смешное, но я обещала помочь. Это не для меня. Данг попросила.

— Филиппинская девушка, которую ты просвещаешь? — Валера в отличие от мамы знал почти все, чем Таня живет.

— Ага. Она. У нее клиентка на массаж не пришла и даже не предупредила. Телефон не отвечает. Данг волнуется. Я понимаю, звучит глупо. Клиент — он и есть клиент, один ушел, другой появится. Но Данг... она, понимаешь, немного экстрасенс. И у нее нехорошие предчувствия. Ей снится, что сын этой клиентки один, плачет, а мамы нигде нет. Я знаю, ты предсказателям не веришь, но Данг клянется, что у нее сны вещие, иначе не позвонила бы мне. Для филиппинки это вообще неслыханно — малознакомого человека побеспокоить, да еще вечером!

— А в России твоя Данг давно?

— Второй год.

— Ясно. А скажи, когда вы в рестораны вместе ходите, кто платит?

— Я. Но сама и предложила! У нее зарплата копеечная, детей трое. Она все домой отсылает!

— Танюшка, не горячись. Мне нужно знать, на кого я работаю.

— А ты ей поможешь? — просияла Татьяна.

— Придется. Раз ты говоришь — малоимущая.

— Не издевайся, Данг реально переживает!

Но по лицу отчима было видно, что в добрые намерения филиппинки он ни капли не верит. Ну и пусть. Если Данг действительно не окажется пушистой и белой, Тане урок. Впредь внимательнее себе подруг будет выбирать.

Первым делом Валерий Петрович выznaл все, что мог, про «заказчицу».

Тридцать пять лет, муж, трое детей, медицинский сертификат. В России легально — рабочий контракт, налоги, регистрация в столице. Зарплата, похоже, занижена и санитарная книжка покупная, но тут не с филиппинки надо спрашивать.

Следующим этапом Ходасевич проверил место работы Таниной подруги. «Восточный СПА-рай» оказался разветвленной сетью — семь салонов в Москве, филиалы в Питере, Новосибирске, Екатеринбурге, но быстро понял, что пока двигаться в данном направлении смысла не было.

И Валерий Петрович перешел непосредственно к Таниной просьбе. Фамилия клиентки и номер ее мобильного в его распоряжении имелись.

Телефон принадлежал Евгении Петровне Сизовой. Гражданка проживала в Подмосковье, состояла в браке с Максимом Юрьевичем Тасенковым (однако фамилию оставила девичью). Воспитывала сына Дмитрия семи лет от роду. Трудилась главным бухгалтером в столичном фитнес-центре «Пегасус». Не судима, ни на каких учетах не состояла. Хронических заболеваний — по крайней мере, официально — не имела. В районную поликлинику последний раз обращалась два года назад. А в пятницу, двадцать пятого июня, ее экстренно госпитализировали в ближайшую больницу с обширным геморрагическим инсультом. Состояние в настоящий момент крайне тяжелое, прогноз неблагоприятный. А ведь ей всего-то тридцать восемь лет...

Узнав, что Женя в больнице, Данг горько расплакалась, а когда слезы высохли, твердо сказала:

— Я хочу ее навестить. Как это сделать?

— Не знаю, — слегка опешила Таня. — Если инсульт, она, наверное, в реанимации. Туда не пустят.

— А если денег дать? — вкрадчиво спросила филиппинка и поспешно добавила: — Я заплачу. Ты только узнай, кому.

— Но зачем тебе это?

Опустив глаза, Данг прошептала:

— Это просто моя просьба к тебе.

— Слушай, не держи меня за дурочку. Ты что, всех клиентов, кто заболел, ходишь в больницу навещать?

— Я хочу понять, что с ней случилось на самом деле.

— Что ты имеешь в виду?

— Таня, дай мне слово, что не будешь смеяться. Дело в том, что я всегда предчувствую, когда у человека будет инсульт. За две недели минимум.

— А как это можно предчувствовать? — с любопытством спросила Татьяна.

— Если совсем скоро будет апоплексия, кожа на голове становится очень горячая. И взгляд — будто из другого мира. Я своим клиентам уже два раза предсказала. Один раз дома, второй — здесь, в России.

— И что с ними стало? — заинтересовалась Татьяна.

— Молодой мужчина сказал, что я дура, — вздохнула Данг. — И умер. Через неделю. А одна женщина в Маниле тоже сначала ругалась. Но все-таки пошла к врачу, и у нее определили раннюю стадию. Вылечили. Потом приходила деньги давать. Про меня даже писали в местной газете. Женья, как и ты, моя клиентка уже второй год. Я хорошо знаю ее тело. У нее хорошая кровь, сильное сердце и хладнокровный характер. Такие люди могут умереть от рака, от травм, но у нее не было никаких предпосылок для удара. Десять дней назад, в прошлую субботу, она приходила. Я разминала ей шею, голову и ничего не почувствовала, никаких предвестников. Поэтому я считаю, что врачи ошиблись.

— Ну, знаешь. В России медицина, конечно, не шедевр... особенно бесплатная. Но, по-моему, с диагнозом инсульт ошибиться трудно. Тем более что сейчас томографы во всех больницах.

— С ней могли что-то сделать. И это вызвало удар, — тихим голосом произнесла Данг.

— Кто? Как? Зачем?

— Можно приготовить настой из лимонника и женьшеня. Дать выпить и прочитать заговор. Травы повысят давление на тридцать или сорок единиц. А колдовство способно усилить его в несколько раз. И тогда давление поднимается до такой степени, что рвется сосуд. Но в организме не останется никаких следов. У нас на Филиппинах есть такая... плохая женщина. К ней обращаются те, кто хочет овдоветь.

— Господи, Данг, что за дикости ты рассказываешь!

— Таня, я никогда не лезу в личную жизнь клиентов. Даже специально стараюсь не вникать, если они что-то рассказывают. И когда по телефону говорят, не слушаю. Но я... я уже давно в России и немного знаю ваш язык. Говорить хорошо не могу, но кое-что понимаю. У Женьи... у нее нехороший муж. Она бухгалтер и работает много. А он... он, кажется, на ее шее сидит.

— Но если он за ее счет существует, какой смысл убивать? Она нужна ему здоровая и живая! — возразила Таня.

— У Женьи, несомненно, есть накопления. Дом, где они живут, лично ей принадлежит, я так поняла. Он — законный супруг, и, если она умрет, все ему достанется.

— Да откуда ты все это знаешь?

— Однажды муж ей звонил сразу после массажа и говорил про то, чтобы дом продать. А Женя кричала: «Нет, нет и нет!» Назвала его «чертов нахлебник». Такие часто женятся на богатых, а потом идут к мастерам вуду, чтобы овдоветь.

— Слушай, Данг, но Россия — не Филиппины. У нас колдовство не настолько развито.

— Зато у вас почти все лекарства продаются без рецептов, — стояла на своем массажистка. — Они действуют сильнее, чем травы.

— Ну, хорошо. Прорвемся мы в больницу. Ты увидишь свою клиентку. И что? По ее внешнему виду определишь причину инсульта? Пойдешь в полицию и будешь там рассказывать про порчу? Данг, не смей!

Карие глаза массажистки наполнились слезами:

— Я просто хочу посмотреть на нее. Может, смогу свою энергию ей передать. Или понять: выкарабкается или нет.

— И что, если нет?

— Тогда буду тебя просить, чтобы ты ее сыну помогла. На папу там нет надежды.

— Ох, Данг! — простонала Садовникова. — Насколько проще было, пока мы с тобой просто развлекаться ходили! Во что ты меня втягиваешь?!

Но отказать не смогла. И в их традиционный четверг, вместо ресторана или театра, поехали за шестьдесят километров от Москвы, в Истринский район.

Больница Зареченска, куда привезли Женю, издали выглядела даже романтично. Старинный дом из потемневшего от времени красного кирпича окаймлен вековыми деревьями. Но чем ближе подходили, тем более зловещим казалось место. Парк неухоженный, заросший, урны переполнены. Дорожки в глубоких выбоинах. Одноэтажный сарайчик с зарешеченными окнами и вывеской: «морг».

На главном здании красовалась табличка, что построено оно в 1869-м году, и раньше здесь располагался странноприимный дом. Кирпич выразительно осыпался, ступеньки в приемное отделение полуразрушенные, крыша в заплатках. Только пластиковые окна и новенький пандус для инвалидов указывали на то, что на дворе все-таки двадцать первый век.

Внутри тоже — преданья глубокой старины с редкими вкраплениями современности в виде электронной очереди, которая все равно не работала. Линолеум на полу вздулся, каталки грохочущие, старинные.

Перед травмпунктом толпа, вперемешку взволнованные мамашки с детьми и нетрезвые дядечки с ободранными физиономиями.

Данг двинулась, было, к окошку с надписью «регистратура», но Таня шепнула:

— Наш путь неофициальный.

Первый шок у нее миновал. Тоже наши реалии, ничего не поделаешь, зато условностей меньше. В столице с тебя маску обязательно потребуют, бахилы, паспорт, а здесь санитарным мерам особого значения не придавали — видно, и без того забот хватало.

Указатель утверждал, что реанимация располагается на третьем этаже, и вход туда категорически запрещен. Таня вытянула из кошелька несколько пятисотенных купюр, распределила по разным карманам и обернулась к массажистке:

— Нужна «легенда». Кто мы ей? Подруг — вряд ли пустят. На сестер тоже не тянем.

— Можно назваться волонтерами, — предложила Данг.

— Предложить помощь в интенсивной терапии? — усмехнулась Садовникова. — Не поймут.

— Мы можем быть волонтеры для Митья, ее сына. И прийти сюда по его просьбе.

— А ты соображаешь!

Они поднялись на третий этаж и заняли выжидательную позицию подле двери с кодовым замком. Посторонних вроде бы не пускают, но из реанимации уверенной походкой вышла женщина с хозяйственной сумкой — по виду, совсем не медик.

— Скажите, пожалуйста, а как туда попасть? — подкатила к ней Таня.

— Так главный врач пропуск дает. Или с сестричками можно договориться, за малую благодарность, — словоохотливо объяснила посетительница. — Они только рады будут: все равно ухаживать некому.

Она сама надавила на звонок и попросила:

— Аленушка, пусти девочек! Вы к кому? К Сизовой они!

Аленушка оказалась пышнотелой, кудрявой, щечки румяные, губки бантиком, вид мечтательный — будто не в больнице, а в библиотеке работает. С удовольствием приняла две пятисотенных (Таня решила не мелочиться), выдала бахилы с масками, велела надеть одноразовые халаты и шапочки и почему-то с надеждой спросила:

— Вы пациентке родственники?

— Не совсем, — осторожно отозвалась Таня.

— Жаль, — вздохнула Аленушка. — Никому она не нужна...

Она провела их в реанимационную палату и, указав на дальний угол, драматическим голосом объявила:

— Вот она, горемычная.

Недвижимое тело. Глаза запали, утопают в черной синеве. Губы ввалились. К лицу лейкопластырем приклеены трубочки, соединяют рот и нос с натужно шумящим аппаратом.

Данг ахнула. Тане тоже стало жутко. Она не знала, как выглядела Женя до болезни, но на вид ей лет шестьдесят. И смотрится она совсем, ну, абсолютно мертвой.

— Седьмой день в коме, — печально прокомментировала Алена.

— В медицинской? — с умным видом уточнила Садовникова.

— Если бы, — вздохнула медсестра. — Уже привезли ее в таком состоянии.

— А что можно сделать?

— Надо было сразу, как инсульт случился, экстренные меры принимать, — печально произнесла Аленушка, — сейчас уже поздно, — и добавила шепотом: — Врачи между собой говорят, что надежды нет. Хотят от жизнеобеспечения отключать.

— То есть ее мозг мертв? — спросила Садовникова.

— Пока не мертв. Но доктора ставят «минимальное сознание минус» — это состояние, близкое к вегетативному.

— Можно... можно нам побыть рядом? — попросила Данг.

— Конечно, — кивнула медсестра. — Поговорите с ней. Такие больные все слышат. И им очень важно внимание.

Но Тане даже подумать было страшно остаться подле недвижимого, незнакомого, почти мертвого тела. Не ее ипостась — «с больным сидеть и день, и ночь». Лучше действовать.

— Где ее лечащий врач? — строго спросила она у медсестры.

— Домой ушел. Он после суток.

— А главный на месте?

— Должен быть.

— Отведите меня к нему.

Садовникова представляла, что главврач в захудалой больничке окажется пожилым, усталым, с мудрыми морщинками в уголках глаз. Но в ледяном холоде кабинета ее встретил истинный выпускник Оксфорда: ботинки сияли лаком, под безупречным халатом виднелись брюки в клетку, оправка очков блестела золотом.

Он учтиво предложил чаю, спросил, чем может служить.

— Я по поводу вашей пациентки Евгении Сизовой. Она в реанимации, в коме.

— Вы ее родственница? — сразу насторожился врач.

— Нет. Я — волонтер. У Сизовой сын семи лет. Отец целый день на работе, ребенок один. Мы взялись помогать семье. Вот, пришла узнать... каковы перспективы.

— Вы понимаете, что я не вправе разглашать медицинскую тайну?

— Да все я понимаю. Но мне нужно знать, есть ли у нее шансы?

— Шансы, шансы... Вы нашу больницу видели? Много у нас тут возможностей — больных с инсультом выхаживать? Может быть, технологии новейшие? Или хотя бы нейрореанимация имеется? Ее привезли уже в коме. Мы сделали все, что могли.

— Но теоретически — очнуться она может?

— Теоретически все бывает. Описан случай, когда пациент через девятнадцать лет в себя пришел. Но иллюзий лучше не питать. После дня в коме шансы на полное выздоровление еще есть, но прошла уже неделя. Даже если она придет в себя — скорее всего, останется глубоким инвалидом. Парализация — полная или частичная. Психические нарушения. А муж там такой, — поморщился врач, — что возиться с ней не станет.

— Это я уже поняла, — вздохнула Таня.

— Кстати. Из больницы мы будем вынуждены ее выписать.

— Ээ... то есть как? Куда?

— Куда родственники скажут. В частное лечебное учреждение или домой.

— Но кто будет за ней ухаживать — дома?

— А кто за ней будет ухаживать здесь? — парировал врач. — У меня средний медперсонал на две ставки работает. А ей нужно раз в два часа положение тела менять. Специальные мази от пролежней накладывать трижды в день. Кормить парентерально. Подмывать, слизистую обрабатывать. Поймите, милая девушка, в реанимации я ее больше двух недель по регламенту держать не могу, а в отделении смотреть за ней некому.

— Разве можно выписать из больницы человека в коме? — искренне удивилась Татьяна.

— Угрожающее жизни состояние мы купировали. Сейчас ей, в первую очередь, нужен хороший уход. А его обеспечить в условиях нашего стационара невозможно.

— А если нанять для нее сиделку?

— Предлагали супругу. У нас девочки подрабатывают, частным образом. Он отказался. Сказал, дорого.

— Скотина! — не удержалась Таня и вкрадчиво добавила: — Скажите, пожалуйста, это вообще нормально, что у такой молодой женщины — и вдруг инсульт?

— Мы же не знаем, что ему предшествовало. Возможно, у пациентки гипертония имелась. Не диагностированная или не пролеченная. Плюс общие факторы: гиподинамия. Алкоголизация. Стрессы.

— А вы анализы у нее брали?

— Вот это поворот! — посуровел главврач. — Проверить меня решили? Или в мисс Марпл сыграть?

— Может, я, конечно, дилетант, но считаю, если инсульт у человека до семидесяти — это явно не просто так.

— А вы статистику посмотрите. Тяжелые мозговые нарушения сейчас очень помолодели.

— Но ее точно ничем не отравили?

— Слушайте, почему я вас до сих пор не выгнал?

— Так брали анализы или нет?

— Естественно, брали. Никакого яда или иных подозрительных субстанций. Но муж сказал, что она накануне очень сильно понервничала.

По грозному виду доктора Таня поняла: время сматывать удочки, и кратко спросила:

— Что сыну-то ее сказать?

— Не знаю, что для ребенка лучше: запомнить маму красивой и молодой или смотреть, как у нее изо рта слюна капает, — жестко проговорил врач.

— Но... вы пока не собираетесь отключать аппараты?

— Не имеем права.

— Мите можно будет хотя бы с ней попрощаться?

— Давайте пока надеяться на лучшее, — парировал доктор, но тон его заметно смягчился.

Садовникова вытащила кошелек, вытряхнула всю наличность и попросила:

— Давайте, пожалуйста, найдем для нее сиделку. За счет... нашей волонтерской организации.

Доктор пронизательно взглянул на нее, но ничего не сказал. Вдавил кнопку селектора и потребовал:

— Машу пригласите ко мне. — Затем снова повернулся к Тане: — Деньги сиделке лично отдайте.

Максим научился жарить яичницу в седьмом классе. Но сейчас, в свои тридцать девять лет, опять ее сжег. Просто затмение какое-то. Или Женька (хоть и лежит без сознания) на него порчу насылает?

Четыре хороших деревенских яйца пропали, вонь на всю кухню, и Митю чем теперь кормить? Арчи вокруг стола крутится, колотит об пол хвостом.

Тоже голодный. При Женьке было заведено, чтобы только специальные корма, но кому теперь ездить за ними? А доставка в деревню изрядных денег стоит. Так что пришлось Арчи перейти на простецкую собачью еду из сельпо.

Соседка по выходным не помогала, и Максим с неудовольствием предвкушал очередную тоскливую субботу. Ковыряться на кухне, вести Митю гулять, слушать его бесконечное: «Когда мама вернется?»

Да, удручила жена, ничего не скажешь. Надо же было между землей и небом зависнуть! И что дальше делать? Врач вчера сказал — растением, в дреме, Женька хоть десять лет еще проживет. Но ему-то как быть? Работать, хозяйствовать, Митю поднимать. И безо всяких перспектив — формально считается женатым.

Жена, когда ребенка обсуждали, клялась — «игрушку» лично для себя заводит. И слово сдержала — бессонные ночи, колики и прочая хлопотня Максима вообще не касалась. С Митькой общался, только когда сам хотел, а едва сын начинал подхныкивать, Женька подскакивала, забирала. Вырастила в итоге тепличный цветок, плаксу. Кто мог подумать, классический маменькин сынок в итоге на его плечи свалится?

«Не буду ничего готовить. Хлеба в тостере пожарю, колбасы порежу — пусть ест», — решил Максим.

Но приготовить упрощенный завтрак не успел — послышался звонок в калитку. Кого еще черти несут? Опять, что ли, из правления явились на счет борщевика вдоль забора ругаться?

Максим сунул босые стопы в дачные галоши, пошел открывать. Надо же! У забора пижонский «инфинити» стоит, а у калитки — фря. Вся такая столичная, гармоничная, сумка из крокодила. Волнуется, взгляд заискивающий:

— Вы — Максим Юрьевич?

— Ну.

— Меня зовут Таня. Ваш адрес дали в больнице, где Евгения лежит.

— И чего дальше? — насторожился Максим.

— Я из волонтерской организации. Мы помогаем семьям, кто попал в трудную ситуацию. Знаю, что вы один с ребенком остались, работаете, бабушек нет. Вот я и приехала. Могу обед приготовить, с Митей поиграть, свозить его куда-нибудь, если нужно.

— Ты ради нас на «инфинити» приперлась из Москвы за шестьдесят километров? — с сомнением покачал головой Максим.

— Имелись варианты поближе, но меня не привлекло. Зачем мне таджикские погорельцы или мать-одиночка с шестью детьми? Лучше до вас прокатиться. Все равно суббота.

— А как твоя волонтерская организация называется?

— Никак. Это просто чат у меня на работе. Туда скидывают информацию о тех, кому помощь нужна. У сотрудницы тетка в Зареченской больнице, она про вашу жену и написала. Без фамилии: просто, что семья в сложном положении. А детали мне главный врач рассказал.

— А сама где работаешь?

— Рекламное агентство «Ясперс энд бразерс». Креативный директор.

— Нехило. Я бы в свой законный выходной лучше в тренажерный зал сходил.

— Я когда людям помогаю — заряжаюсь лучше, чем на фитнесе, — усмехнулась Таня.

— Паспорт покажи! — сурово потребовал Максим.

Садовникова Татьяна Валерьевна. Москвичка. Не замужем. Увидев год рождения, он чуть не обалдел: лет на пятнадцать моложе выглядит.

— Ладно. Раз приехала — иди, помогай. Обеда как раз нет. И завтрака тоже.

Валера всегда учил: если врать, то близко к тексту.

В Танином агентстве действительно имелся чат: «Нужна помощь!» Чаше всего там просили контакты хороших косметологов или репетиторов для детей, но иногда и серьезные проблемы описывали. Так что запросто могли упомянуть про больную в коме и ее маленького сына без присмотра. Не слишком правдоподобно, что главный врач якобы сказал адрес, но Максим, по счастью, поверил.

Супруг у Жени в домашних декорациях, в переднике и галошах на босу ногу, выглядел весьма жалко. И, похоже, тяготился своей ролью соломенного вдовца. В доме бесприютное запустение. Засохший букет полевых цветов, в коридоре пустые пакеты, обувь на грязных газетках.

В коридор выбежал пес — джек-рассел. Грозно тьякнул, взялся обнюхивать Танину брючину. Зубы показывал острые, но она бесстрашно потрепала собаку по загривку. Та взглянула с удивлением, лизнула ей руку.

— Ишь, ты, признал, — оценил Максим. И заорал во весь голос: — Митька! К тебе гости!

Со второго этажа скатился худенький, бледный мальчик и с надеждой бросился к Тане:

— Вы от мамы?

— Господи, да ты совсем, что ли, помешался? — разозлился Максим. — Это просто тетя. Пришла с тобой поиграть.

— А зачем ей со мной играть? — серьезно спросил ребенок.

— Чтобы ты не скучал, пока мамы нет дома, — улыбнулась Таня.

— Вы какая-то дальняя родственница? Или папа вам деньги будет платить?

— Дмитрий, слишком много вопросов, — строго произнес отец. — Покажи тете Тане свою комнату.

— Ну... пойдете.

Они поднялись на второй этаж. В детской — полный шкаф книг, на тумбочке учебник английского и потрепанные «Денискины рассказы».

— Ты уже читать умеешь? — с сомнением посмотрела на малыша Таня.

— Конечно. Я осенью в школу иду! — ответил Митя и умоляюще взглянул на нее: — А вы мою маму видели?

— Да, — кивнула Таня.

— И как она?!

— Она... она пока не пришла в себя.

— Долго еще ждать?

Таня замаялась: врать нельзя, правду сказать — совсем невозможно.

У Мити на глазах выступили слезы.

— Я подслушал... папа говорил... мама скоро умрет? — прошептал он.

— Ерунду ты подслушал, — взорвалась Татьяна. — Чего твоей маме умирать? У нее стабильное состояние. Просто пока без сознания.

— Когда же она, наконец, поправится? — требовательно спросил мальчик.

— Нужно время, — промямлила Таня.

— Лично мне мама говорит, что уже скоро.

— Это как она тебе говорит?

— Может, она и без сознания, но ко мне приходит. Почти каждый день.

— Во сне?

— Почему во сне? По-настоящему. Иногда только слышу ее, а, бывает, и вижу.

— Не поняла...

— Вчера я пускал бумажные самолетики, и один залетел на шкаф. Я стал доставать, но со стула дотянуться не мог. Тогда табуретку на него поставил, а она шатается. И тут голос: «Не смей туда лезть!» Четко мамин! А позавчера я плакал ночью, и мама меня по спине гладила. Обернуться и посмотреть я испугался, но руки точно ее были, даже пахли кремом, которым мама всегда их мажет. Тогда она и сказала: «Потерпи совсем чуть-чуть, я уже поправляюсь».

Таня в мистику не верила, но силу материнской любви даже закоренелые материалисты признают. Есть документально подтвержденные случаи, когда умершие женщины своих детей реально оберегали от бед.

А у Жени — всего-то кома, поэтому какая-то ее субстанция запросто может присутствовать дома, приглядывать за сыном.

Тане вдруг стало как-то неудобно, и она нарочито бодрым тоном спросила:

— Во что будем играть?

— А ты не можешь меня сначала чем-нибудь покормить? — смущенно улыбнулся в ответ Митя.

Таня детей побаивалась. Кривилась, когда в супермаркетах или самолетах чьи-то отпрыски начинали скандалить, и очень боялась, что в первый же свой волонтерский день сбежит от Митиных капризов.

Но мальчик — хотя с виду совсем малыш — вел себя, словно маленький старичок. Первым делом отправились на кухню. Митя показал, где лежит картошка, взялся чистить — получалось даже лучше, чем у нее. Вареную колбасу с подозрительно засохшими краями предложил обрезать и обжарить на сковородке. По всем правилам — как в ресторане — накрыл стол. Когда Таня, непривычная к хозяйству, разбила тарелку, тактично сказал: «Посуда к счастью бьется».

А когда поели, попросил:

— Поможете Арчи вымыть? Он весь в репьях, я один не справлюсь.

Пес идею воспринял с восторгом и даже не рычал, пока Таня решительно, но неумело выдирает из его шерсти колючки.

— Он умный. Понимает, что больно, но надо, — объяснил Митя. — Мама его раньше каждый вечер купала. А сейчас уже больше недели грязный ходит.

— А папа почему не моет?

Мальчик хихикнул:

— Боится, — хихикнул мальчик. — Арчи может его укусить. У него мама хозяйка.

— А папа тогда кто?

— Папу он терпит.

— Как мама с папой познакомились? — заинтересовалась Таня.

— Мама замещала кассира, а папа пришел покупать абонемент в фитнес-клуб, — охотно объяснил Митя. — Уговорил ее вместе сходить потренироваться. А в качалке они поспорили, кто больше приседаний сделает, и мама выиграла. Тысяча сто одиннадцать против папиной тысячи.

— Здорово! А где твой папа работает?

— Нужно говорить, что он работает менеджером. Но на самом деле папа — курьер, — простодушно ответил мальчик.

— А учился на кого?

— Учился на бизнесмена. И когда они с мамой познакомились, был главным директором в своей фирме. Покупал ей бриллианты. Но сейчас он ездит на машине «каблук» и развозит клиентам всякие бачки, сифоны, тяпки и ведра.

— Маме, наверное, не очень это нравилось.

— Маме неважно, сколько папа зарабатывал. Но ей было обидно, что он давно перестал дарить ей цветы, делать массаж и вообще обижал.

— Что значит «обижал»?

— Ну, постоянно придирался. Что она поздно приходит с работы. Что не научила меня следить за порядком. Что отдала на английский, а не на карате. — И добавил с печалью в голосе: — Сейчас папа тоже недоволен. Что мама отдыхает, в смысле, болеет, а ему приходится со мной возиться.

— Да с тобой одно удовольствие возиться! — развеселилась Таня. — Картошку меня чистить научил!

— Так приезжай почаще. Я тебя еще многому научу, — с надеждой посмотрел на нее Митя.

Таня прежде считала: идеальный вечер после работы — в тишине комфортной квартиры сидеть за бокалом вина и закусывать хорошим сыром. Но уже в понедельник она приняла совершенно спонтанное и нелогичное решение. Вместо того чтобы отправиться домой, потащила по пробкам в Истринский район.

Доехала к восьми вечера. Максим отсутствовал, помогавшая по хозяйству соседка тоже. Мальчик и пес сидели голодные.

— Тетя Люся сегодня сварила суп с чешуей, а мы с Арчи такой не любим, — объяснил Митя.

— А ему вообще можно суп?

— Тетя Люся сказала, что голод не тетка. Только Арчи все равно есть не стал. Он любит корм суперпремиум.

— Понятно. Совсем вы тут закисло. — Таня вспомнила, какие торговые центры видела по пути, и предложила: — Может, в «Мираж» рванем? Там и бургеры всякие, и зоомагазин есть.

— Ой, давай! — просиял Митя. — Мы с мамой всегда туда ездили за вредной едой!

Садовникова позвонила Максиму. Тот явно обрадовался и разрешил «обратно не спешить». Взяли с собой Арчи и отправились. Ели пиццу, картошку-фри, мороженое. В супермаркете накупили полную тележку вкуснятины — и для джека-рассела целую коробку его любимой еды. Посетили мини-зоопарк. Митя научил Татьяну играть в аэрохоккей, а она его — стрелять в тире по баночкам. Арчи твердо занял позицию по правую руку от Тани,

Митя прыгал-подскакивал слева. Продавцы называли ее «мамочкой», Садовникова про себя злилась, но не поправляла и все ждала, когда, наконец, ребенок начнет ее бесить.

Но Митя капризничать так и не начал. Дома дисциплинированно почистил зубы, переоделся в пижамку и лег.

Вскоре вернулся домой Максим. Погремел на кухне кастрюлями и немедленно прошествовал к телевизору. Перед тем как уехать, Таня заглянула на кухню. Груда немытой посуды, пол грязный. Убирать, конечно, не стала — в бесплатные горничные она уж точно не записывалась.

Но Митю продолжала навещать почти каждый день. Привозила лакомства, водила в кино, вместе с Арчи ходили гулять в лес.

Тем временем Москву одолевала жара, и скромный Женин коттедж, кондиционерами не оснащенный, раскалился — дай боже. Таня, когда приезжала, обязательно водила мальчика за два километра, купаться в озере. Но вода там цвела, противно воняло рыбой, и у нее однажды вырвалось:

— М-да, не море.

— Я так туда хочу, — прошептал Митя и, смутившись, добавил: — Мы с мамой каждое лето обязательно ездили.

— Так давай мы с тобой слетаем! — неожиданно вырвалось у Тани.

— А можно? — просиял Митя.

— Ну... почему нет?

— Значит, папа был прав, — покачал головой мальчик.

— Насчет чего?

— Он мне давно говорил, чтобы я попросился с тобой на море, а я думал, ты не согласишься.

— Тебе повезло, — улыбнулась Таня. — Я вообще-то собиралась в Испанию, на серфе кататься, но там сейчас карантин. Так что я открыта для других интересных предложений.

Обычно она старалась сбежать до того, как неприятный Максим Юрьевич с работы явится, но сегодня специально дождалась и изложила ему идею. Тот с воодушевлением отозвался:

— Да конечно! Езжайте! Мальцу перед школой надо сил набраться, витаминов. Я сам хотел попросить, но неудобно было.

Таня сначала разохотилась показать любознательному пареньку Занзибар или хотя бы Турцию, но быстро выяснила: чтобы ехать за границу, нужна доверенность от обоих родителей. Пришлось ограничиться курортами Краснодарского края. Весте с Митей они спланировали маршрут: Геленджик (сафари-парк, канатная дорога). Анапа (дельфинарий). Адлер (гоночная трасса и сумасшедшие аттракционы).

Митя заверил, что его не укачивает, поэтому планировали: прилететь на юг, сразу взять напрокат машину и по пути через все побережье заезжать на пляжи, купаться, ловить, а потом выпускать крабов, обязательно увидеть морского конька...

Максим Юрьевич, похоже, собирался загулять — каждый день спрашивал, купила ли Таня билеты.

Митя упросил и Арчи с собой взять, и Садовникова жаловалась отчиму:

— Валерочка! У меня, по-моему, что-то с головой. Чужой ребенок, чужая собака. Трачу законный отпуск, сама плачу за всех.

— А глаза-то у тебя горят, Танюшка, — усмехался Валерий Петрович.

Вылет был назначен на пятницу. За пару дней до этого позвонила Данг и робко попросила:

— Мы можем Женю навестить — до того, как ты уедешь?

— Зачем?

— Я... просто хочу ее видеть. Но если ты занята на работе, я поеду сама.

— Ой, Данг. Я уже давно на работу забила. Между прочим, из-за тебя.

— Таня, прости меня, пожалуйста.

— Ладно. Заеду за тобой в четверг утром.

Женя выглядела плохо. Бесстрастное, восковое, еще больше исхудавшее лицо, и никаких признаков жизни.

Данг присела рядом, осторожно взяла руку пациентки в свою и печально скривилась.

— Что? — испугалась Татьяна.

— Ее сердце слабеет, — прошептала филиппинка.

Таня, конечно, сразу отправилась к главному врачу.

— К сожалению, положительной динамикой порадовать не могу, — вздохнул тот.

— Но мозг еще жив?

— Некоторые рефлексy сохранились, — уныло отозвался доктор. — Но пошла уже четвертая неделя... С каждым днем комы шансы снижаются. Очень большая вероятность, что сердце в ближайшее время остановится само.

— Митьку жалко, — сказала Таня, когда они вышли из больницы. — Если Женя умрет, Максим быстро мачеху приведет. А то и в детдом отдаст.

— Ты могла бы стать хорошая мама для Митья, — улыбнулась Данг.

— С ума сошла?!

— Почему нет? Мне кажется, юридически это возможно: опеку над ним оформить. Его отец возражать не станет.

— Нет, это не мое. Я лучше волонтером, — фыркнула Таня.

На следующий день Максим Юрьевич привез Митю, Арчи и чемодан в аэропорт.

— Вы когда возвращаетесь? — поинтересовался он.

— Тридцатого числа.

— Билеты обратные есть уже?

— Конечно.

— Ну, хорошо отдохнуть!

До регистрации провожать не стал, поспешил умчаться на свободу.

Тане на стойке предложили апгрейд до бизнес-класса. Сначала хотела отказаться — что там, всего два часа лететь, — но увидела, как загорелись Митины глаза, и сказала:

— А давайте!

— Тетя Таня, ты какая-то фея! — с восхищением прокомментировал мальчик.

Чувствовать себя волшебницей приятно, и она изо всех сил старалась, чтобы Митя в этой поездке был счастлив. Покупала ему сахарную вату и кукурузу, гоняли вместе на водном мотоцикле, плавали с дельфинами, катались на катамаранах, обследовали дольмены, принимали целебные ванны в озере с голубой глиной, после которых тело становится зеленым, как у Шрека, фотографировались у водопадов.

Неспешно, с ночлегами в домах отдыха, гостиницах, а однажды даже в гламурном кемпинге, в палатке, где имелись вентилятор и холодильник, проехали по всему побережью — от Анапы до Адлера. Тут Таня решила не экономить — забронировала крутейший отель прямо на территории парка аттракционов. В первый же день Митя укатался и укупался так, что уснул на диване, пока Таня купальные костюмы развешивала. Она перенесла ребенка в постель, укрыла, включила кондиционер и снова вышла на балкон. Аттракционы блистали иллюминацией, чуть дальше чернело море. Таня потягивала белое вино со льдом и удивлялась, что внеплановый отпуск с чужим ребенком, да еще и в России, оказался очень даже душевным.

Завибрировал телефон. Звонила Данг.

— Таня, вы когда возвращаетесь? — встревоженным голосом спросила она.

— Через три дня.

— Плохо. Ох, плохо.

— Да говори ты толком!

— Я чувствую, что с Женей беда. Ты можешь в больницу позвонить?

Сочи ликовал, искрил фейерверками. Татьяне сейчас совсем не хотелось думать про колдовские предчувствия и чужие болезни, но она отставила бокал. Отыскала в Интернете номер справочной Зареченской боль-

ницы. Долго ждала, пока ответят. Заспанный голос велел перезвонить в рабочее время.

— Но мне очень важно. Посмотрите, пожалуйста, как у пациентки самочувствие.

— Фамилия?

— Сизова Евгения. Она в реанимации.

— Э... Сизова? Насчет нее вам надо к главному врачу. Завтра.

Трубку бросили и больше не снимали. А почему именно к главному? Таня тоже встревожилась. Набрала Максима. «Заботливый» папаша выходил на связь пару дней назад. Спросил, теплое ли море, и точно ли они возвращаются тридцатого. Садовникова начала рассказывать, что Митя сфотографировал подводным фотоаппаратом морского конька, но отец даже не дослушал...

Максим отозвался только с пятнадцатого гудка:

— Аллио? Этта кто?

Да он, похоже, пьяный!

— Это Татьяна. Как у вас дела?

— П-плохо. С-сегодня комиссия была. У Ж-жени... у Ж-жени констатировали смерть мозга.

— Что?!

— Б-бумагу мне дали. Вега... вего... ве-ге-та-ти-вное состояние. Ж-жизнь поддерживать бес-смысленно.

— Она уже месяц в этом состоянии!

— Н-нет. С-сейчас с-тало хуже. Рефлексы угасли. Ок-кончательно.

Вроде бы всхлипнул, но Тане показалось — хихикнул. И, уже не заикаясь, выпалил:

— Я дал согласие отключить аппараты.

— Вы с ума сошли! Не делайте этого!

— Я уже с-сделал. Так будет лучше. Всем нам.

Она швырнула трубку. Сердце колотилось, яркие всполохи Черноморья больно били в глаза. Вот подлец! Как она сразу-то не догадалась?! Максим все специально подстроил! Услал сына подальше, на море, а сам во время его отсутствия запланировал жену убить.

Любящие люди последнее отдают, чтобы в близких жизнь поддерживать. Ждут месяцами, годами. Надеются, что оковы спадут, мрак развеется. А этот... «Рефлексы угасли, я согласился отключить аппараты».

— Небось сам умолял их отключить, скотина! — сквозь зубы процедила Татьяна.

Она вернулась в номер. Митя безмятежно спал, по лицу бродила улыбка. Наверное, к нему во сне опять пришла мама. В этот раз совершенно точно — из потустороннего мира.

И что теперь ей делать — будить Митю, срочно вылетать в Москву? Должен же сын попрощаться! Может, пусть лучше пока не знает? Но это отцу решать.

А тут и сам Максим позвонил — легок, низкое создание, на помине. То ли успел желудок прочистить, то ли смог себя в руки взять. Голос звучал осмысленно, он больше не заикался.

— Татьяна, могу я вас попросить: ничего не говорить Мите?

— Но все равно ведь придется!

— Подготовим его аккуратно. Со временем свозим на кладбище. А похороны ему видеть незачем. Ребенок и так впечатлительный. Гроб будет открытый. И Женя... она не очень выглядит. Зачем это семилетке? Получит травму на всю жизнь.

— Максим, вы когда это все решили? — спокойно спросила Таня.

— Что конкретно? — Голос заледенел.

— Отослать нас и отключить аппараты?

— Да что вы такое говорите! — гневно воскликнул Максим. — Причем здесь я? Сегодня позвонил главный врач, сказал, что была комиссия. Мозг мертв. Она теперь растение! ИВЛ можно и дальше гонять, но смысла в этом нет.

— С вас денег попросили, чтобы в ней жизнь поддерживать? — участливо спросила Таня.

— Да! Потребовали. Тридцать тысяч в сутки. Где я столько возьму? И, главное, зачем?

Она хотела ему объяснить: у сына была бы надежда. А в жизни иногда случаются самые удивительные чудеса. Но поняла, что свежеиспеченный вдовец просто ее не поймет.

Таня прилагала все силы, чтобы Митя ни о чем не догадался. И мальчик ничего не почувствовал — продолжал наслаждаться летом и морем. А в последний вечер торжественно объявил:

— Ты маме нравишься.

— Э... что?

— Когда мы сегодня на квадрике гнали, а я за тебя держался, она мне в ухо шепнула: «Таня такая, как я!»

— Мама продолжает к тебе приходиться?

— Конечно. Говорит, сейчас у нее новый, хороший врач, и уже совсем скоро она домой вернется.

— Ну... это прекрасно.

— Таня, ты не бойся, — ласково обнял ее Митя. — Даже когда мама придет, я тебя все равно не брошу! Мы будем втроем жить! Нет, вчетвером — вместе с Арчи.

- А папа?
- Ну... он тоже будет. У телевизора.

В жизни старика даже тучка в ясном небе — новость. А когда падчерица объявила, что приведет в гости свою подругу-массажистку, да еще просит разрешить возникший между ними когнитивный диссонанс, Валерий Петрович слегка занервничал. И готовиться начал загодя. Для Танюшки, не мудрствуя лукаво, нафаршировал перцев. Для заморской гостьи решил сделать национальное блюдо «adobo» — маринованные кусочки свинины и курятины, тушенные с рисом, чесноком и специями.

Он представлял массажистку забитой скромнягой — полностью в тени его блестящей падчерицы. Но Данг держалась с достоинством. Спина прямая, не тушуетя, глаза не опускает. Уже в коридоре унюхала запах филиппинской еды, церемонно сказала:

- Я очень высоко ценю ваше гостеприимство.

Ходасевич за годы службы повидал немало так называемых экстрасенсов, однако гостья не казалась ни аферисткой, ни сумасшедшей. Но и на заурядную массажистку — прислугу, обслуживающий персонал — не походила. Глазенки живые, умненькие, и по ай-кью, похоже, от его Танечки не слишком отстает. Валерий Петрович сразу усек, почему девушки сблизились. Его падчерица — огонь, вихрь. А филиппинка — прохладный, обволакивающий ручеек. Танечкин взрывной характер не изменит, но излишний пыл охладит.

Девушки хотели поговорить о деле немедленно, но Ходасевич нарушать традиции не позволил. Прежде накормил, выслушал комплименты своим кулинарным талантам. Во время еды вел светскую беседу, то и дело поглядывал на Данг и уверился: пусть говорит по-русски неуверенно, с акцентом, но понимает почти все. И еще уверился, что гостью судьба Жени волнует чрезвычайно. Но почему? Что за странная привязанность — к обычной клиентке, не родственнице, даже не подруге?

От десерта женщины дружно отказались. Пересели в кресла, и Таня сразу захватила инициативу:

- Валерочка, ты согласен, что Максим нас с Митей на юг специально услал?
  - Специально для чего?
  - Жену угробить. Аппараты без помех отключить.
- Валерий Петрович перевел взгляд на массажистку:
- Вы тоже так считаете?
- Та виновато взглянула на Татьяну и ответила:

— Я не отрицаю такой возможности. Только ключевой момент совсем в другом.

— И в чем же?

— Можно, пожалуйста, сначала Таня скажет?

Митя лет с четырех заметил: если мамочка на него смотрит, ее глаза яркими звездочками вспыхивают. И сразу тускнеют, когда взгляд переходит на отца.

Мальчик удивлялся: почему папа никогда маму не обнимет, не поцелует? Но когда пытался сам клеить их отношения и уговаривал, например, вместе посмотреть мультик с попкорном, отец вроде был рядом, а все равно словно чужой. Мама обнимала его за плечи, а папа сидел в полуметре, то и дело в свой телефон поглядывал.

А когда Митя с мамой что-нибудь затевали — снежинки из бумаги перед Новым годом вырезать или Арчи учить команде «Танцуй!», папа почему-то морщился, ворчал:

— Опять у вас коалиция.

Митя выяснил, что это умное слово значит. Пытался объяснить отцу, что коалиция — это объединение против врагов, а если папа к ним присоединится, они будут только рады. Но тот велел не умничать.

У всех Митиных друзей родители спали в одной комнате, но мама то и дело садилась перед сном ему почитать, задремывала рядом, и отец никогда не приходил ее звать. А иногда мальчик вставал первый, шел обследовать дом и видел, что папа спит на диване в библиотеке.

«Зачем они поженились, если друг друга не любят?» — ломал голову Митя.

К разгадке он подобрался, когда мамочка заболела. Папа тогда уехал на работу, а он сидел на кухне, смотрел, как противная тетка Люська грязными тарелками гремит, ворчит:

— Хату профукал, машинку посудную профукал! И сам ничего не делает, скот!

— Кто скот? — заинтересовался Митя.

Соседка осеклась, цыкнула:

— Не задавай глупых вопросов!

А Митя вдруг вспомнил: он еще совсем маленький, только ходить научился, наверное. И живут они — да, точно, в городе! Из окна видна огромная река, вдоль нее набережная. И посуду грязную мама куда-то составляла и потом вынимала чистой. Но куда же их большая, уютная, красивая квартира делась сейчас?

Танины глаза блестели азартом:

— Мите всего семь лет, но парень сметлив не по возрасту. Плюс я умею правильные вопросы задать. Мальчик мне рассказал, что раньше они вроде бы в Москве жили. В коттедж приезжали только летом или на Новый год. Мне тоже представляется странным: Женя — явная городская жительница, работает в столице. Зачем в глуши торчать? Максима спрашивать не стала. Сама выяснила. Они поженились восемь лет назад. Похоже, по залету. У нее на тот момент имелась в собственности квартира в Коломенском, пятьдесят шесть квадратных метров, и вот этот коттедж. Максим Юрьевич — гость из Виллюйска. Там ему какое-то жилье положено, но менять на столицу не стал, поселился у жены, на халяву. Когда поженились, дела у него шли неплохо: своя фирма купи-продай, «бэшка», ролексы, понты, рестораны. И за ней ухаживал красиво: бриллианты дарил, массаж делал. А пять лет назад затеял новое дело — сеть кафе сибирской кухни открыть. Евгении голову задурил: уникальное торговое предложение, грамотная концепция, инвесторы вроде тоже имелись. Предлагал вместе развивать, но она тогда уже работала в «Пегасусе», клуб оплатил ей декрет, и бросать стабильное место работы Женя не стала. Максим активно инвестировал, денег в дом вообще не носил, ей пришлось выходить на работу, платить Мите за няню. А дальше любящий муж еще «подсуропил»: набрал кредитов, расплатиться не мог, тянул до последнего. Жене признался, когда огромные пени набежали. Я бы на ее месте мужа далеко в лес послала, но Женя кинулась выручать своего драгоценного. Продала собственность, чтобы Максимчик рассчитался с долгами, и они с тех пор живут в этой дыре. Жене до работы — два часа в один конец. Детский сад для Мити — или государственный, при колхозе, в деревянном сарае, или коммерческий за большие бабки. А самое печальное, — Таня горько вздохнула, — что в Москве бы ее вытянули, наверное. У нас вроде целая программа городская против инсультов. На каждой подстанции реанимобиль приберегают для молодых, чтобы в «золотой час» успеть. А в области «скорая» ехала вечность. Никакого оборудования нет. Реанимация в местной больничке — отстой. Муж, короче, ее погубил. По всем фронтам.

— А где сейчас этот Максим работает? — поинтересовался Валерий Петрович.

— Болтает, что скоро с новым бизнесом прогремит, — брезгливо скривилась Таня, — но пока что курьер. На «каблуке» развозит скобяные товары.

— Тебе он не нравится, — констатировал Ходасевич.

— Да вообще мерзкий тип! — раскраснелась Танюшка. — Слабак, предатель. И Женю убил. Именно он, собственными руками.

— Доказательства?

— Ну... мы много говорили с Митей. Он рассказал, что случилось в ту ночь, накануне того, как мама заболела. Женя приехала домой очень поздно. Уже светлело, и птицы во дворе пели — то есть было, наверное, часа четыре утра. Главврач сказал мне, что инсульт могло спровоцировать то, что она понервничала. И понятно, кто ее довел: Максим орал так громко, что Митя проснулся. Прибежал защищать. Но мама его обняла, убаюкала. А утром он ее нашел в гостиной, на диванчике. Сначала решил: спит. Но посмотрел на часы — время девять. День будний, обычно она на работу в семь из дома выходила. Решил разбудить — не просыпается. Гладил, целовал, за руку тянул. Даже водой полил. Дышит — но глаза не открывает. Тогда побежал папу звать. Короче, моя версия. Женя, конечно, на мужа из-за своей квартиры дико злилась. А он — тот еще кобель, с гонором, не любит, когда суют мордой в грязь. Устал выслушивать упреки. Да и смысла в жене не видел — обобрал уже до нитки. Поругались в ту ночь, она, видимо, разнервничалась, пошла выпить воды. А он ей подсыпал какую-нибудь дрянь, чтобы давление резко повысилось. Думал, случится инсульт, она сразу умрет, — у него свобода, да еще и дача останется.

— В больнице должны были взять анализы.

— Да что они там взяли! Клинику да биохимию. Никто же не думал, что может быть криминал, — отмахнулась Таня.

— Тогда вряд ли что-то получится доказать, — констатировал Ходасевич.

— Теперь, конечно, не докажешь, — ворчливо проговорила падчерица. — Но прижать этого Максима все равно можно. По другому поводу.

Татьяна — ученица Валерия Петровича! — прекрасно понимала: обвинять без доказательств бессмысленно. Поэтому накануне визита к отчиму взяла на работе очередной отгул и еще раз навестила провинциального доктора-денди. Боялась, что тот пошлет куда подальше, но он словно ждал ее визита. Налил чаю, охотно предъявил все документы, оформленные с чисто английской дотошностью.

Комиссия действительно собиралась. Состояла она из трех опытных врачей (во главе, естественно, с ним самим). Медики провели обследование, зафиксировали устойчивую кому, атонию мышц и отсутствие всех рефлексов. Энцефалограмма показала полное электрическое молчание мозга. Доктора подтвердили смерть и подписали соответствующий протокол.

После того как смерть зафиксирована, гонять аппарат ИВЛ, переворачивать, обтирать больную бесплатно, разумеется, уже не будут. Супругу

предложили оплатить дальнейшие расходы по поддержанию жизни пациентки. Однако тот, когда услышал сумму, только крякнул и предпочел быстренько написать заявление. Его доктор тоже предъявил. Почерк твердый, ни единой помарки: «Бесперспективность лечения моей жены Сизовой Е.П. осознаю, против отключения от систем жизнеобеспечения не возражаю».

И даже проститься с еще живой (пусть и формально) супругой не пришел. Хотя мог, — особо подчеркнул главный врач, — отключению аппаратов всячески препятствовать. Просить, настаивать, в Минздрав жалобы писать.

Таня и с Аленушкой встретилась.

— Нехороший человек этот Максим, — поджав губы, говорила та. — У нас в отделении, даже когда старички совсем плохие, и то родственники плачут, умоляют дать шанс. И мы часто идем навстречу, пусть случай и безнадежный. Тяжело человека убить, когда он вроде как живой. И по факту никто годами в коме не лежит. Если суждено умереть — сердце само остановится. Ну, не сегодня — через неделю, две, три. Не такие уж большие расходы. А этот прямо спешил от жены поскорей избавиться.

Рассказывая все это, Татьяна разволновалась, покраснелась:

— Прошлый раз я встречалась с главным врачом перед нашим отъездом — примерно три недели назад. И тогда тот уверял, что рефлексy присутствуют, вопрос о смерти мозга ставить рано. А стоило нам уехать — быстренько все оформили. По документам, похоже, не подкопаешься, — докторишка протоколы знает, подстраховался. Но где гарантии, что эту энцефалограмму нулевую именно у Жени снимали?

— И что ты предлагаешь? — спросил Ходасевич.

— Да прижать их всех! Врачей — за халатность. Или вообще обвинить в сговоре с целью убийства.

Валерий Петрович отметил: едва прозвучало слово «убийство», филиппинка поморщилась, и резко повернулся к ней:

— Данг! Вы не согласны с Татьяной?:

— Нет, — с вызовом ответила та.

— Почему?

— Я считаю, что Женя жива.

Татьяна молча закатила глаза, Ходасевич, не подавая виду, что растерялся, мягко попросил:

— Приведите, пожалуйста, доказательства.

— Ну, хотя бы тот факт, что она по-прежнему продолжает приходить к Мите. Разве этого мало?

Прежде Данг являлись только вещие сны, да и то не всегда, а в полнолуние. Теперь же она и голоса начала слышать. Неделю назад работала, разминала очередную жирную, волосатую спину, и вдруг прямо в ухо женский крик:

— Помогите!

Потом абсолютно ясно увидела: люди в белых халатах по рукам-ногам связывают живую Женю. Она бьется, вырывается — но врачи (или, может, просто халаты надели) сильнее. В рот кляп сунули и поволокли куда-то. Данг охнула, оторвалась от массажа, схватилась за сердце.

— Че ты там встала? — недовольно проворчал клиент.

— Извините, мистер, — покорно пробормотала Данг и вернулась к массажу, но пальцы ее продолжали дрожать.

Вернулась к делу — пальцы дрожали. Посетитель брезгливо пробормотал:

— Фу, руки холодные. Как у покойника, — брезгливо бросил клиент, прервал сеанс и ушел недовольный, чаевых, естественно, не оставил.

У Данг, к счастью, обнаружился перерыв на час, и первым порывом было — позвонить Татьяне. Уже номер набрала, но в последний момент сбросила. Время — шесть часов вечера. Таня с Митей наверняка сейчас или на пляже, или в аквапарке каком-нибудь. Зачем их пугать? Вдруг, в самом деле, просто привиделось?

Она решила позвонить в больницу. Нашла в Интернете телефон справочной, долго слушала короткие гудки, но все-таки ей, наконец, ответили.

— Хочу узнать здоровье пациентка Сизова Еу-ге-ни-я, — изо всех сил стараюсь говорить без акцента, сказала в трубку Данг.

— Отделение какое?

— Интенсивная терапия.

Пошуршали бумажками, рывкнули: «Нет такой!» — и отключились.

Данг расплакалась. Девочки успокаивали, прибежала администратор, предложила таблетку от нервов — ну, или штраф, потому что полная запись, и новый клиент через десять минут.

Адским усилием воли массажистка взяла себя в руки. Работая над очередной спиной, она вглядывалась в полумрак комнаты, пыталась понять, что все-таки происходит с Женей, и никак не могла.

С трудом дотерпела, пока массаж закончится, побежала в туалет, закрылась — и набрала Таню. Та через час перезвонила и сообщила страшную правду: Женя умерла. Супруг решил систему жизнеобеспечения отключить.

Вместе поплакали, потом обсудили ситуацию. Таня обещала, что будет держаться, ребенку правды не скажет, спокойно догуляют отпуск.

А Данг никак не могла понять, почему у нее не получается представить Женю мертвой. Из-за странного сна, что ли?

Два дня ломала голову, что предпринять. И, наконец, поняла: ей надо поехать на кладбище. Название кладбища она выведала в больнице — Богородское. Маршрут проложила с помощью Интернета. Далекое, но не критично. На метро, потом на маршрутке.

В четверг, единственный выходной, ей ужасно хотелось поспать, но она мужественно поднялась по будильнику, в восемь. В метро оказался самый час-пик — всю дорогу ехала стоя, в толпе. Зато в маршрутке сидела одна.

Когда приехали на конечную остановку — в поле, у чугунных ворот, народу никого, — она испугалась. Но тут очень вовремя подкатил катафалк, из него высыпали люди в траурных одеждах, и Данг смешалась с печальной толпой. Прошла вместе со скорбящими сквозь ворота и застыла в растерянности. Ничего себе, какое огромное! У них в деревне чуть больше ста могил, а тут, куда ни кинь взгляд, — сплошные кресты и памятники.

Ей стало не по себе — она знала, что души мертвых, даже давно ушедших, часто посещают места, где захоронены их тела. Но страх иррациональный быстро сменился тревогой другого толка: как и где ей Женину могилу искать? По какому принципу все организовано — вообще непонятно. Совсем свежие холмики соседствуют со старыми, замшелыми памятниками. А обойти все кладбище, разглядывая таблички с фамилиями, она и до вечера не успеет. Хотела зайти в комнату с надписью «Администрация», но на двери объявление с известной ей надписью по-русски «Справок не даем». Тогда Данг нырнула в магазинчик. Венки, цветы, гробы, за прилавком старушка.

— Можно купить у вас цветы? — старательно выговаривая слова, спросила филиппинка.

— Живые? Искусственные? Букет? Корзину? Венок?

Данг не знала, как принято в России, поэтому произнесла по наитию:

— Большой красивый букет живых цветов.

— А емкость?

— Что?

— Есть куда поставить?

— Н-нет. Но я могу купить йомкость у вас.

В магазинчике имелось немало дешевых нарциссов, но Данг выложила приличную сумму за розы. Когда довольная продавщица пересчитала деньги и вручила ей букет, а также пластиковую банку в качестве вазы, она спросила:

— Вы можете мне помочь?

Старушка оказалась участливой. Не только сбегала в администрацию, чтобы узнать место нужной могилы, но даже закрыла магазин и взялась проводить до места:

— А то у нас такой лабиринт, можете заплутать.

По пути морщила лоб, вспоминала:

— Евгения Сизова... Сизова... Что-то знакомое.

— Совсем недавно ее похоронили, — подсказала Данг. — Молодая еще, сорока нет.

Старушка провела ее сквозь ряды могил и показала:

— Вот.

Голо, бесприютно, ни ограды, ни скамеечки. Только свежий холмик земли, грубо сколоченный православный крест, да металлическая черная табличка с фамилией.

Данг присела на корточки, с трудом разобрала надпись:

— Сизова Е.П.

Теперь ей нужно было остаться одной, но старушка уходить не спешила. Сыпала указаниями:

— Цветам обязательно стебли обломай. Если оставишь длинные, мигом упрут. Вода вон там, в кране. А камни здесь, гляди. Обязательно положи несколько в банку, а то упадет.

— Спасибо.

Все? Уйдет она, наконец?

Но продавщица вдруг радостно хлопнула себя по лбу:

— Вспомнила! Видела я ее похороны. Несколько подруг и муж-жадюга.

Данг это слово знала и согласно кивнула.

Но старушка продолжала сокрушаться:

— Не по-людски это — на церкви экономить. А он на отпевание нормальное денег пожалел.

— Отпевание? — не поняла Данг.

— Ну да, ты же мусульманка. А православных перед смертью отпевают. У нас, в церкви. Видела на входе? Официально за это платить не надо, но пожертвование нормальные люди дают. А жлобы — в больничный морг священника зовут. Это дешевле, но для души усопшего нехорошо. Отпевать в церкви надо. Рядом с иконами.

— Женья, по-моему, не верила в Бога. Почему вы считаете, что ее вообще от-пе-ва-ли?

— Тогда бы только табличку поставили. А тут крест православный. И гроб заколочен был. Значит, отпевание провели. Священник по оконча-

нии службы тело покрывает, все бросают туда по горсти земли, и гроб закрывают, — объяснила продавщица и, качая головой, наконец, удалилась.

А Данг отложила цветы и присела возле могилы. Нехорошее ощущение, преследовавшее все эти дни, охватило ее целиком. Опасливо оглядевшись, она приложила обе ладони к холмику, утопила руки в земле, сосредоточилась.

И предчувствие, что сопровождало последние два дня, подтвердилось.

Труп в могиле, безусловно, имелся.

Но то была не Женя.

В этом Данг теперь абсолютно не сомневалась.

Таня (хотя слушала рассказ массажистки явно не в первый раз) увлеклась. Морщила лоб, хмурилась, поглядывала на отчима.

Валерий Петрович — при всем своем недоверии к экстрасенсорным линиям в расследовании — тоже проникся историей.

Всякое бывает на этой планете. Может, действительно умеет девушка чувствовать, видеть то, что для других скрыто.

Но оставался главный вопрос. Его, не чинясь, он задал:

— Хорошо. Допустим, вместо Жени похоронили кого-то другого. Но зачем? Кому это нужно? Кому выгодно?

Филиппинка потупилась. Бросила быстрый взгляд на Таню и прошептала:

— Прости, что раньше не говорила тебе.

— О чем? — подобралась Татьяна, но Данг уже перевела взгляд на Ходасевича и твердо произнесла:

— Я считала, что не имею права обсуждать своих клиентов. Даже с подругой. Но сейчас другого выхода нет. Женя не та, за кого себя выдавала.

— И кто же она? — спокойно спросил Ходасевич.

— Не знаю. Но это не простая бухгалтер. Курицы в Лагерь смерти не ездят.

— Куда? — подскочила Татьяна.

— Это секретная организация. У меня дома, на Филиппинах.

Данг тогда была совсем молода, ни мужа, ни детей. Искусству своему массажному только обучалась, и учитель говорил, что надо очень много практиковаться. Посоветовал отправиться отточить мастерство на курорте Эль-Нидо, что на острове Палаван. Ходишь по пляжу, кричишь: «Массаж, массаж!» Кое-какие деньги, хорошая закалка и бесценный опыт.

Опыт оказался тяжелым. Не платили, ругались, приставали. Ночевать приходилось в жалкой хижине. Но встречались и хорошие люди. Один из

них — молодой американец по имени Грег — после очередного массажа на пляжном лежаке предложил юной Данг постоянную работу.

Девушка опешила:

— Но у меня даже сертификата пока нет, — опешила девушка.

Собеседник ухмыльнулся:

— Я знаю, — ухмыльнулся Грег. — Специалисту с сертификатом платить надо больше. А я тебя на десять долларов в день беру.

— И что надо делать?

Глаза у нее, наверное, были такие испуганные, что американец от души рассмеялся:

— Думаешь, еще и секс с тебя потребуем? За десятку-то? Не бойся. Будешь делать только то, что умеешь. Массаж.

И рассказал, что в двадцати километрах от курорта есть тренировочный лагерь. Условия походные: палатки, москиты, пища на костре.

— Это... армия? Военные? — неуверенно спросила Данг.

— Нет. Это не армия. Там и парни, и девушки. И все они — придурки. Ты «Фактор смерти» смотрела?

Страшную программу — где героям приходилось лазить по отвесным скалам, прыгать на полном ходу с поезда и есть пауков — Данг иногда поглядывала. Забавно наблюдать, как другие рискуют жизнью, когда сама сидишь в шезлонге с чашкой травяного чая. Неужели новый выпуск у них на Филиппинах снимают?!

Но Грег объяснил, что это не съемки. Только лопухи на кастинг в передачу «на дурачка» приходят, а те, кто реально хочет победить, загодя проходят адскую физподготовку, занимаются альпинизмом, тренируют вестибулярный аппарат, выносливость, силу. Для того и существует этот лагерь, организованный предприимчивыми бывшими спецназовцами и официально нигде не зарегистрированный.

— Гоняем их не по-детски. Ну, и сама понимаешь, от сильных нагрузок случаются проблемы. Кто ногу растянет, кто спину дернет. А в город на массаж не доехать — весь день по минутам расписан. Вот мы и решили найти кого подешевле, но не с кривыми руками.

И Данг согласилась.

Но первой же ее клиенткой оказался не бравый мачо, а худенькая, загорелая, вся состоящая из мускулов и мышц, девчонка. Женья.

— Она и ее друг Дэнис там были единственные русские. Тренировались как сумасшедшие. Хотели попасть в программу «Фактор смерти для пар». Женья спину повредила. Их возили делать парашютные прыжки с малой высоты, и она приземлилась неудачно. Сильное смещение. Я долго не

могла поправить. Но потом получилось. И она стала ходить каждый день. Чаевые давала хорошие.

— Ничего себе! А мне голову дурила: домохозяйка! — возмутилась Татьяна.

— Это не моя воля была, — кратко оправдывалась Данг. — Женя — когда мы случайно встретились в Москве и друг друга узнали — очень просила, чтобы я никому про ее прежние увлечения ни слова. У нее новая жизнь, работа бухгалтера, муж и ребенок. Она сказала: «Я теперь курица, Данг. Пожалуйста, не выдавай. Для меня это смертельно опасно».

— Но «Фактор смерти», я так понимаю, — это просто забава для крутых ребят. А чем она на жизнь зарабатывала? — спросила Таня.

— Я обещала Женье никому не раскрывать ее секретов. Но сейчас это уже не важно, наверное. Я так думаю, она и Дэнис были «солдаты удачи». Мне русский язык всегда нравился, поэтому я немножко понимала, о чем они говорили. Они зарабатывали деньги дерзкими преступлениями. А в свободное время отдыхали — тоже экстремально. Просто загорать на пляже им было неинтересно.

— Ну, ничего ж себе! — восхитилась Татьяна.

— Вы с Женей в Москве когда встретились? — вмешался в разговор Валерий Петрович.

— Примерно полтора года назад. Она записалась ко мне на массаж и очень обрадовалась, что я — та самая Данг.

— А как вы считаете, она и здесь продолжала заниматься рискованными аферами?

— Думаю, что нет.

— И когда с прошлым покончила?

— Когда забеременела, я полагаю.

— А с этим Дэнисом она общалась?

— Тоже вряд ли. Женя сказала, что порвала с ним. Давно и навсегда.

— Но если она много лет не в деле — зачем ее похищать? Что такого она могла знать? Для кого представлять интерес?

— Я не знаю, — беспомощно улыбнулась филиппинка. — Поэтому и пришла, чтобы вы помогли выяснить.

Валерий Петрович, конечно, не поверил в дикую версию Данг, но некоторые запросы касательно смерти пациентки сделал. Полученную информацию проанализировал, а потом сосредоточился на личности Жени Сизовой. Неординарная оказалась девушка.

В бывшей конторе досье на нее не имелось — что, возможно, свидетельствовало об ее виртуозном преступном мастерстве. Зато Ходасевич

смог получить любопытную информацию из Федеральной миграционной службы (когда-то ОВИРа). Свой первый заграничный паспорт Женя получила в восемнадцать лет. Самое начало двухтысячных. Народ только входил во вкус заграницы. Осторожно осваивал Турцию, Египет. Мальдивы тогда казались местом фантастическим, запредельным. А юная гражданка Сизова за один только 2002 год побывала на Филиппинах, в Японии и в Сингапуре.

Женя была родом из города Киржач Владимирской области. Мама — учительница, отчим — неработающий инвалид. (Потерял ногу на первой чеченской.) Сизова окончила школу, но никуда поступать не стала, больше десяти лет нигде не училась и не работала (по крайней мере, официально).

Рассеянную жизнь без трудовой книжки и с частыми вояжами за границу Евгения Сизова вела почти до тридцати лет. В двадцать три года приобрела квартиру у метро Коломенская. В двадцать восемь у нее появился коттедж в Истринском районе. В двадцать девять она вышла замуж за Тасенкова — на тот момент владельца довольно крепкого ООО. Тогда же окончила курсы бухгалтеров, сразу нашла работу в фитнес-центре «Пегасус». И хотя считается, что без высшего образования перспективы карьерного роста невелики, за Женю там держались. Оплачивали ей декрет (из него она, впрочем, вышла буквально через пару месяцев после рождения ребенка). Через три года доросла до должности главного бухгалтера. Успевала и балансы сводить, и сына воспитывать.

Полезно бы потолковать с главврачом клиники, с медсестрой Аленушкой, с новоиспеченным вдовцом Максимом. Но тащиться в Истринский район на общественном транспорте Ходасевичу не хотелось. Зато фитнес-центр «Пегасус», по счастливому стечению обстоятельств, располагался совсем недалеко от родной Сельскохозяйственной улицы. Поэтому Валерий Петрович решил расспросить про Сизову у ее бывших сослуживцев.

Он принял душ, надел белую льняную рубашку, расцвел образ шелковым шейным платком и отправился в фитнес-центр.

Уже у порога его встретил грохот музыки. Место, видимо, популярное: у административной стойки очередь, в баре с фруктовыми соками все столики заняты. К Ходасевичу подлетела девушка в униформе:

— Желаете приобрести карту?

— Подумываю.

Она с сомнением взглянула на его габаритную фигуру и предложила:

— Если хотите, могу экскурсию по клубу провести. Тренажерка, бассейн.

— Позвольте осмотреться сначала? Так сказать, оценить обстановку?

— Осматривайтесь. Контингент у нас, правда, м-м... более молодежный. Но и для пенсионеров есть занятия. Кстати, бесплатные, за счет городского бюджета.

Понятно, что на мужчину в расцвете лет он уже не тянул, но от предложения примкнуть к старикам сразу как-то тоскливо стало.

Валерий Петрович миновал стойку, соковый бар, маникюрную студию, салон красоты. Отдел продаж располагался в большой комнате со стеклянными перегородками — дверь была гостеприимно распахнута. А бухгалтерия оказалась заперта. Вход только для своих, по магнитному ключу.

Ломиться внутрь Валерий Петрович не стал. Остановился у стеклянной стены, сквозь которую виднелся бассейн. Делал вид, что разглядывает пловцов, а когда из комнаты вышли две дамы, последовал за ними.

Сотрудницы, как он понял из их разговора, шли в ближайший продуктовый, скрасить будни тортиком. Ходасевич с удивительной для своих объемов легкостью втиснулся меж ними и галантно спросил:

— Прошу прощения, милые создания. Не могли бы вы уделить мне пару минут?

— По поводу? — Та, что постарше, метнула быстрый взгляд на его безымянный палец без обручального кольца и, несомненно, оценила шейный платок от «Аскот».

У Ходасевича, спасибо друзьям, имелся действующий документ его бывшего грозного ведомства, но пугать им женщин он не стал. Премонстрировал запаянное в пластик удостоверение частного детектива (подарок ученика, владельца успешного детективного агентства Паши Синичкина).

— Ничего себе! — оживились бухгалтерши. — А что конкретно вы расследуете?

— Позвольте угостить вас кофе? — спросил Валерий Петрович — они как раз проходили мимо летнего кафе.

— Да мы буквально на десять минут вырвались, — начала капризничать та, что помоложе. — И в магазин еще надо.

А та, что постарше, твердо сказала:

— Ну, и иди в магазин. А я пока человеку помогу.

Получаса не прошло, а Ходасевич уже знал, что Женю Сизову в бухгалтерии «Пегасуса» считали немного с приветом. Она не слишком любила общаться, держалась особняком. Из положенного ей отдельного кабинета не выманишь — готова была там сутками сидеть. В шаль куталась, точно старушка. Фиалки выращивала на подоконнике. А еще у нее был удивительный математический ум. Трехзначные цифры перемножала в уме, и суть всегда ухватывала мгновенно.

— На что мне три часа нужно, она за сорок минут делала, — рассказывала без всякой зависти сослуживица по имени Зоя. — И еще успевала при этом отвечать на звонки, сыну указания давать.

— А почему же она с такой светлой головой в институт не поступила? — простодушно спросил Ходасевич.

— Призналась однажды, что в ранней юности влюбилась, потеряла голову, в чужой жизни растворилась. А когда расстались, все пришлось с нуля начинать.

— Что же там за принц такой был?

— Ох, не скажу, Женя в подробности не вдавалась.

— Имени, фамилии не знаете?

— Нет, конечно.

— А она поддерживала с ним отношения?

— Полагаю, что нет. Женя любила повторять: «Теперь я скучная замужняя женщина без намека на изюминку».

— А с мужем ее вы знакомы?

— Мужа видела. Он, конечно, красавчик, но содержать таких дорого! — фыркнула Зоя.

— Вы это о чем?

— Женька, конечно, врала, будто у Максима свой бизнес. Но мы-то не слепые. На ее шее сидел, причем не только финансово. Она и работу тянула, и ребенка, еще по субботам какие-то уголки-краны покупала для ремонта и даже резину на машине сама ездила менять — муженек, видите ли, занят.

— Скажите, — сменил тему Ходасевич, — а вы были на ее похоронах?

— Да, — погрустнела женщина. — Нас от «Пегасуса» четверо ходило.

— Ничего странного не заметили?

— Ну... странно, что родителей не было.

— Почему?

— Муж сказал, мама расхворалась от горя, а отчим остался за ней ухаживать. Они пожилые уже, а из Киржача путь неблизкий.

— Еще что-то с отпеванием не так было, насколько я знаю.

— Ну, я с этим сталкивалась уже, когда тетку хоронила. По канонам, конечно, положено в церкви, но в больницах всегда предлагают — отпеть на месте. Так дешевле, и какие-то свои священники с тамошними моргами в доле, насколько я знаю. Спасибо, Максим хоть на такой вариант согласился, а то совсем было бы бесприютно Женечкиной душе.

— И Митю он на похороны не взял, — задумчиво сказал Ходасевич.

— Это как раз правильно! — потрясла головой бухгалтерша. — Зрелище ужасное, что только кома с людьми творит! Женька... она совсем чу-

жая в гробу была, бледная, щеки запали. Я ее не узнала. И другие, слышала, болтали: словно другой человек! Вот так живешь, крутишься и не знаешь, где тебя старуха с косой подстерегает.

— А Женя никогда не жаловалась? На высокое давление? Головные боли? Слабость?

— Может, и поднималось у нее давление, — вздохнула Зоя. — Высыпаться-то ей дома явно не давали. И тут себя не щадила. Могла часами сидеть, без обеда, без перекура. Под вечер зайдешь к ней — совсем бледная, под глазами синяки. Я ей, кстати, говорила пару раз: «Сходи к врачу. Или хотя бы тонометр купи». Но она только отмахивалась, мол, нет у нее никаких прав болеть. Вот и допрыгалась. Кстати, вы так и не сказали, что конкретно расследуете.

— У Жениных родственников возникли вопросы по поводу обстоятельств смерти, — уклончиво ответил Ходасевич. — Вы помните ее последний день на работе? Это был четверг, двадцать четвертое июня. Ничего необычного не заметили?

Собеседница округлила глаза:

— Но она не была в четверг на работе!

— Как?

— Отпросилась.

— Куда?

— Не знаю. Начальнице сказала, что семейные обстоятельства. Та взбеленилась, но пришлось отпустить. Женьку ценили.

— Хорошо. А в среду?

— В среду была.

— Выглядела нормально? Ни на что не жаловалась?

— А почему вы про это спрашиваете?

— Родственники боятся, что супруг мог ускорить ее кончину.

— Но зачем ему? — искренне удивилась Зоя. — У Жени был, как у Христа за пазухой, а теперь остался без ее зарплаты, да еще с ребенком на руках. Не, не дурак он, чтобы сук рубить, с которого ножки свесил.

— А Жене, кстати, продолжали начислять зарплату, когда она заболела?

— Ну... — смутилась Зоя, — сначала начисляли по полной ставке. А когда стало понятно, что все серьезно, до минималки снизили. Только прошу: об этом — никому!

— Можете на меня положиться. Как вы считаете: чья была идея отключить ее от системы жизнеобеспечения? Врачей или мужа?

— На похоронах болтали, что Максим только рад был. Но тут вопрос тонкий. Думаю, Женя сама бы не хотела лежать овощем, чтобы в ней жизнь

поддерживали. Даже если бы она вдруг очнулась, после месяца комы люди очень плохо восстанавливаются. Я знаю, у меня родственницу пришлось в психиатрическую лечебницу положить. Так что кто знает, как лучше.

Зоя отставила пустую чашечку и кокетливо улыбнулась:

— Ну что, я смогла помочь в вашем расследовании?

Ответить помешал звонок мобильного телефона. Ходасевич извинился, взглянул на определитель — Таня. Надо ответить. Он нажал на кнопку и тут же услышал возмущенный голос падчерицы:

— Валерочка! Где ты ходишь? Мы под твоей дверью стоим!

— Кто — «мы»?

— Я и Данг! У нас тут проблемы!

Сразу захотелось немедленно оказаться рядом, успокоить, помочь. Валерий Петрович извинился перед Зоей, объяснил, что возникло форсмажорное обстоятельство, но они обязательно еще встретятся, затем быстро поймал такси и помчался в очередной раз спасти любимую падчерицу. Во что она на этот раз вляпалась?

Когда отчим подверг обструкции ее версию, Татьяна сначала расстроилась. Но потом подумала и решила: пожалуй, дело говорит мудрый старик. Максиму убивать Женю по всем статьям незачем и невыгодно. А даже если и подсыпал яд — теперь все равно не докажешь.

Но пытливый ум никуда не денешь. И в тот же день возникла у Тани новая теория, куда более стройная. Место в ней нашлось и противному Максиму, и скользкому доктору, и вообще все концы сходились куда круче. Как ей раньше-то в голову не пришло?!

Чем больше обдумывала — тем больше вдохновлялась. Обсуждать, как просил Валерочка, свою теорию с ним Таня не стала. Лучше сначала самой проверить — и потом явиться с козырями на руках.

Позвонила на работу, договорилась об очередном отгуле и поехала к Мите.

О том, что мама умерла, мальчику так и не сказали. А сам он продолжал ее видеть. И хотя Данг утверждала, что сей факт доказывает, будто в могиле не Женя, но кто-то другой, Таня своей массажистке не верила. Да и надо логически рассуждать: Женю теоретически могли похитить — будь женщина в здравом уме. Но кому нужен человек в коме? Да еще целую спецоперацию проводить: подкупать врачей, подменять тело на похоронах? А потом выкидывать немислимые деньги за уход и лечение — причем с крайне сомнительным результатом.

Митя ее днем не ждал и очень обрадовался: просиял, кинулся на шею. Соседка Люся немедленно отложила бульварный журнальчик и удрала.

— Сегодня пойдем в поход, — бодро сказала Таня и, отведав своего подпечного в лес, устроила ему мощнейшие «веселые старты». Мальчик бегал эстафеты, прыгал через бревна, лазил по деревьям, а после обеда (Таня привезла с собой огромную пиццу и разогрела ее в духовке) вырубился мгновенно.

Она посидела рядом, погладила по спинке, убедилась, что спит крепко. Дверь в его спальню оставила открытой, дом, на всякий случай, изнутри заперла и отправилась в библиотеку — Максимово логово.

На столе мерцал уснувший монитор. Таня включила компьютер и очень обрадовалась: пароля на вход не имелось.

Она уселась в кресло, быстро просмотрела папки на рабочем столе. Куча примитивных игрушек: «танчики», «контрстрейк», «валорант». Фотографий мало, жена с сыном в кадре — считанные разы, зато селфи во всех видах сотни: за рулем, в кафе, в спортзале, в парке. Прямо нарцисс мелкого пошиба.

Таня презрительно усмехнулась и открыла следующую папку: «Финансы». Оп-па! Введите пароль. А «всяко-разно»? Тоже под замком. И в почтовый ящик не попасть.

— Хитрая сволочь, — пробормотала она.

А как насчет истории поиска в браузере? Отлично! Не предусмотрел, не очистил.

Первый сайт оказался порнографическим. Второй — автосалоном, причем выбирал скромный курьер весьма недешевый «ниссан». А третий... «Трансплантация и цены на донорские органы в России».

Что-то в этом роде она и подозревала.

Похищение тела Сизовой Ходасевич всерьез даже не обдумывал. Но во время «совещания» с Таней и Данг ему пришла в голову иная версия, довольно страшная и неприятная. Пугать ею девушек он пока что не стал.

Максим мог ускорить Женину смерть еще по одной, весьма очевидной и выгодной причине.

О трансплантации органов от умерших Валерий Петрович в основном смотрел в фильмах и читал в детективах, но базовые правовые нормы знал. В 1937 году в стране (тогда Советском Союзе) постановили: тело человека после его смерти становится собственностью государства. И многие десятилетия возможность применения в клинической практике трупных тканей и органов считалась преимуществом советской медицины. Но с 1992 года под влиянием ВОЗ так называемое рутинное изъятие сменили на презумпцию согласия: если потенциальный донор заранее не написал, что возражает (или его ближайшие родственники после смерти подобное не сделали),

то забирать органы можно. В Европе и Америке по-другому — там донорами себя еще при жизни объявляют и ставят об этом отметку в водительских правах и медицинских картах.

Количество больных, кому показана донация, увеличивается с каждым годом. В очереди на трансплантацию — десятки тысяч людей. Бесплатную квоту, по слухам, ждать вообще бесполезно — умрешь гораздо раньше. Но пациенты со средствами (или их родственники) готовы на все, чтобы ускорить процесс.

Евгения Сизова, относительно молодая, здоровая женщина, несомненно, представляла для трансплантологов интерес. Но кома — чрезвычайно травмирующее для здоровья состояние. Чем дольше человек находится в ней, тем меньше шансов, что его сердце, почки, печень, глаза и другие органы будут пригодны для пересадки. Поэтому кажется логичным: не ждать, пока ее сердце остановится само, а установить диагноз «смерть мозга» и разобрать тело на запчасти. Тем более, когда имеется такой супруг, как Максим: он неприкрыто торопился стать вдовцом и нуждался в деньгах.

В случае официального изъятия органов в больнице должны были остаться соответствующие документы. Но если главный врач решил сделать маленький личный бизнес, прижать его будет несложно. Команда трансплантологов (а их всегда минимум двое) вряд ли осталась бы незамеченной в провинциальной больнице. Даже врачей не надо опрашивать — любая медсестра проболтается.

Максим явился только в десять вечера. Обычно Таня старалась исчезнуть сразу после его появления, но сегодня решила изменить тактику. Встретила в коридоре, спросила:

— Ужин греть?

— А ты умеешь готовить? — скривился Максим.

— Не умею. Но Митя попросил «ежики», и я попробовала. Подгорели, правда, слегка.

— Ну, давай, коли не шутишь. И сто граммов налей. Мне и себе.

— Вам налью. А я за рулем.

— Да ладно! Поздно уже. Куда тебе ехать? Оставайся ночевать. И Митька рад будет.

Для дела, конечно, полезно с ним выпить. А если ночью посмеет приставать — она сумеет отбиться.

Таня взглянула на часы, зевнула:

— Может, и правда остаться? Устала я.

— Давай, давай! — оживился Максим. — У меня портвешок есть португальский, специально для дам! Давно нам пора посидеть, поговорить по-человечески. А то смотришь вечно волком.

«Что-то надо ему от меня? Или просто собутыльник нужен?»

Хотя на втором этаже работал телевизор, и дверь была закрыта, Максим еще и музыку в телефоне включил. Таня от разудалого шансона скривилась, но он фыркнул:

— Терпи. Не хочу, чтобы Митька подслушал. Посоветоваться надо. Когда ему насчет мамки скажем?

Сам нужный разговор завел. Молодец!

— Я бы пока ничего не говорила. Митя верит, что Женя поправится.

— И сколько будем мальчика дурить?

— Ну, она ведь и жива... В определенном смысле.

Он разинул рот:

— Это ты о чем?

— Зря скрываете. Я считаю, очень благородно поступили. Один донор может нескольких человек спасти.

— Чего ты несешь? Какой такой донор?!

— Да ладно, Максим Юрьевич. Сердце на черном рынке — от ста тысяч. Печень, почки, селезенка — минимум по тридцать. А еще глаза, кожа...

— Прекрати! Заткнись, гадина! — со всей силы шарахнул кулаком по столу Максим.

Телевизор на втором этаже стих.

— Чего орете? Сейчас Митя придет, — примирительно проговорила Таня. — Но еще раз скажу: я вас не осуждаю.

— Да ничего ты не понимаешь! — взорвался он. — В жизни я никому не дал бы Женьку потрошить!

Таня прижала палец к губам. Дверь распахнулась, и в гостиную вошел перепуганный Митя:

— Папа, ты что кричишь?

Максим устало выдохнул, кинул на Таню злобный взгляд и ответил сыну:

— Бесит меня твоя тетя Таня.

— Тебя все бесят! — с укоризной сказал мальчик. — Не ругайся на нее!

— Ладно, Мить. Иди. Больше не буду.

Он подтолкнул сына к двери, вернулся к столу и вперился в Садовникову тяжелый взгляд:

— Могла бы просто спросить. Скрывать нечего. Он мне давно начал мозг полоскать, чтоб Женьку на органы.

— Кто — «он»?

— Врач очкастый, который в клетчатых брюках. Сначала про гуманность свистел, потом стал бабки предлагать. Врать не буду, подумывал, цены смотрел. Но потом решил: сто или двести штук проедем, а совесть — она со мной навсегда останется.

«Где твоя совесть была, когда у Жени квартиру отжимал?» — вертелось у Тани на языке, но обострять отношения она не стала.

Максим тем временем продолжал:

— Докторишка мне заливал, вот как ты, примерно: ваша жена в других людях останется! Но я Женькину волю не нарушил.

— Она что, распоряжения на этот счет оставляла? — наострила уши Татьяна.

— Нет. Но попросила, если первой умрет, чтобы никакого вскрытия. Я пообещал и забыл. Не думал, конечно, что ее волю исполнять придется, да еще так рано. Но сейчас... когда уже стало понятно, что не выкарабкается она... вспомнил. Докторишку на хрен послал и заявление написал.

— О чем?

— Ну, чтобы без вскрытия. И что донорство ее органов я запрещаю. Очкастый долго бесился. Но я ему сказал: «Хочешь — свое тело для науки отдавай. А мою жену не трогай».

Да, красиво поет. Правдоподобно. И заявление наверняка имеется. (Хотя доктор его почему-то не показал.) Но все равно у «безутешного» вдовца глаза ох какие лживые. И Таня резко сменила тему:

— А она верующей была?

— Женька-то? Да я сам до конца не понимал. В церковь вроде не ходила, посты не держала. Но крестик носила, Николаю Угоднику молилась.

— А что ж вы тогда похоронили ее не по-христиански?

— Почему это? — набычился Максим. — Поп был, отпевание тоже. Крест на могиле стоит.

— Отпевать надо было в церкви.

— А какая разница? — вроде бы искренне удивился он. — Мне сказали, в больнице удобней. Оно, и правда, удобней. И дешевле.

Глаза навывкате, наивные. Неужели такой артист? Или действительно не понимает, в чем его подозревают? Хотя, если Женино тело похитили, уж он об этом точно не знает.

— Максим, — тихо спросила Таня, — ты нас на юг специально услал? Чтобы аппараты отключить без помех?

— Ясно дело, — не стал он отпираться. — Не хотел при Митьке. Вдруг бы какой разговор случайно услышал. И на похороны парню еще рано.

— Зачем ты поторопился? Понятно, конечно, что шансов мало... Но хотя бы надежда была.

— И толку с той надежды? Мне доктора сказали сразу: один случай из миллиона. Из миллиона, понимаешь? А когда почти месяц в коме пробыла — вообще никаких вариантов. Даже если бы очнулась, это была бы не она, а глубокий инвалид. Думаешь, Женька бы хотела такого? Чтобы Митя памперсы ей менял?

— Я поняла. Проще убить, чем ухаживать.

— Да ничего ты не поняла! — отмахнулся он. — Я, дурак, к тебе за поддержкой, а ты устроила тут судилище.

Он тяжело поднялся. Таня тоже вскочила, сложила руки в умоляющем жесте.

— Максим, давай Мите пока ничего не говорить! Он так верит, что мама вернется!

— Все равно ведь узнает, — отмахнулся Максим и тут же неохотно добавил: — Ладно. Повольним. У меня тоже нет сил в глаза его жалобные смотреть.

Женя лежала, вся обвитая трубками. Аппарат ИВЛ тихонько жужжал, в окно заглядывала ущербная луна, освещала мертвенным светом заострившееся восковое лицо.

Вокруг койки стояли трое в белых халатах. Лиц в ночном полумраке не разглядеть, голоса приглушенные, словно сквозь толщу воды:

— Она мертва-а-а!

— Несомненно-о-о!

А потом вдруг рядом — гроб, почему-то белый, как для юной девушки. Руки в перчатках выдирают трубку из носа Жени, катетер из вены. Грубо перебрасывают тело в отороченный кружевами ящик. Она по-прежнему недвижима. Но на щеке отчетливо виднеется слезинка.

Двое в белых халатах покидают комнату. Остается третий, видно, что это женщина. Она молча стоит рядом с гробом. А когда шаги ее коллег затихают в коридоре, хватает Женю за руку и кричит — отчетливо, громко:

— Ты хочешь жить?!

И еле-еле слышный, как шелест крыльев бабочки, ответ:

— Да!

Данг позвонила утром, когда Таня жарила Мите оладьи, и нервно спросила:

— Ты можешь сейчас говорить?

Сковородка шипела, проклятые оладьи растекались по сковороде, вместо того чтобы лежать аккуратными кругляшками. Мальчик сидел на кухне, с увлечением рисовал: конечно же, свою маму.

— Слушаю тебя, — нейтральным тоном ответила Татьяна.

— Помнишь Альенушка? Медсестру, которая нас в реанимацию пустила?

— Помню, конечно, и что?

— Надо срочно к ней ехать. Ты можешь сегодня с работы уйти?

— Слушай, объясни, наконец, в чем дело!

— Нам надо немедленно с ней поговорить.

— О чем?

— Она знает, где Женя. Я уже из салона отпросилась. Но сама не справлюсь с ней поговорить. Помоги мне, пожалуйста. Во сколько у тебя получится к больнице подъехать?

Таня убавила огонь, отошла к окну, понизила голос:

— Данг! Какая больница! Мы же обещали Валерочке сначала все с ним обсуждать!

— Папа твой нас туда не пустит, — отрезала Данг. — А ехать — обязательно надо.

Любой серьезно захворавший россиянин стремится в столицу. Москва марку пока что держит. Да и ресурсы несопоставимы. Но достаточно километров пять от кольцевой дороги отъехать — уже начинаются палаты на восьмерых без удобств и шприцы за собственные средства. И если в столице клиники функционируют как единый, отлаженный механизм, то в провинции очень многое зависит от главврача. Любые новации и усовершенствования питаются, в огромной степени, его энергией, неравнодушием и связями.

Человек слабый, непримечательный на таком посту не усидит. А на личностей сильных, к счастью, имеется досье.

Сразу после «совещания» с Таней и Данг Ходасевич позвонил одному из своих многочисленных учеников, и уже через полчаса на его почту пришел файл.

Главный эскулап городской больницы Зареченска звался Томсон Эдвард Джеймс, ничего себе! Таня говорила, что тот под англичанина косит. Неужели настолько оригинал, что фамилию поменял? Или — вообще немыслимо — переехал в российский провинциальный город из туманного Альбиона?

Все оказалось проще. Отец — англичанин. Фамилию свою сыну дал, но в свидетельстве о рождении прочерк, и гражданство у мистера Томсона имелось только российское. Мама — Прасковья Филипповна, всю жизнь прожила в Зареченске.

Эдвард окончил в Москве медицинский институт, ординатуру. Специализировался на терапии и неврологии, работал в крупных больницах.

В клинической практике ничем особо себя не проявил, новаторских методик не придумывал, диссертации не писал. Зато в административной работе оказался неплох — в тридцать два года стал заведующим отделением. А семь лет спустя вернулся в родные пенаты — уже в статусе главного врача городской больницы. Держался на непростой должности уже лет пять, выбивал из бюджета современные аппараты УЗИ, томографы, в корпусе еще позапрошлого века постройки ремонт смог провести, оборудовал всю территорию системой видеонаблюдения. Зато и пометки в прежде почти идеальном досье пошли косяком: халатность, нецелевое расходование средств, аморальное поведение (интимная связь с медсестрой). Валерий Петрович умел читать между строк и вывод сделал очевидный: Эдвард за свое детище, похоже, болеет. Прилагает все силы, чтобы в условиях ограниченного ресурса держать подвластную ему больницу на плаву, и не всем это приходится по нраву.

В Зареченск — как и во многие клиники Московской области — периодически наведывались трансплантологи. Как часто бывает, на одну официально оформленную посмертную донацию приходилось несколько жалоб: «пациента угробили, чтобы разобрать на запчасти». По некоторым заявлениям проводились проверки, но действия врачей всегда признавали грамотными, а факты незаконного изъятия органов ни разу не подтвердились.

Мистер Томсон — опытный, осторожный администратор, и если Евгения Сизова действительно стала донором, все документы о том, скорее всего, присутствуют, и акт о смерти мозга тоже составлен идеально — на случай грядущих жалоб и проверок.

Но даже если выключить систему жизнеобеспечения поспешили, чтобы поскорее изъять сердце, почки, глаза и прочее, — в могиле все равно должно лежать тело Сизовой. В чем смысл труп подменять?

Имелось у Тани искушение — банально послать подальше Данг, вместе с ее предчувствиями.

Толстушку-медсестру по имени Аленушка она прекрасно помнила. Душевная, сентиментальная тетя, под журналом дежурств на посту любовный роман прячет. Пожалеть, осудить злого мужа, поквохтать — вот ее потолок. Но участвовать в заговоре? Подменять в гробу тело?! Бред! Однако Данг (впервые за все время знакомства) не просила даже, а настаивала, и Татьяна в итоге решила: день все равно пропал, на работу ехать поздно. А посмотреть, как ведунья будет допрос проводить, любопытно. Поэтому договорились через два часа встретиться у больничной проходной.

— Ты уже уезжаешь? — расстроился Митя. — А я маме пообещал, что сегодня все-все буду кушать, даже если ты мне рассольник сваришь.

Да что они, сговорились все?

И Таня ляпнула:

— Мить, вот объясни, как это может быть? Мама твоя без сознания, ничего не видит, не слышит. Каким образом она может говорить про рассольник?

— Не знаю, — растерялся мальчик. — Но я сегодня очень отчетливо ее видел.

— Видел?

— Да. Мама на моей кровати сидела.

— И во что была одета?

— У нее такая темно-синяя пижамка. И в носу трубочка пластырем приклеена.

— Трубочку помню. Но когда я твою маму навещала, на ней была белая кофта. Больничная, застиранная, довольно сиротская.

— Не знаю, — беспомощно улыбнулся Митя. — Сегодня — синяя. И новенькая. Наверное, переодели.

Бред, бред какой-то!

Таня поняла, что ей хочется Митю обнять, и обругала себя за сентиментальность. Приняла официальный вид, церемонно пожала маленькую ладошку и поспешила на встречу с Данг.

К больнице приехала с запасом больше чем в полчаса. Но филиппинка уже нервно ходила у ворот. Таня посигналила ей, припарковалась, вышла из машины.

Посещения разрешались только с пяти вечера, но охранники с удовольствием подрабатывали — пропускали всего-то за сто рублей.

Таня запоздало подумала: вдруг Алена сегодня выходная — после, допустим, суточного дежурства? Но Данг заверила:

— Здесь она. Я чувствую.

— И о чем ты ее спрашивать хочешь?

— О главном. Что они сделали с Женей. И где она сейчас.

— Посмотрит, как на идиотку.

— Предоставь это мне, — ответила Данг и, наморщив лоб, спросила:

— Альенушка ведь курит?

— Вроде да. От нее табаком воняло.

— Ты знаешь, где здесь курилка?

— Догадываюсь.

Таня как-то проходила мимо красивой, обсаженной молодыми березами, беседки. На входе, разумеется, красовалась табличка с перечеркну-

той сигаретой, но внутри вечно болтался народ в медицинской униформе (ушных больных, кто пытался прорваться в святилище, безжалостно изгоняли).

Девушки сели на лавочку неподалеку и стали ждать. Мимо текла больничная жизнь — относительно удачливых больных на каталках перевозили в диагностический корпус, грохотали телеги с огромными кастрюлями.

Таня уже приготовилась ворчать, что сидеть так можно хоть час, хоть два, но тут, наконец, появилась Алена. Она шла торопливо, на ходу доставая из кармана пачку сигарет.

Данг резво вскочила, Таня за ней. Увидев их, Алена настороженно спросила:

— Зачем вы здесь?!

Данг молчала, а Таня, чувствуя себя полной идиоткой, пролепетала:

— Женин сын сегодня опять ее видел. В больничной синей пижамке.

Медсестру бросило в краску:

— Ты издеваешься надо мной?!

А филиппинка тихо произнесла:

— Куда вы Женю перевезли? В какую клинику?

— К-как... перевезли? — позеленела Алена.

— На «ско-рая по-мощь».

— Что вы несете?! — Из огромных глаз синхронно выкатились две слезинки. — Женя умерла, есть все бумаги! Ее уже похоронили!

— Почему вы тогда так волнуетесь? — безжалостно спросила Данг.

А тут и Таня встряла:

— Вы органы у Сизовой брали для трансплантации?

— Какие органы?! — завизжала медсестра и вся пошла красными пятнами.

Таня в азарте подумала: «Замазана она! По самое никуда!»

Но продолжить допрос не удалось. К ним во всю прыть бежали двое охранников.

Увидев их, Алена с облегчением выдохнула и крикнула:

— Вот! Пристают ко мне! Угрожают!

— Как вы сюда попали? — налетел на девушек один из стражей.

— Да вон ему, — кивнула Таня на напарника, — сто рублей дала.

Медсестра со всех ног помчалась к корпусу, а Таню и Данг, словно преступниц, с позором вывели за территорию. На прощание тот, кто брал деньги, укорил:

— Подвели меня. Я думал, к пациенту, а вы — хулиганить!

— И чего мы добились? — спросила Таня, когда они сели в машину.

— Она завязана, — твердо проговорила Данг. — Ты разве не поняла? Женя не умерла. Ее отсюда увезли. И Альенушка это покрывала.

— А я уверена, что она как раз умерла. И у нее незаконно забрали органы для трансплантации.

— Кто тебя вообще просил с этим лезть? — огрызнулась прежде такая кроткая Данг. — Женя жива!

Таня сочла за благо перевести разговор на другую тему и спросила:

— Слушай, а почему охрана так быстро прибежала?

— Потому что мы находились на территории больницы незаконно! — удивленно посмотрела на нее Данг.

— Так я за то и денег дала, чтобы там находиться. Наверняка кто-то сдал нас. Сейчас, дай подумать. Один парень в белом халате стоял в курилке и с нас глаз не спускал. А когда ты на эту Аленушку налетела, сразу кому-то звонить начал.

— Случайно, не с хвостиком? Такой высокий, сутулый?

— Да.

— Тогда это Альенушкин друг. Или муж.

— Откуда ты знаешь?

— Когда я сидела с Женей в интенсивной терапии, он приходил, обнимал Альенушка, а она смеялась.

— Он может быть с ней в сговоре, — предположила Татьяна.

— Я почувствовала, о чем она думает, — вдруг сказала Данг. — Альенушка очень боится, что все раскроется, но ни о чем не жалеет. Считает, что поступила правильно.

— И к чему ты это говоришь?

— Нужен опытный человек, кому она все расскажет. Поехали к твоему папа? Он, мне кажется, сможет ее расколоть.

— Поехали. Уж кто-кто, а Валерочка точно сможет!

Весь остаток дня у Алены Аркадьевны прошел, будто в тумане. Правильно Федя ругает: нельзя витать в облаках, надо учиться быть хладнокровной, сильной и в критических ситуациях вести себя уверенно. А она разнюнилась, растерялась.

Ту, которая Таня, с ее глупыми вопросами про донорские органы, Алена Аркадьевна вообще в расчет не брала. Но вспоминала черные, пронзительные глаза второй — и по спине шла дрожь. Явно шаманка, колдунья. Страх ее почувствовала — и, как говорится, взяла на понт.

Федя, когда рассказала ему, про что разговор был, рассердился, разнервничался. Убежал с работы после обеда, сказал, ночевать будет у друга. Он с самого начала был против лихого плана. Но Алена тогда убедила,

настояла. Призывы к человечности мужа не слишком тронули — он, как все опытные врачи, давно циником стал. А вот деньги заинтересовали. Квартира обветшала до крайности, старушка «нексия» надсадно кашляла.

Алене казалось: если и есть недочеты в спецоперации, высшие силы вступятся, уберегут. Потому что цель-то благородная. И сколько дней все тихо было. Пока колдунья не явилась.

Себе жизнь испортила — ладно, праведным людям за добро пострадать нормально. Но остальные, кто завязан, ей точно мстить будут — за неприятности, а то и за крах карьеры. Феденьку еще можно будет умолить, чтобы пощадил, но Эдвард, несомненно, приложит все силы, чтобы ее уничтожить.

А хотела ведь как лучше!

Алена Аркадьевна тяжело брела после смены к дому, на душе была полная чернота. Она знала, что будет дальше — видела в передачах про экстрасенсов. Колдунья поделится своей информацией с операми, а уж те с удовольствием вцепятся. Кому охота ловить настоящих, матерых преступников — гораздо проще обвинить ее, простую медсестру.

Уснула она лишь на рассвете, проспала до обеда — на работу, к счастью, сегодня не надо.

Федя так и не появился. Но ближе к вечеру в дверь позвонили. Один раз. Тактично. Разве полицейские не трезвонят громко и требовательно?

Еле передвигая ноги, она пошла в прихожую и открыла дверь. На пороге стоял пожилой грузный человек. Один. Глаза нехорошие — цепкие, пронизательные. На его удостоверение Аленушка взглянула мельком и сразу втянула голову в плечи. Но про себя решила — отпираться будет до последнего.

Первым делом толстяк ей предъявил то, чего она и боялась, — распечатанный акт на двух страницах. Тот самый злосчастный акт об установлении смерти пациентки Сизовой:

— Алена Аркадьевна, потрудитесь перечислить, кто — поименно — присутствовал на комиссии?

Она посмотрела затравленно:

— Там внизу подписи, — севшим голосом ответила она и, затравленно посмотрев на незваного гостя, добавила: — С расшифровкой.

— Что-то неладно у вас с расшифровкой, — усмехнулся он. — Хорошо. Давайте разбираться последовательно. Врач-невролог Кокшенов Ф.М. Это Федор, ваш муж. Возражений нет? Отлично. Едем дальше. Врач-специалист Эдвард Джеймс Томсон, ваш любовник.

Алена дернулась, как от пощечины, а толстяк, удовлетворенно кивнув, неторопливо продолжил:

— И анестезиолог-реаниматолог Желяев И.Г. Что вы можете сказать по этому поводу? Он осматривал пациентку?

— Ну... да, конечно. Игорь Георгиевич тоже был.

— Да неужели? А все прочие утверждают, что Желяев в день комиссии на работе отсутствовал, хотя официально отгула не брал. У меня есть показания охранников: не было его в больнице. Есть также информация, почему на службу не пришел. Игорь Георгиевич — человек пьющий и частенько уходит в загулы. А вы его покрываете. Кто подделал его подпись? Вы?

Алена молчала. Как легко конструкция рухнула.

— Главный врач уже сознался: он на комиссию вообще не ходил, доверил вам. И документ подписал задним числом. Да, халатность. Но преступление — именно вы совершали. Кто — поименно — присутствовал во время освидетельствования? Кто присутствовал, когда вы отключали Сизову от аппаратов?

Она опустила голову еще ниже.

— Можете не отвечать, — усмехнулся гость. — Я знаю, что только вы и ваш супруг. Никакую энцефалограмму не снимали, инструментальных исследований не проводили. И аппараты отключать не собирались. Где она? — неожиданно рявкнул толстяк.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Алена Аркадьевна, я догадываюсь, что вы хотели пациентке только добра. И придумали неплохой план. Но знаете присказку? Знает один — знает один. Знают два — знают двадцать два. А у вас слишком много людей было вовлечено. Да и как скрыть, что из морга исчезло неостребованное тело? А тот факт, что накануне похорон Сизовой в морг приезжал профессиональный гример: работал с лицом скончавшейся от алкогольной интоксикации дамы без определенного места жительства? Вы свою спецоперацию ночью проводили, но дежурный санитар патолого-анатомического отделения, конечно, в курсе. Да и провожающие заметили: покойница крайне отдаленно напоминала Женю Сизову. Вы, конечно, ускорили отпевание, поспешили заколотить гроб, но это не помогло.

— Какую-то ерунду вы говорите! — выкрикнула Алена.

— Ну, не усугубляйте вы свою участь. Мы ведь эксгумацию проведем, — покачал головой гость.

И тогда она не выдержала — разрыдалась.

Авантюра обошлась Денису в сумасшедшую сумму, но он не жалел ни капли. Самое малое, что мог для Женьки сделать.

О беде с бывшей подругой узнал случайно, и только через две недели после того, как все случилось. Сразу примчался в больницу, прорвался сквозь охрану, одарил дежурную медсестру крупной купюрой, проник в реанимацию.

Толстуха в белом халате подвела к койке, показала на опутанное проводами и трубками тело. Он схватил безжизненную Женькину ладошку и прошептал:

— Жека! Я вернулся!

А она лежит бледная, безучастная.

Медсестра стояла рядом, глядела жалостливо.

— У нее есть шансы? — обернулся к ней Денис.

— Молитесь, — тихо ответила медсестра.

— А если ближе к делу?

— Что остается, если кома? — развела она руками.

Но Денис и перед смертью никогда не сдавался, а тут всего-то без сознания человек. И пусть когда-то с Женькой договорились, что расстанутся навсегда, в нынешней ситуации бросить подругу он не мог.

На местных докторов — это он понял очень скоро — надежды никакой. Женю здесь давно списали со счетов, а ее супруг (гаденыш!) спасти супругу даже не пытался.

Тогда Денис получил от сердобольной медсестры по имени Алена подробную выписку о Женькином состоянии и начал искать, кто возьмется за безнадежную пациентку. В столице наверняка должны найтись и новаторские методики, и талантливый доктор, кто осмелится победить смерть.

Но врачи только разводили руками. Слишком обширные поражения, состояние близко к вегетативному, шансов нет. В России человеческая жизнь всегда недорого стоила.

Денис оплатил срочный перевод медицинских документов на английский и принялся искать за рубежом. Почти сразу вышел на фонд: и транспортировку брались организовать, и прогнозы давали оптимистичные. Вел переговоры, торговался. А когда сошлись на цене (в долларах, с пятью нулями) главварь фонда не смог скрыть торжествующего взгляда. Денис сразу насторожился. Платить не стал и уже к вечеру выяснил: ребятки — банальные аферисты.

Опять тупик. В растрепанных чувствах поехал к Женьке. Пусть врачи уверяли, что душа подруги в иных мирах пребывает, сам он считал: Женя его слышит.

Сел у кровати, повинулся:

— Не могу пока помочь. Но выход найду. Жди. Мы с тобой всегда находили варианты.

И привычно пошел к толстой медсестре. В каждый свой визит подкидывал ей денюжат.

Сегодня Алена выглядела очень взволнованной.

— Нашли для Жени доктора? — нетерпеливо спросила она.

— Нет пока.

— Плохо! Ох, плохо! — побледнев, прошептала медсестра.

И рассказала, что утром был консилиум. Местные эскулапы сошлись во мнении: перспектив нет. Спросили мнение Жениного мужа. Тот высказался определенно: против того, чтобы систему жизнеобеспечения отключили, не возражает.

— Какое он право имеет? — возмутился Денис.

— Имеет, — вздохнула Алена. — Максим — ее законный представитель. А главврач наш тоже давно говорит: надо диагноз «смерть мозга» ставить и не мучить девочку.

— Но ведь шанс есть!

— У нас на всю больницу только пять аппаратов ИВЛ, — понизила голос медсестра.

— Господи, в чем проблема? Давайте я куплю!

— Не только в этом дело, — покачала головой Алена. — Тут очень многое от позиции мужа зависит. А он считает: даже если Женя очнется, то останется глубоким инвалидом. Не то, что работать, себя обслуживать не сможет. Ему такая обуза не нужна, и сына не хочет травмировать.

— Все равно он не имеет права ее убивать!

— Денис, не кричите, пожалуйста, — попросила медсестра. — Я-то полностью на вашей стороне. Но работаю давно, знаю, как здесь все устроено. Потому и предупреждаю: отключить аппараты могут в любой момент. Скорее всего, даже сегодня.

— И как это остановить?

— Вам надо с Максимом пообщаться. Вдруг удастся его убедить? — неуверенно предложила Алена.

Но Денису категорически претило идти на поклон к человеку, который явно ждал Жениной смерти.

— Слушайте... А если я просто заберу ее отсюда? — задумчиво спросил он.

— В смысле — заберете? Как?

— Да очень просто. Перевезу на частной «скорой» в хорошую клинику, обеспечу уход и буду спокойно искать врача, кто попробует привести ее в чувство.

— Максим этого не допустит.

— Почему?

— Сам платить не станет. И ваши деньги не возьмет — типа, бедный, но гордый. И потом... он, мне кажется, уже все решил. У него есть такое право, а у вас, к сожалению, нет.

— Да, Женька... — прошептал Денис. — Выбрала ты себе козла!

Его мозг лихорадочно соображал. Взгляд метался по реанимационной палате, спотыкался о сочувственное лицо Алены. Как ее можно использовать? Сохранить Женьке жизнь — не в компетенции медсестры. А вот прикрыть их отход она, наверное, сможет. Не самая сложная спецоперация.

— Ночью в корпусе охрана есть? — спросил у нее Денис.

— Вы что задумали?

— Я пока просто интересуюсь.

— Денис, не надо! — умоляюще сложила руки Алена. — Поднимется шум! Да и частных клиник не так уж много, вас сразу найдут!

— Другого выхода я не вижу.

— А у меня... у меня другая идея появилась... она, наверное, глупая, зато сразу бы все ваши проблемы решила. Не только любимую спасете от смерти, но и жизнь начнете с чистого листа. Если она вдруг очнется.

Комиссия по установлению смерти мозга — это только для непосвященных солидно звучит. На самом деле все довольно буднично. Там только трое, все наши. И я к ним подход имею. Врач-невролог — это Феденька, мой муж. Второй, реаниматолог Игорь Георгиевич, у нас запойный. Часто с вечера загуляет, утром на работу выйти не может. Но спец классный и мужик хороший, поэтому не увольняют. Да и я помогаю, всегда прикрываю. А третий — наш главврач. Мы с ним договоримся, он вообще присутствовать не будет и задним числом подпишет. Понимаете идею? На завтра объявляем комиссию. Мужа я уболтаю. Вы сегодня Игоря Георгиевича подкараульте и напоите как следует. Тот от бесплатного стакана никогда не отказывается — без разницы, кто предлагает. А дальше его, разумеется, понесет. Ну, и все прелестно. Реаниматолог загулял. Федя подписывает, я за Игоря черкну. Главному задним числом подсунем. От мужа заявление получим, но аппараты не отключим. Вы подъедете на «скорой» и заберете ее.

Денис смотрел на медсестру с искренним восхищением.

— Гениально! Супер!

Но она вдруг изменилась в лице и понурилась:

— Хотя нет. Глупость я придумала полную.

— Почему?

— Ну, раз она умерла... должны ведь быть похороны? Все и раскроется!

— Надо устроить, чтобы гроб закрытый был, — мгновенно парировал Денис.

— Сразу заподозрят. Оснований-то нет. Болезнь не заразная.

— А у вас есть в больнице не востребуемые тела?

— Есть, но я не понимаю...

— Вы в морге часто бываете?

— Если честно, стараюсь туда не ходить.

— Но наверняка слышали, что посмертное окоченение фатально меняет лицо. Но мы, конечно, и профессиональный пластический грим подключим. Специалиста я найду. Никто ничего не заметит.

— Но придется тогда очень многих втягивать! Санитары в морге узнают!

— Алена! Вы делаете благое дело. Не сомневаюсь, что у вас найдутся единомышленники. И сразу сумму скажите.

— Какую еще сумму?

— За то, что помогаете мне.

— Я не за деньги. Мне просто Женю жаль. И вашу любовь.

— Миллион рублей. Вам и мужу. Нормально?

— Вы с ума сошли!

— Да, этого мало. Полтора. Вот, возьмите аванс. — Достав из сумки пачку купюр, Денис ловко бросил ее в карман халата медсестры.

И немедленно взялся за реализацию плана.

Он редактировал заключительные выводы своей докторской диссертации, когда звякнул селектор.

— Викентий Ильич, вегетативное состояние посмотрите? — спросила администратор.

— Детали?

— Да ничего хорошего. Кома уже пятую неделю, прогноз крайне сомнительный. Но клиент состоятельный.

— Пол, возраст?

— Женщина, тридцать восемь. После геморрагического инсульта.

— Где лежит?

— Где-то в частной клинике. В центре, в районе Тверской.

Викентий Ильич задумался. Крайне сомнительный прогноз — это, в лучшем случае, полпроцента успеха. Но если у мужика есть деньги — почему не дать пациентке хоть микроскопический, но шанс? Тем более что и практический интерес имелся: вторая глава диссертации была посвящена как раз таким безнадежным случаям. А фактологического материала

в ней, на взгляд научного руководителя и самого Викентия Ильича, категорически не хватало.

— Ты объяснила, что о гарантиях в таких случаях речи идти не может?

— Разумеется.

— Сказала, что моя выездная консультация стоит двадцать тысяч?

— Да.

— Ну, хорошо. Я приеду ее посмотреть.

Частных клиник, где берутся поддерживать жизнь пациентам в коме, в Москве не слишком много. И услуги их более чем недешевы. Один день пребывания пациента стартует от ста двадцати тысяч рублей — отдельная палата, ИВЛ, поддерживающая терапия, уход. Сентиментальная медсестра Аленушка получила за свои услуги полтора миллиона. Плюс частная «скорая» (с дополнительной надбавкой за риск), и наверняка уже имеется чудо-доктор, пообещавший поставить Женю на ноги.

Огромные деньжищи. Да еще безо всяких гарантий, что пациентка очнется. Зачем таинственный незнакомец с ней возится? Какой важный секрет она знает? Или это правда — любовь?

Но деньги тогда у ее принца должны быть огромные, и вряд ли они заработаны честным трудом. Деловой человек, даже самый успешный, не вкладывается в убыточные проекты.

Сначала медсестра утверждала, что знает только имя — Денис. Но Ходасевич дал понять: отправлять любительницу романтики и ее соучастников под следствие он пока не собирается. Если, конечно, она приложит все силы, чтоб искупить вину.

— Вы шутите? — с робкой надеждой взглянула на него Алена.

— Ни капли. Я показал вам удостоверение частного детектива. Действую исключительно в интересах Евгении Сизовой. Поэтому топить вас у меня нет никакого резона.

— Тогда я все-все сделаю, чтобы помочь! К тому же мне самой интересно было, кто он такой, — и Алена протянула Валерию Петровичу снятую тайком фотографию.

Да. Такие нравятся женщинам. Синева глаз в обрамлении мудрых морщинок, римский нос, волевой подбородок. Имелись у Алены также мобильный телефон загадочного незнакомца и еле различимый снимок автомобиля марки «БМВ», на котором он приезжал.

— А «скорую помощь» вы видели? Номер записали?

— Да, конечно. Я ведь заранее охрану предупреждала, чтобы ее на территорию пустили.

Вернувшись домой, Ходасевич первым делом проверил комбинации цифр и букв.

Мобильник оказался оформлен на гостя столицы Фариды Султановича. Владелицей «бэшки» числилась старушка девяносто трех лет. Номер якобы «скорой» принадлежал оформленной на крупную госкорпорацию «Шкоде Октавии».

Денис явно постарался замести следы.

Можно было продолжать копать в данном направлении, но Валерий Петрович поступил проще. Увеличил на экране компьютера фотографию авантюриста и запустил программу распознавания лиц на основе баз данных социальных сетей.

Получил семерых, двое из них — очень похожи. Быстро просмотрел профили: Джеральд из штата Невада и Вадим из Владивостока. У обоих — жены, дети, масса друзей, множество фотографий из местных локаций. Похоже, мимо.

Яндекс-картинки и поисковая система Гугл тоже не помогли. И в базе МВД человек-невидимка не значился.

Но даже очень ловким оказалось не под силу тягаться с всевидящим оком столичного мэра. Московская система видеонаблюдения, по запросу Валерия Петровича, выдала четкое изображение.

Денис Юрьевич Богатов в начале апреля 2021 года вернулся из Турции, в аэропорту получил предписание об изоляции до отрицательного результата теста ПЦР, но на следующий же день попал в объектив видеокамеры — всего-то выносил мусор. Коронавирусом не заболел. Штраф в четыре тысячи рублей заплатил. Просто потрясающе. Человек, похоже, много лет прилагал все силы, чтобы не привлекать к себе внимания, — и засветился в момент, когда шел от квартиры до мусоропровода.

Валерий Петрович разделил экран компьютера надвое, тщательно сравнил обе фотографии. Пожалуй, да. Он. Абсолютное совпадение.

Тратить время на поиски следов фигуранта в Интернете не стал — предположил, что подобный ловкач, скорее всего, обнаружится в базе данных его бывшей конторы. И не ошибся. Досье на «принца» там имелось. И прелюбопытнейшее!

Первый раз Богатов попал в поле зрения органов в далеком 1996-м — по делу о фальшивых авизо. Проходил как свидетель, обвинение не выдвинуто.

В 2001-м — находился среди посетителей Эрмитажа в день похищения картины Жана Жероме «Бассейн в Гареме». Его причастность к краже произведения искусства не установлена.

25 июня 2009-го Богатов оказывается в Перми. В тот день в Дзержинском районе города происходит одно из самых крупных ограблений в истории России. Имелись предположения, что Денис Юрьевич был знаком с дерзким похитителем-одиночкой и, возможно, помогал ему спрятать награбленное. Однако инкассатора вскоре поймали, и тот категорически утверждал: действовал один, где закопал часть денег — не помнит. Денисом Богатовым снова заинтересовались, когда спустя восемь лет грабитель вышел на свободу, но он в контакт с преступником не вступал. Или этого не заметили.

Летом 2010 года Денис Юрьевич в течение двух недель крутился возле одиозной стройки Краснодарского края с аквадискотеккой, винодельней и прочим. Никаких правонарушений не совершил, но вряд ли он банально отдыхал в окрестностях малоцивилизованной деревни Прокофьевка.

Валерию Петровичу все больше и больше нравился этот человек.

И официальная биография слеплена — не придержишься. Квартира в Москве осталась якобы от родителей. Доходы — исключительно из легальных источников (удачливая игра на бирже, грамотный инвестиционный портфель). В преступных группировках не состоял, наркотических веществ не употреблял.

Но куда же Денис спрятал свою подружку? Проверять все подряд медицинские учреждения — дело муторное. Тем более что пациентки по имени Евгения Сизова на свете официально не существует.

Интересно, а по адресу регистрации Богатов проживает?..

Пока перспектив не было, подолгу сидеть у Жениной постели Денис не мог. Слишком больно смотреть, как с каждым часом из веселой, озорной, яркой девушки выходит жизнь, ее щеки все больше западают, тело ссыхается. Но все изменилось, когда за пациентку согласился взяться энергичный и очень дорогой доктор Викентий Ильич. И хотя врач честно сказал, что шансы крайне невелики, у Дениса появилась надежда.

Атмосфера безнадежности и пустоты, что прежде витала в палате, с появлением Викентия Ильича рассеялась. Врач сделал массу назначений. Настоял, чтобы у Жени были личные физиотерапевт и массажистка. С Дениса требовал как можно чаще навещать любимую женщину, говорить с ней, подбадривать или хотя бы просто держать за руку.

Богатов безропотно согласился исполнять предписания врача и оплачивать изрядные счета. Теперь он приходил в клинику каждый день. Одолевал доктора вопросами, путался под ногами, наблюдал, как проходят лечебные процедуры, живо интересовался, какие препараты Жене вводят. В Зареченске пациентка лежала заброшенная, а сейчас одна капель-

ница следовала за другой — в кровь поступали растворы для вывода токсинов, ноотропные препараты для улучшения работы мозга, антагонисты кальция для коррекции давления. И ежедневно — «авторский коктейль», специально подобранный внутривенный состав от Викентия Ильича.

Каждый раз после его введения щеки Жени слегка румянились, а безжизненные, холодные пальцы теплели и начинали подергиваться. И пусть доктор скромно говорил, что это просто реакция организма на препарат и позитивной динамики пока нет, Денис все равно воспрянул духом. Даже вечерами уходить не спешил — что ему делать в пустой квартире? Гораздо приятнее оказалось превратить комфортабельную палату Жени в подобие офиса. Он сидел в кресле рядом с ее ортопедической кроватью, отвечал на звонки и письма, в сложных случаях советовался с подругой — как раньше. Никаких ответных знаков, естественно, не получал — даже веки не трепетали, — но решения в голову все равно приходили правильные. Прежде не верил в мистику, но нынче с каждым днем убеждался: Женькина душа тут, рядом. Присутствует незримо и страшно злится на свое бесильное тело.

И пусть врачебный светило каждый день напоминал, что даже в случае успеха Женя никогда не сможет стать такой, как прежде, Денис надеялся, что они справятся. И постоянно вспоминал их общую «нормальную» жизнь — которую, впрочем, любой обыватель счел бы совершенно ненормальной.

Познакомились они в начале нулевых на трассе М1, в паре десятков километров от деревни Суетово. Денису было двадцать семь, он числился безработным и гордился своей репутацией богатого сыночка-бездельника. В реальности никаких семейных капиталов от пьющей матери не осталось, но молодой человек считал, что «мажором» выглядеть куда безопаснее. Только очень узкий круг знал, чем он в действительности занимается, и охотно использовал его как непревзойденного исполнителя деликатных поручений. Безбашенный, тренированный, да еще порядочный — редкое сочетание.

В криминал Денис всегда влезал осторожно, после тщательной подготовки. Но для смелых и сильных полно почти официальной работы. Вот и сейчас он — один, без сменщика и подстраховки, — перегонял из Германии новый «Мерседес». Самые опасные участки — Польшу с бандитскими засадами, и Белоруссию с фальшивыми милиционерами он счастливо миновал. А после Смоленска и бояться особо нечего, самодеятельных бандюков он монтировкой положит.

Когда в сумерках на обочине увидел ее — худенькую, юную, беззащитную, — сразу подумал: что-то новенькое, и, сбавив скорость, осмотрел

девчонку в свете дальних фар. Да она совсем пигалица! Куртка порвана, шапки нет, на щеке ярко-красной полосой проступает царапина. Из машины, что ли, выбросили?

Денис резко сдал к обочине и крикнул в приоткрытое окно:

— Прыгай!

Девушка ловко (сразу понял: спортсменка) впорхнула в машину и взмолилась:

— Поехали, быстрее!

Повиновался, быстро набрал сто тридцать. Зеркала заднего вида уверяли, что никакой погони нет. Девчушка жалобным голоском попросила включить печку, обняла себя руками и, всхлипывая, рассказала свою грустную историю: ездила в Смоленск, опоздала на последний автобус, частник на автостанции вызвался подвезти. Вроде совсем старый и безопасный, на деда ее похож, а по пути лапы стал распускать. Она сначала по-хорошему просила, но старикашка никак не унимался, вот и пришлось выпрыгнуть на полном ходу.

— Ясно, — кивнул Денис и, взглянув в ее заплаканные глаза, спросил: — Тебя куда отвезти?

— В С-суетово.

Местечко он знал, поэтому удивился:

— Живешь в деревне?

— У тети в гостях, — ответила девушка, но при этом покраснела.

— Зачем врешь?

— Ничего я не вру! — выкрикнула она и затравленно посмотрела на него.

Денис промолчал, но снова искоса оглядел ее. На первый взгляд, цыпленочек. Но бицепс, даже под ветровкой видно, прекрасно развит. И спина прокачана.

— Сколько раз отжимаешься? — спросил он небрежно.

— Нисколько. Вообще не умею.

— Хочешь за руль?

— Да вы чего? Я и водить-то не умею, мне только семнадцать.

— А звать тебя как?

— Женя.

— Спасибо.

— За что?

— Что хотя бы сейчас не соврала.

И тут она расхохоталась:

— Откуда вы взяли такой?

— Из Москвы. Поехали вместе?

— Какая Москва? — насупила брови Женя. — Мне домой надо, тетка небось с ума сходит. Вон Суетово. На остановке меня высадите, пожалуйста.

Он послушно затормозил, разблокировал двери. Она медлила, будто что-то собиралась сказать, да никак не могла подобрать слов.

Денис участливо предложил:

— Давай прямо до дома подкину? Вон, грязища какая, — участливо предложил Денис.

— Нет, нет, я сама дойду, — торопливо отозвалась Женя.

«Сроду нет у тебя никакой тетки в этом Суетово», подумал Денис, но ничего выпытывать больше не стал. На прощанье дал визитку и сказал:

— В любое время звони. И приезжай. Я москвич, холостяк. Квартира большая.

— Не езжу я к незнакомым холостякам, — отрезала она, однако визитку взяла.

Позвонила на следующий день. Денис только что передал заказчику автомобиль, получил гонорар и дисциплинированно нес его в банк — знал за собой грех покутить.

Номер был незнакомый, но смущенный голос — ее.

— Это Женя. Можно у тебя... перекантоваться пару дней?

— Да не вопрос! Когда приедешь? — искренне обрадовался он.

— Когдапустишь, тогда и приеду. Я на Белорусской сейчас.

Выспрашивать, что вдруг сорвалась из своего Суетово, Денис не стал — продиктовал адрес. И даже чудеса гостеприимства проявил: купил шампанское, фрукты.

Женя появилась через час. От царапины на лице (по виду довольно глубокой) ни следа. Ему еще вчера показалось, что это был грим. Зато на другой скуле имелся старательно замазанный кровоподтек. Этот уже настоящий. Интересная у девушки жизнь.

От шампанского Женя отказалась, но с удовольствием смела банку шпрот и четыре яйца (все, что нашлось в холодильнике). Потом попросила чаю и сказала решительно:

— Сейчас каяться буду. Простишь?

— А ты мне ничего плохого не сделала.

— Но должна была. Я... типа, в бизнесе. Приманка на трассе. Для таких, как ты, сердобольных.

— Я почему-то так и понял.

— Зачем тогда остановился?

— Что ты мне сделаешь, птичка?

— Могу челюсть выбить. Под дыхальце вдарить, управление перехватить. А если в машине двое-трое, своим знак даю, и они шипы на дороге раскидывают.

Хорохорилась изо всех сил, но по лицу то и дело пробегала гримаска. Видно, хорошо ей влепили, прежде чем отпустить из «бизнеса».

Денис подлил ей чая. Спросил:

— А если я еще хуже преступник? Или того больше — маньяк?

— Для маньяка у тебя слишком добрые глаза.

Женя категорически отказалась признаваться, с кем работала, где жила, откуда родом. Сказала спокойно:

— Если хочешь, чтобы вместе были — вопросов не задавай. И в постель не тяни. И готовить, всякое такое — это я тоже не умею.

— А на лопатки меня положишь?

— Даже пробовать не буду, — усмехнулась Женя. — Ты — мужчина, и по единоборствам — минимум КМС. Угадала?

— Почти.

— Вот видишь. Мой черный пояс против твоего — просто тряпочка. Да и какой смысл нам драться?

— Хочу понять, чего ты стоишь.

— Я в порядке. Кое-что умею. Но мы с тобой разве быдло — деньги грубой силой добывать? Работать головой куда приятней и эффективнее.

— Слушай, откуда ты взялась такая? — спросил Денис с искренним восхищением.

— Из рая к тебе снизошла, — широко улыбнулась Женя.

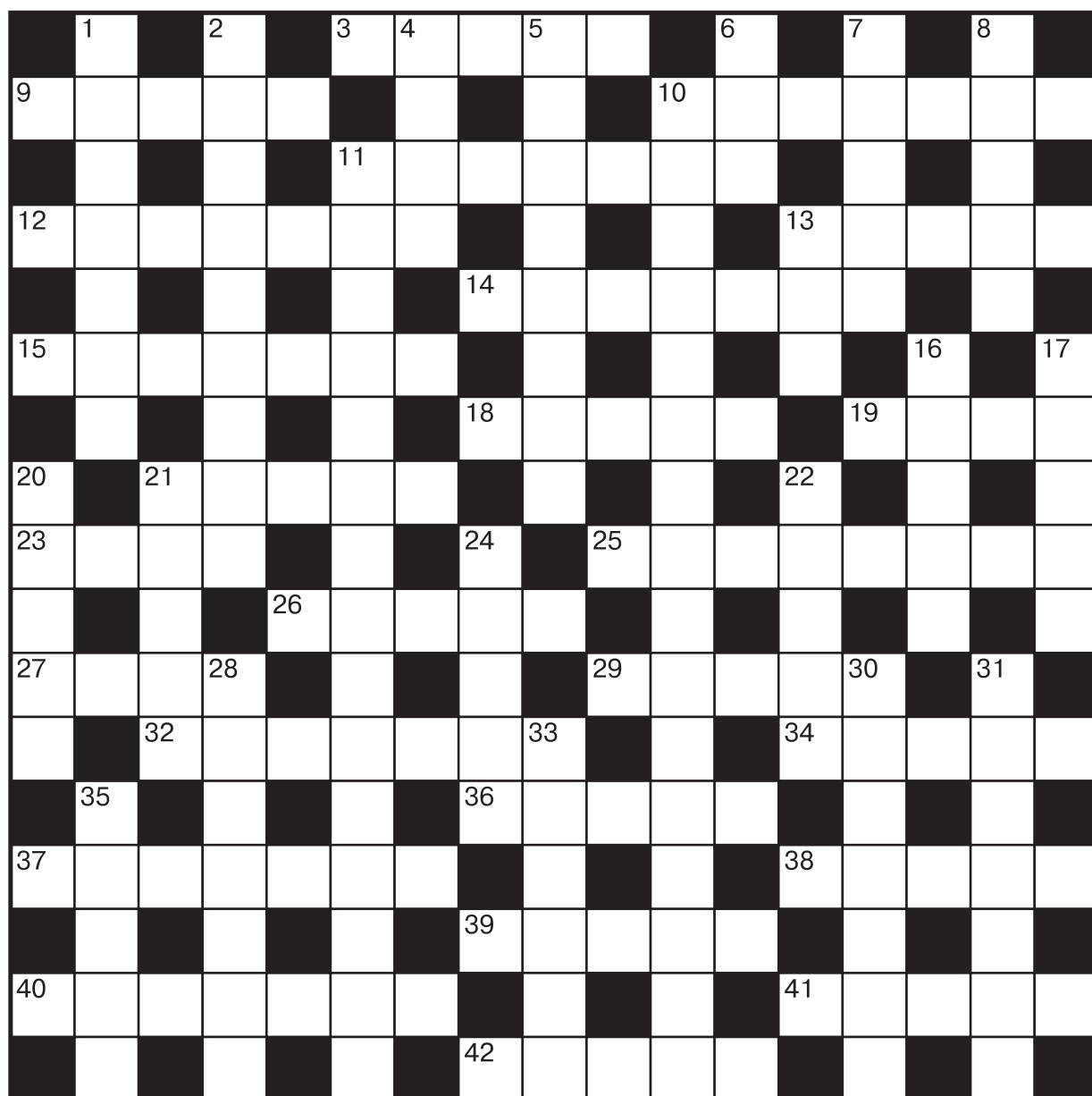
— Ты ошиблась адресом. Моя жизнь больше похожа на ад.

Он потянулся, было, поцеловать ее, но тут же получил по лицу и широко улыбнулся:

— А ты с когтями... райская птичка! □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Инкубатор для кенгуренка. **9.** «Плоть кетчупа». **10.** Кто из актеров советского кино родился под взрывы бомб в одесских катакомбах? **11.** При каком недуге принимать иммуномодулятор категорически нельзя? **12.** К какой из повестей Александр Пушкин изначально поставил эпиграф, взятый

из «Евгения Онегина»? **13.** Валлийская легенда гласит, что ... меча Эскалибура излечивают своего владельца от любых ран. **14.** Вредитель величиной с гнома, придуманный Стивеном Кингом. **15.** Что у пилота с комбайнером общего? **18.** Из какого города взял себе в жены киевский князь Игорь будущую княгиню

Ольгу? **19.** Кто поиском преступников зарабатывает? **21.** Зубная, но не щетка. **23.** Пфак-Пузырь, на котором ездил Ходжа Насреддин. **25.** От чего «аппетит уменьшается и к тому же внешний вид ухудшается»? **26.** Чемпион среди ягод по количеству натуральной сахарозы в мякоти. **27.** Окрошка, из которой вычли салат. **29.** Блатной амиго. **32.** Триумфатор на спортивном пьедестале. **34.** Завершающий фильм трилогии про Росомаху. **36.** Где проживал знахарь, приходившийся дедом Бараку Обаме? **37.** Кому дым отечества особенно «сладок и приятен»? **38.** Форма воронки. **39.** Какое дерево снабжает мир каучуком? **40.** У нее «перпендикулярные отношения» с широтой. **41.** Какая игра прославила чемпионку мира Анастасию Добромыслову? **42.** Какая фигура «оказалась крайней» на шахматной доске?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Погоня за выгодой «во чтобы то ни стало». **2.** «И вся земля была его наследством, а он ее со всеми разделил» (адресат

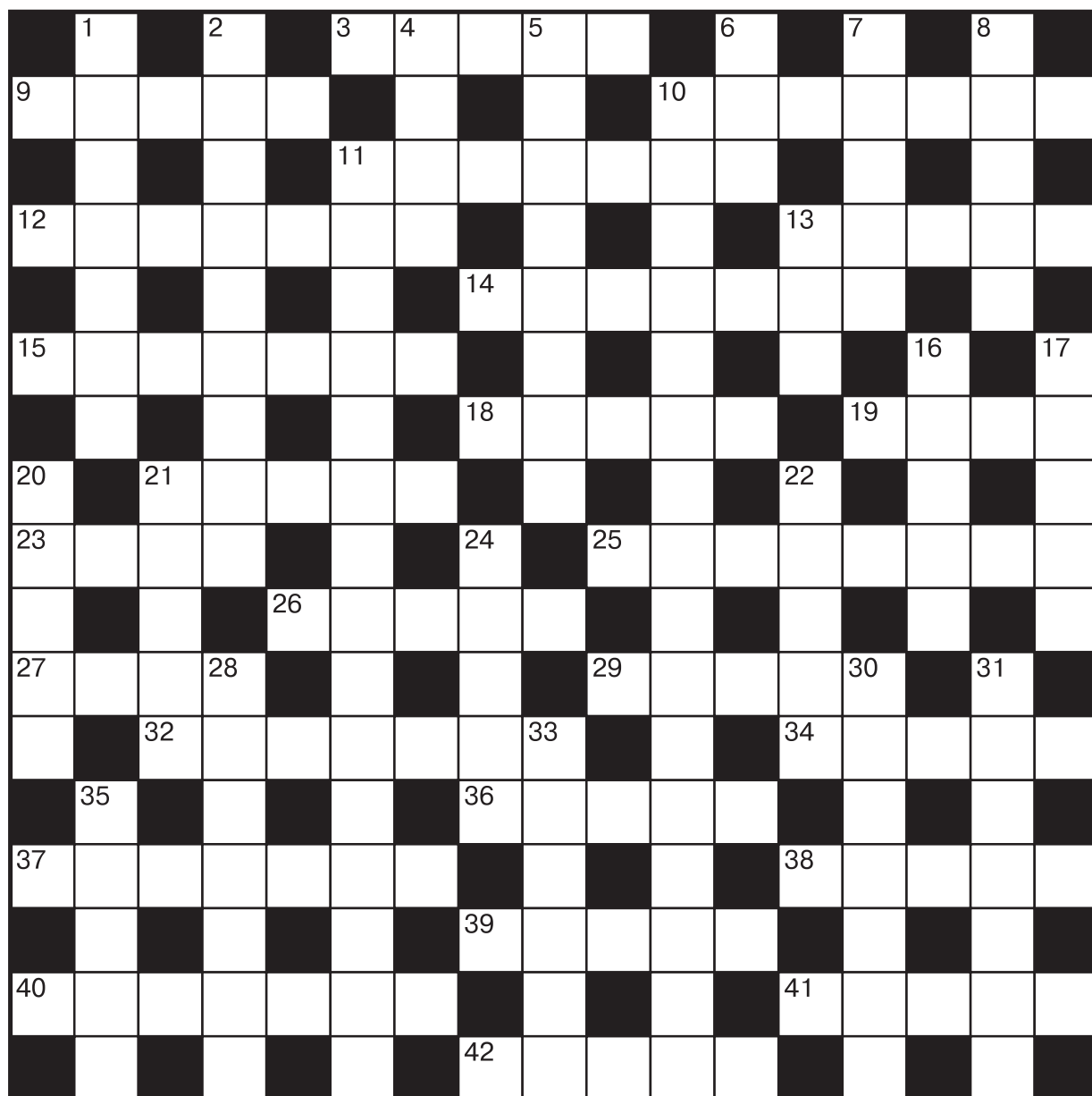
ахматовских строк). **4.** Какая горная система служит восточной границей Европы? **5.** «Грелка» на больное горло. **6.** Какой овощ Коко Шанель строго-настрого запрещала использовать своим поварам? **7.** Начинка яичницы. **8.** У кого из американских зверей весьма токсичный характер? **10.** «Электрический крикун». **11.** Проблемы «с успеваемостью». **13.** Какая африканская река замерзала дважды в истории? **16.** На чем медведь с герба Перми несет Золотое Евангелие? **17.** Какого певца музыки со слезами на глазах погребли у подножия Олимпа? **20.** Что может вырасти как на сосне, так и на лбу? **21.** Кто с эшафота живым уходит? **22.** Представитель «офисного планктона» Небесной канцелярии. **24.** Старейшая на сегодня ежедневная рабочая газета в России. **28.** У какого осетра самый длинный нос? **30.** «Кузя, друг Аленки». **31.** Что в огороде — растет, а в кармане — хрустит? **33.** Посмертный «адрес» праведников. **35.** Кого из патриархов советского кино за большой рост прозвали «Верста коломенская»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Марпл. **9.** Отдых. **10.** Муравей. **11.** Эрмитаж. **12.** Выпивка. **13.** Челси. **14.** Девясил. **17.** Створ. **20.** Карп. **23.** Дибуны. **24.** Буревестник. **25.** «Брат». **26.** Пузо. **27.** Техас. **29.** Ванга. **31.** Лабаз. **32.** Жало. **33.** Буфет. **34.** Гобой. **35.** Монах. **37.** Дартс. **38.** Отстрел. **39.** Сухов. **40.** Лимит. **41.** Яковлев. **42.** Цыган.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Отрыв. **2.** Рыжик. **4.** Аура. **5.** Пример. **6.** Муж. **7.** Гавел. **8.** Гессе. **10.** Маляр. **11.** Экстремал. **13.** Чижик. **14.** Добер. **15.** Якоби. **16.** Арбат. **18.** Будулай. **19.** Выговор. **21.** Путешествие. **22.** Страз. **23.** Диагностика. **28.** Самогуды. **29.** Ваганова. **30.** Лунатик. **32.** Жостово. **36.** Ветер.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Фанатик, застреливший Махатму Ганди. **9.** Головной убор чувашек, украшенный монетами. **10.** Какая иномарка способна ехать даже быстрее, чем самолет при разгоне? **11.** Кто занят поиском кандидатов на вакансию? **12.** Последний царь Вифинии. **13.** Античная родня змея Горыныча. **14.** Ут-

рата чувства жажды. **15.** Синоним энциклопедиста. **18.** Домосед из словаря Владимира Даля. **19.** Французский психолог, предвосхитивший многие идеи Зигмунда Фрейда. **21.** Количество ударов на одной лунке при игре в гольф. **23.** Кто из художников стал первым учителем Уильяма Блейка по живописи? **25.** У кого из ама-

зонок Геракл украл драгоценный пояс? **26.** Сергей в мужьях у Марины Цветаевой. **27.** Обход караулов. **29.** Звезда из Скорпиона. **32.** Праздник принесения жертвы у бурятов. **34.** Золотая рыбка. **36.** Ковшовый элеватор. **37.** Одно из великих вин Калабрии. **38.** Диктатор, приказавший Юлию Цезарю развестись с женой. **39.** Еврейское тушеное кушанье из мяса с овощами. **40.** «Он разрывается между добром и злом», а в зодиаке представлен Стрельцом. **41.** Какого хищника африканцы укрощают побоями и купанием в холодной воде? **42.** Старинный арабский костюм из черного шелка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Я щеточкою ногти полирую и слушаю старинный ...». **2.** Танец на лошадях у древних греков. **4.** Мужская песня адыгейцев. **5.** Какой класс яхт «принес» яхтсмену Валентину Манкину третью золотую медаль на Олимпийских играх? **6.** Бог границ у славян. **7.** Индийская каста торговцев. **8.** Русский

контр-адмирал, долго работавший таксистом в Париже. **10.** Алмазная трубка, при разработке которой нашли «Спасителя России» из кинокомедии «Ширли-мырли». **11.** Собрание историй про хитрых лисов. **13.** Одиночный заезд в велоспорте. **16.** Какой химический элемент назвали по аллюзии с «Обществом лучистых»? **17.** Скакун из названия литературного кафе, завсегдаем которого был Сергей Есенин. **20.** Ящичек для семейных идолов в алтайской юрте. **21.** Один из трех мифических циклопов. **22.** Форт Дубровника. **24.** Квасная кадка на Руси. **28.** Предатели в битве у Зеницы-Великой из «Песен западных славян». **30.** Какой поручик произвел первый выстрел по мятежным войскам 14 декабря 1825 года? **31.** Старое русское название пасеки. **33.** Какой комедийной актрисе посвящена сказка «Королевство кривых зеркал»? **35.** «За такую ночь, ребята, за ... веселый ваш наша армия когда-то ночью шла через Сиваш».

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Эрато». **9.** Пумба. **10.** Хабабех. **11.** Дурасов. **12.** Пекинес. **13.** Сайпл. **14.** Билибин. **17.** Бурет. **20.** Ключ. **23.** Ладакх. **24.** Талассархия. **25.** Озем. **26.** Кайт. **27.** Регул. **29.** Пагур. **31.** Сатан. **32.** Кена. **33.** Арула. **34.** Пифия. **35.** Абила. **37.** Канте. **38.** Аспазия. **39.** Ананд. **40.** Ролли. **41.** Фолишон. **42.** «Игрок».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Футер. **2.** Абаим. **4.** Роус. **5.** Транит. **6.** Лав. **7.** Дафан. **8.** Темпл. **10.** Хомич. **11.** Декуманус. **13.** Синая. **14.** Бесси. **15.** Сквоб. **16.** Лютер. **18.** Батарея. **19.** Кхаттак. **21.** Замедлитель. **22.** «Орлан». **23.** Лигурийское. **28.** Ламбаног. **29.** Павленко. **30.** Ермаков. **32.** Киматий. **36.** Милое.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

22010

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

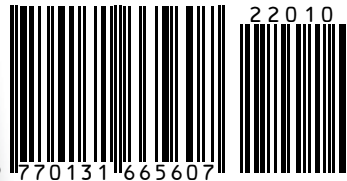
* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

22010

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№10 октябрь 2022